Экономические и гуманитарные исследования регионов

2/ 2017

Economical and humanitarical researches of the regions

2/ 2017

Регистрационный номер ПИ ФСС77- 39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Почта России 37137
ISSN 2079-1968
Научно-теоретический журнал

№ 2 2017 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник Министерства образования Российской Федерации, заведующий кафедрой философии и мировых религий (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лукацкий М.А. − член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник общего образования Российской Федерации, Научный руководитель лаборатории теоретической педагогики ИТИП РАО, заведующий кафедрой психологии и педагогики (Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва);
Осадчая Г.И. – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе (Институт социально-политических исследований Российской академии наук, г. Москва);
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных и гуманитарных наук (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Москва);
Арсалиев Ш.М-Х. – доктор педагогических наук, профессор, декан исторического факультета (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет», г. Грозный);
Розин М.Д. – доктор философских наук, профессор, директор Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);
Попов М.Ю. – доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»;
Маринов М. Б. − доктор философских наук, специалист (Уханьский университет, Китайская народная республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Говердовская Е.В. – заместитель главного редактора, доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию (Пятигорский медико-фармацевтический институт − филиал федерального

государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Пятигорск);

Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор, отдел гуманитарных исследований (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный);

Верещагина А.В. – доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Везиров Т. Г. - доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала);

Гончаров В.Н. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Гуманитарного института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Горелов А.А. – доктор педагогических наук, профессор кафедры "Теория и методика физической культуры" (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", г. Санкт-Петербург);

Бондаренко А.В. – кандидат философских наук, доцент, (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа)

Елисеев В.К. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк);

Каргиева З.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова", г. Владикавказ);

Касьянов В.В. – доктор социологических, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», г. Краснодар);

Матяш Т.П. – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры философии религии и религиоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Ратиев В.В. – доктор социологических наук, директор (Филиал частного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Краснодар, г. Краснодар);

Ромаева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и педагогических технологий Педагогического института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Самыгин С.И. – доктор социологических наук, профессор кафедры "Управления персоналом и социологии" (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет», г. Ростов-на-Дону);

Сущий С.Я. – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института

социально-экономических и гуманитарных исследований (Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону);
Спирина В.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан социально-психологического факультета, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир)
Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук (Ростовский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия»:, г. Ростов-на-Дону);
Финько М.В. – доктор философских наук, профессор кафедры православной культуры и теологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону);
Хараева Л.А. - доктор педагогических наук, профессор (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшег образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик);
Шингаров Г.Х. – доктор философских наук, профессор кафедры "Философия" (Негосударственное аккредитованное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования Современная гуманитарная академия, г. Москва);
Щербакова Л.И. − доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет М.И. Платова, г. Новочеркасск).

© «Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов»

www.cegr.ru.

Registration number PI FSS77- 39740
Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
catalog number 37137 Russian Post
ISSN 2079-1968
Scientific theory journal

№ 2 2017

EDITOR-IN-CHIEF

Nesmeyanov E.E. − Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia, Honored Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation, Head of the Department of philosophy and world religions (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Don State Technical University", Rostov-on-Don)

EDITORIAL COUNCIL

Lukatskii M.A. − Corresponding Member of RAO, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Honored worker of the general education of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Theoretical Science Pedagogy ITIP RAO, head of the Department of psychology and pedagogy (State-Funded Educational Institution of Higher Education "Yevdokimov Moscow State Medical and Dental University" of the Ministry for Public Health of the Russian Federation, Moscow);
Osadchaya G.I. − Doctor of Social Sciences, Professor, Deputy Director on scientific work (Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow);
Pusko V.S. − Doctor of Philosophical Sciences, Professor, head of the Department of political science of the faculty of social Sciences and Humanities (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Bauman Moscow State Technical University", Moscow);
Arsaliev Sh.M-Kh. − Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, the Dean of historical faculty (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Chechen State University, Grozny);
Rosin M.D. − Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of North-Caucasian scientific centre of higher school (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);
Popov M.Yu. − Doctor of Social Sciences, Professor, chief editor of "The Humanitarian, socio-economic and social Sciences";
Marinov M.B. − Doctor of Philosophical Sciences, specialist (Wuhan University, China)

EDITORIAL BOARD

Goverdovskaya E.V. − deputy Chief Editor, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Deputy Director of postgraduate and additional education (Pyatigorsk Medical-Pharmaceutical Institute - branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "The Volgograd State Medical University" of the Ministry for Public Health of the Russian Federation ", Pyatigorsk**);**

Akayev V.H. − Doctor of Philosophical Sciences, Professor, the Department of humanitarian studies (Federal Ibragimov State Institution of Science Integrated Research of Russian Academy of Sciences, Grozny);
Bondarenko A.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa)
Vereshchagina A.V. − Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of theoretical sociology and methodology of regional researches of the Institute of sociology and regional studies (The Institute of Sociology and Regional Studies of Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don).
Vezirov T. G. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of methods of teaching mathematics and Informatics (Federal state budgetary educational institution of higher professional education "Dagestan state pedagogical University", Makhachkala)
Goncharov V.N. − Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, associate Professor in the Department of philosophy, humanitarian Institute (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «North Caucasian Federal University», Stavropol);
Gorelov A.A. − Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Professor of "Theory and methodology of physical culture" (Federal State Scientific Institution "Institute of Socialization and Education" of the Russian Academy of Education, Moscow);
Eliseev V.K. − Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Dean of the faculty of pedagogy and psychology (Federal State Educational Institution of Higher Education «Lipetsk State Pedagogical University named after Semenov-Tyan-Shansky», Lipetsk);
Kargieva Z.K. − Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of the Department of pedagogy and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Khetagurov North Ossetian State University», Vladikavkaz);
Kasyanov V.V. − Doctor of Social Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor, head of the Department of history and cultural studies (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Kuban State University», Krasnodar);
Matyas T.P. − Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor-consultant of the Department of philosophy of religion and religious studies (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);
Ratiev V.V. − Doctor of Social Sciences, Director (Branch of Private Educational Institution of Higher Education «Witte Moscow University» in Krasnodar, Krasnodar);
Romeva N.B. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of chair of pedagogics and pedagogical technologies Pedagogical Institute (Federal state Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Caucasus Federal University", Stavropol, Russia)
Samygin S.I. − Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of the Department "Personnel management and sociology" (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics», Rostov-on-Don)
Soushiy S.Y. − Doctor of Social Sciences, Associate Professor, chief researcher, Institute of socio-economic and Humanities research (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don);
Spirina V.I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of social and psychological faculty, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University", Armavir)
Ten Y.P. − Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, Professor of the Humanities Department (Rostov branch of the State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", Rostov-on-Don);
Fin'ko M.V. − Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Orthodox culture and theology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education " Don State Technical University", Rostov-on-Don);
Kharaeva L.A. - Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Federal State Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov», Nalchik);

Shingarev G.H. − Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department "Philosophy" (Non-government accredited private institution of higher education Modern University for the Humanities, Moscow);
Shcherbakova L.I. − Doctor of Social Sciences, Professor, head of the Department of sociology and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Platov South-Russian State Technical University», Novocherkassk);

© «Economical and humanitarical researches of the regions»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

БЕКОЕВА Т.А., АЙЛАРОВА С.А. Научно-просветительская деятельность Н.И. Воронова на Северном Кавказе 9
ГЕРЛАХ И.В., СПИРИНА В.И Молодёжное добровольчество в Краснодарском крае: современное состояние, проблемы и перспективы развития 15
ЖУЙКОВА Н.А Становление танцевальной культуры будущего учителя-хореографа в национально-образовательном пространстве Республики Южная Осетия 24
КОЗАЕВА Г.Р. Позитивные преобразования в системе среднего профессионального образования Республики Южная Осетия 28
МАГАМАДОВ Н.С-Х. Диверсификация профессиональной информационно-технологической подготовки как часть социального заказа информационного общества 31
МАГАМАДОВ Н.С-Х. Особенности внедрения электронных образовательных технологий в информационно-образовательной среде вуза 36
МОРОЗОВА Т.П. Особенности межличностного общения детей старшего дошкольного возраста и обучающихся в первом классе общеобразовательного учреждения 39
САРИЕВА А.О. Современные тенденции подготовки бакалавров в сфере туризма: аспект готовности к конструктивному профессиональному взаимодействию с клиентами 43
УСТИНОВА Л. Г., СУЛТАНОВА М. В. Педагогическое образование в контексте исторического развития 49
ФЕДИНА Н.В., ПИЛИПЕНКО О.П. Проявления речевого творчества в различных видах деятельности современных дошкольников в условиях дошкольной образовательной организации 53
ХАЛИЛУЛЛИН Ф.Ф., РЫБАЛКИН Д.А. Исторические предпосылки организации здоровьесберегающей среды в юридическом институте МВД России 57

СОЦИОЛОГИЯ

АБРАМОВ М. А., АЙРАПЕТОВ А.В., ГРИШАЙ В.Н. Предметная определенность исследования патриотизма: социально-философский аспект 62
БОРОВИК О.В. К постановке вопроса о балансе сетевых и централизованных структур в современном обществе 67
ИСЛАМОВ Ф.И. Социологические исследования общественного мнения как инструмент диагностики проблем муниципального управления в современной России 71
МАЦНЕВ А.А. Противодействие коррупции в российском обществе начала XXI в.: социологические и социально-правовые аспекты 75
НЕКРАСОВА Е. Г. Механизмы институциональной трансформации государственной социальной поддержки молодежи в современных российских условиях 80
ПОПОВА Т.В. Проблема роста социального влияния глобальной компьютерной сети интернет на современное телевидение 85
СЫПАЧЕВ С.В. Статусно-ролевой аспект социальной определенности военнослужащих 90

ФИЛОСОФИЯ

ГОНЧАРОВ В.Н.
Социальная информация в контексте развития общественной системы 95

ПЕДАГОГИКА

УДК 37

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.И. ВОРОНОВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Бекоева Т.А. , Айларова С.А.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF N.I. VORONOV IN THE NORTH CAUCASUS

Bekoeva T.A., Aylarova S.A.

Статья посвящена анализу научно-просветительской деятельности Н.И. Воронова – видного учёного, педагога и общественного деятеля, имя которого вошло в список русских писателей XIX века. Около 20-ти лет он жил в Северо-Кавказском регионе, был членом Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества, его работы и научно-организационная деятельность на посту редактора «Сборника сведений о кавказских горцах», газеты «Кавказ» и других изданий сыграли большую роль в развитии кавказоведения. Многое он сделал также и для изучения горцев Северного Кавказа, их культуры и просвещения. Наиболее примечательным и творчески плодотворным оказался период, связанный с редакторской деятельностью Николая Ильича в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Во всех его работах прослеживается ведущая идея о том, что русский народ должен жить в мире и дружбе с народами национальных окраин империи, помочь им в обновлении экономики, культуры, развитии просвещения. Н.И. Воронов был сторонником диалога двух различных культур, его интересовала не только научная сторона вопроса – он стремился внести посильный вклад в процесс сближения северокавказских этносов с русским народом.

The article analyzes the scientific and educational activities N.I. Voronov – a prominent scientist, teacher and public figure, whose name was included in the list of Russian writers of the XIX century. About 20 years he lived in the North Caucasus region, was a member of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society, his scientific and organizational work as editor of "Collection of Information about the Caucasian Highlanders", the newspaper "Caucasus" and other media played a major role in the development of Caucasian studies. Much as he had done for the study of the mountaineers of the North Caucasus, their culture and education. The most notable and creatively fruitful period turned out to be associated with the editorial Nikolai Ilyich activities in the "Collection of Information about the Caucasian Highlanders". In all of his works can be traced leading idea that the Russian people should live in peace and friendship with the peoples of the national borderlands of the empire, to help them to upgrade the economy, culture, education development. N.I. Voronov was a supporter of dialogue between two different cultures, it is not only interested in the scientific side of the issue – he sought to make a contribution to the process of rapprochement with the North Caucasian ethnic Russian people.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горцы, Н.И. Воронов, просвещение, редакторская деятельность, научная работа, Кавказский Отдел Императорского Русского Географического Общества

Keywords: North Caucasus mountaineers, N.I. Voronov, education, editorial activities, scientific work, Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society

Во второй половине XIX столетия значительный вклад в развитие просвещения, кавказоведения и культуры народов России, Северного Кавказа и Закавказья внес Николай Ильич Воронов (1832 – 1888 годы) – видный учёный, педагог, общественный деятель. Он стоял у истоков становления периодической печати в крае, являясь одним из основателей «Сборника сведений о кавказских горцах», на страницах которого публиковались статьи русских кавказоведов и первых горских просветителей. Н.И.Воронов принадлежал к плеяде прогрессивно мыслящей русской интеллигенции и размышлял о необходимости перемен в России, модернизации экономики и культуры кавказских этносов, критически осмысливая явления окружающей действительности. О либеральных просветительско-педагогических взглядах Н.И. Воронова мы можем судить не только по его статьям, но и по материалам, отобранным и помещённым в возглавляемом им «Сборнике сведений о кавказских горцах». По мнению современников, Н.И. Воронов отличался не только умом, энергичностью,

порядочностью, большой силой воли, но и умением находить общий язык с коллегами и учениками, одержимостью в работе и даже в трудных ситуациях никогда не изменял своим гуманистическим принципам.

В просветительской деятельности Н.И. Воронова можно условно выделить три этапа. Первый этап (1847 – 1853 годы) – период становления его как учёного, общественного деятеля и педагога. Это время его учёбы в уездном училище, а затем в Харьковской гимназии и на историко-филологическом факультете Харьковского университета, когда началось формирование прогрессивных просветительских воззрений Н.И. Воронова, ибо именно тогда он решил стать народным учителем.

Второй этап (1854 – 1863 годы) – педагогическая деятельность в Курском училище, в Ставропольской губернской гимназии, формирование мировоззрения молодого Н.И. Воронова под влиянием её директора Я.М. Неверова, одного из выдающихся российских педагогов второй половины XIX века, педагогическая работа в Екатеринодарской гимназии. В это время молодой учитель путешествует по Северо-Кавказскому региону, и у него пробуждается интерес к изучению истории, культуры, быта народов края, начинается его просветительская деятельность, он издаёт историко-этнографические очерки и критические статьи в журнале «Колокол». В течение этого периода произошло сближение Н.И. Воронова с революционерами-демократами, арест и заключение в Петропавловскую крепость.

Наибольший интерес для нас представляет третий этап его деятельности (1863 – 1880 годы), который можно назвать «кавказским». Это период ссылки просветителя на Кавказ, научно-исследовательская и просветительская деятельность в Кавказском Отделе Императорского Русского Географического Общества (КОИРГО), когда Н.И. Воронов вносит свой вклад в процесс сближения русского и кавказских этносов. Это был ответственный этап в жизни просветителя, так как он работал в качестве сотрудника Горского управления и параллельно редактировал ряд серьёзных научных изданий – «Сборник статистических сведений о Кавказе», «Сборник сведений о кавказских горцах», плодотворно трудился на посту редактора газеты «Кавказ». С 1880 года его научно-просветительская деятельность прерывается из-за тяжелой болезни.

За годы пребывания в регионе Н.И. Воронов объездил не только Причерноморье, но и Западную и Центральную часть Северного Кавказа, а также Закавказье. Результатом этих поездок явились путевые очерки, содержащие личные впечатления, исторические, этнографические сведения о городах Кавказа, станицах и горских аулах, культуре и просвещении северокавказских горцев, а также размышления о возможностях развития этого региона. Находясь по заданию организации «Земля и воля» в Лондоне, Николай Ильич написал статью «Из Грузии», которая появилась на страницах газеты «Колокол» 15 сентября 1862 г. [13, С. 73 – 74]. Эта публикация отличается от его ранее изданных статей тем, что в ней звучит открытая критика политики России на Кавказе, хотя в предыдущих материалах рассматривались лишь частные случаи злоупотребления властью отдельными лицами; в ней автор анализирует отношения России и Грузии, а также политику России, проводимую в регионе. Н.И. Воронов осуждает взяточничество, карьеризм некоторых чиновников местной администрации, отмечая: «Каждый задает себе вопрос: неужели Россия для того и пролила столько крови сынов своих на Кавказе, чтобы передать затем эту страну хищничеству своих чиновников».

Приехав на Кавказ, Н.И. Воронов заинтересовался краем, в котором жил, у него возник интерес к изучению географии, истории, культуры, этнографии и экономики региона. Просветитель был сторонником диалога двух различных культур, возникших в крае, искал гуманные способы их сближения, одним из которых считал торговлю: «Существовал и другой, кроме военного, путь – это именно торговля. Не воспользовались хорошо вначале, а впоследствии уже трудно было исправлять начальные промахи, особенно, когда вследствие стеснений усилилась вражда к нам горцев, да к тому же примешались еще и личные цели…» [4, С. 326 – 327]. Особое внимание Н.И. Воронов обращал на проблемы просвещения в крае, например, на отмену в Тифлисской духовной семинарии преподавания грузинского языка, и

выражал свое негативное отношение к подобным действиям властей. Как и многие прогрессивные русские педагоги, просветитель ратовал за то, чтобы обучение детей начиналось на родном, а затем продолжалось на русском языке.

Николай Ильич работал в тесном контакте с сотрудниками Горского управления, которое оказывало активную помощь Кавказскому Отделу Императорского Русского Географического Общества при подготовке «Сборника статистических сведений о Кавказе». Особое внимание на Н.И. Воронова обратил Дмитрий Семенович Старосельский, который с 1865 года в течение семи лет возглавлял Горское управление и приложил много сил для урегулирования системы государственного налогообложения. Чтобы облегчить жизнь горского населения, Дмитрий Семенович, член Географического Общества, посещал заседания Кавказского Отдела, изучал историю, религию, быт кавказских этносов, постоянно заботился о строительстве новых дорог, мостов, портов, об улучшении медицинского обслуживания населения, о его просвещении. Он понимал, что Северо-Кавказский регион нуждается в серьёзных административных реформах, способствующих развитию экономики, торговли, культуры и просвещения, для чего был необходим сбор сведений о численности горского населения, о социальных и поземельных отношениях, об экономике, истории и традициях горцев [15, С. 354].

С этой целью по инициативе Д.С. Старосельского для сотрудничества с Горским управлением были привлечены военные, учёные, журналисты, (многие из них были членами КОИРГО), а также Н.И. Воронов; осенью 1867 г. он был включён в состав экспедиции в Дагестан, куда вошли военные, ученые, инженеры, землемеры, врачи, художники. Результатом деятельности экспедиции стало написание Н.И. Вороновым очерка «Из путешествия по Дагестану», первая часть которого была опубликована в 1868, а вторая – в 1870 году в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Автор статьи восхищался трудолюбием горцев, их умельцами-самоучками (голотлинцы – мастера по изготовлению кожевенных изделий [6, С. 7], согратлинцы – серебряных [6, С. 17], куядинцы – хорошо делают медную посуду, они кузнецы и плотники [6, С. 7], кумухцы – ткачи и мастера по работе с серебром [6, С. 38]). Н.И. Воронов указывал на необходимость улучшения их материального положения: люди живут в «серых деревянно-каменных клетушках без рамок, без стёкол, … без дров, без улиц» [5, С. 12], «… порой он (горец. – С.А., Т.Б.) довольствуется в день несколькими комками толокна» [5, С. 28].

Н.И. Воронов боролся за эмансипацию женщин, выступая за совместное и равное обучение мужчин и женщин, писал о необходимости системы среднего и высшего образования для той половины населения, которая занималась воспитанием детей. С болью и гневом просветитель говорил о неимоверно тяжёлом положении горянок: «В ауле Хупро нам не пришлось видеть ни одной женщины; зато здесь, в поле, не видно было ни одного мужчины: работали одни женщины. Сгорбленные, в неуклюжих одеждах, они, отворачиваясь от нас, перетаскивали на спинах своих большие связки снопов, из-под которых заметны были ноги, еле прикрытые дырявыми штанами… В самом деле, какое сближение между тем, что европеец величает дамой, и между этими несчастными жилицами кавказских гор, работающими как вьючный скот, и не только под старость, но и в 30 лет уже не могущими распрямить свой стан» [5, С. 14 – 15]. Просветитель-гуманист восхищался трудолюбием и терпением горских женщин, гневом и болью отозвалось в сердце просветителя тяжёлое положение полуголодных и неграмотных детей, а также горянок, которые были поставлены в положение рабынь.

Н.И. Воронов высоко оценил национальную культуру и духовные качества горцев: «Кто видел Дагестан, тот согласится, что страна эта представляет замечательный, в высшей степени своеобразный мир, и в общих чертах, и в мелочах сложившийся по одной мерке, по одному идеалу, так что не будет натяжкой приписать ему обладание своего рода (горской) цивилизацией…» [6, С. 24]. Николай Ильич разделял взгляды П.К. Услара на проблемы создания национальных школ для распространения грамотности, азбук и букварей для детей горцев, при его и Д.С. Старосельского содействии «на открытие народных школ было

ассигновано 2000 рублей».

Наиболее примечательным и творчески плодотворным оказался период, связанный с редакторской деятельностью Николая Ильича в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Решение об издании этого сборника было принято кавказской администрацией в 1867 г. [12, С. 495], так как Д.С. Старосельский понимал, что собранные исследователями материалы о народах многонационального и поликонфессионального края следует опубликовать как можно скорее и поддержал предложения П.К. Услара и Н.И. Воронова; было принято решение издавать собранные материалы в виде сборников. Потребность в таком издании стала очевидной и объяснялась «сбивчивостью, разбросанностью и даже отсутствием в нашей литературе многих, весьма важных сведений о кавказских горцах и интересом к народам Кавказа». На должность редактора «Сборника сведений о кавказских горцах» Д.С. Старосельский пригласил Н.И. Воронова [12, С. 495] и принял его на должность столоначальника в Горское управление. К работе Н.И. Воронов приступил в феврале 1868 года, а в 1871 году стал начальником судебно-поземельного отделения и параллельно с исполнением служебных обязанностей, редактировал «Сборник», продолжая сотрудничать с КОИРГО. Предполагалось, что это издание будет преследовать как научные, так и практические цели: горское управление исходило из того, что для более успешного управления горцами необходимо более обстоятельное знакомство с ними. Первый выпуск «Сборника сведений о кавказских горцах» вышел в свет к концу 1868 года, в «Предисловии» к нему Н.И. Воронов высказал мнение о том, что изучение культуры и быта горцев представляет особый интерес и именно в настоящее время имеет большое значение, ибо сейчас происходит «переустройство горского быта» – «старое в их жизни понемногу отходит, а новое нарождается». Он надеялся, что «Сборник сведений о кавказских горцах» именно в настоящее время даст ключ к пониманию процесса «восприятия горцами русского гражданства» [9, С. 7].

«Сборник сведений о кавказских горцах» издавался официально от имени Горского управления, поэтому его редактор должен был сказать не только о своих личных взглядах, но о «добрых намерениях кавказской администрации по отношению к горцам» [11, С.161]. Сам Н.И. Воронов высказал мысль о том, что обстоятельное изучение кавказских народов является залогом их успешной интеграции в Российское государство еще в 1864 году [8, с. 35], считал, что надо заложить «прочный фундамент, на котором могло бы возводиться такое же прочное здание нашего знакомства с горцами» [9, С. 3]; этим фундаментом, справедливо полагал просветитель, и может послужить «Сборник сведений о кавказских горцах».

Н.И. Воронов поддерживал и пропагандировал прогрессивные педагогические идеи русских учёных о необходимости открытия в регионе школ с обучением на родных языках народов Северного Кавказа, он писал, что распространение грамотности на родных языках «при надлежащем направлении и поддержке» должно иметь «большое значение в умственной жизни горцев», так как оно представляет собой такую меру, которая должна послужить «посредствующим звеном при восприятии ими начал русской цивилизации» [14, С .6]. Учитывая существование противоречивых взглядов на распространение грамотности на родном языке, Н.И. Воронов считал необходимым постоянно излагать в «Сборнике сведений о кавказских горцах» все подробности хода этого важного дела на Северном Кавказе. На его страницах он рассказал о работе чеченской, кабардинской, аварской и лакской школ по обучению горцев грамоте на родном языке. Они были открыты по проекту, предусмотренному П.К. Усларом, и при его участии [2, С. 68 – 72]. Н.И. Воронов информировал о сотрудничестве горцев с П.К. Усларом по созданию первых букварей и первых книг для чтения на родных языках горцев.

Перед тем, как издать сборник, Н.И. Воронов провел большую подготовительную работу: подбирал авторский коллектив, читал и правил предложенные статьи, сам выступал в роли автора. Свои статьи и заметки он публиковал за подписью «Н.В.», совсем без подписи или под заглавием «От редакции», а также делал примечания к статьям и текстам других авторов. Н.И. Воронов подвергал тщательному анализу и корректированию предлагаемые ему

статьи, поэтому данные, приводимые в «Сборнике сведений о кавказских горцах», были точны и объективны [12, С. 496]. В этих сборниках публиковались работы А.В. Комарова, Н.Ф. Грабовского, А.П. Ипполитова, Л.П. Загурского, статьи П.К. Услара, который принимал активное участие в работе авторского коллектива, участвовал и в организационной работе по изданию сборника [17, С. 40]. Программа этого издания была тщательно продумана и составлена так, чтобы исследовались различные стороны мировоззрения, культуры и жизни горцев.

В «Сборнике сведений о кавказских горцах» публиковались статьи и других просветителей об исследовании языков народов Кавказа, он также знакомил читателей с результатами исследований П.К. Услара по хюркилинскому (даргинскому) и кюринскому (лезгинскому) и другим горским языкам. Эти сообщения имели большое научное значение, так как вышеназванные труды были напечатаны только после смерти П.К. Услара, а при его жизни они были лишь отлитографированы в небольшом количестве экземпляров; о его труде, посвященном хюркилинскому (даргинскому) языку, Н.И. Воронов написал следующее: «Настоящим трудом г. Услара еще более доказывается высказанное им прежде мнение, что вековая вера в гору языков Кавказа должна неминуемо рушиться. Уже и теперь гора эта почти сглажена, так как множество языков оказываются наречиями немногих, главнейших» [7, С. 84].

Материалы, опубликованные в «Сборнике сведений о кавказских горцах», и сегодня имеют большую научную ценность, так как по количеству научных рубрик, по широте поднимаемых проблем, по объему привлекаемого фактического материала это издание значительно превзошло многие российские этнографические сборники, появившиеся во второй половине XIX столетия, сыграв организующую роль в кавказоведении этого периода. Исследователи-кавказоведы отмечают: «Тот факт, что с прекращением издания многие его постоянные авторы отошли от активной творческой деятельности и их публикации в других печатных органах не известны, … говорит именно об организующем значении «Сборника сведений о кавказских горцах» [16, С. 116]. Н.И. Воронов вложил в него много труда, ему удалось проделать огромный объем работы, к которой он подходил очень ответственно (это и работа в Горском управлении, и на посту редактора одновременно). Члены Кавказского Отдела высоко оценивал деятельность Н.И. Воронова как редактора «Сборника сведений о кавказских горцах», и ему много раз уделялось внимание на страницах изданий КОИРГО. Десять лет жизни Н.И. Воронов посвятил этому сборнику, под его редакцией вышли девять томов «Сборника сведений о кавказских горцах» [12, С. 495], последний том – в 1876 году, к сожалению, несмотря на субсидии, отпускаемые на эту книгу, издание «Сборника сведений о кавказских горцах» было приостановлено, как оказалось, навсегда. (В 1881 году в крае начало выходить в свет новое издание – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», которое печаталось под эгидой Управления Кавказским учебным округом, его редактором много лет был Л.Г. Лопатинский, и явилось преемником «Сборника сведений о кавказских горцах»).

Деятельность Н.И. Воронова была высоко оценена членами КОИРГО и Горского управления. В том же 1876 году по указанию наместника Кавказа князя Михаила Николаевича Н.И. Воронову было предложено принять на себя издание и редактирование газеты «Кавказ». В 60-х – начале 70-х годов XIX века эта газета выходила 3 раза в неделю на трех листках, здесь публиковались официальные и справочные материалы, рекламные объявления, что не всегда вызывало читательский интерес, однако число подписчиков постепенно сокращалось, и кавказская администрация решила поддержать газету. Несмотря на личную просьбу Д.С. Старосельского, ставшего к тому времени директором департамента Главного управления наместничества, Н.И. Воронов долго не принимал этого предложения: ему не хотелось уходить с поста правителя дел КОИРГО, так как привлекала научная деятельность, но особенно жалко было ему расставаться со «Сборником сведений о кавказских горцах». Он принял предложение только тогда, когда высокопоставленные чиновники пообещали, что выпуск этого издания будет продолжаться. «Это обстоятельство,

конечно, не могло не омрачить последних лет жизни Николая Ильича», – писал Л.П. Загурский. Наместничество приняло все его условия и программу «политической и литературной» газеты типа больших столичных газет, и с января 1877 года газета «Кавказ» стала выходить под редакцией Николая Ильича. Она издавалась по предложенной Н.И. Вороновым и принятой наместничеством программе. Теперь газета состояла из официальной (известия с театра военных действий, правительственные распоряжения) и неофициальной частей (телеграммы, новости столичных газет, местные известия, казенные и частные объявления). В газете «Кавказ» было отведено место и для научного раздела, который включал материалы по географии, истории, этнографии, педагогике, статистике. Здесь был представлен также литературный раздел – статьи, путевые заметки, фельетоны, переводы, поэзия и т.п.

Наместничество заключило с Н.И. Вороновым контракт на право издания и редактирования газеты «Кавказ» сроком на пять лет и выдало субсидию в 20 тысяч рублей. Просветитель отдавал много сил и времени редактированию газеты, а доход, который давало ему это издание, он тратил на его улучшение (при нем газета «Кавказ» стала выходить ежедневно) [10, с. 24], однако положение Николая Ильича как редактора газеты «Кавказ», по словам Л.П. Загурского, было незавидным, так как лучшие корреспонденты работали в частной газете «Тифлисский вестник». Немалых усилий Н.И. Воронову стоило найти сотрудников, некоторых ему пришлось самому консультировать и готовить к литературной деятельности.

Гуманистически настроенный человек, Н.И. Воронов считал, что русские должны приблизить горцев к себе, и между ними и горцами всегда должны быть взаимопонимание и согласие [1, С. 38]. Он был сторонником скорейшего сближения двух различных цивилизаций, отмечая следующее: «Горцы из врагов наших становятся нашими согражданами, нашими близкими братьями: кому же, как не нам, пойти на радушную встречу … И если на стороне горцев лежит роковая необходимость знакомства с нами, то на нашей – нравственная обязанность проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и определить затем, как удобнее и скорее помочь нашим новым согражданам» [9, С. 1 – 2].

По результатам их деятельности Н.И. Воронова и других исследователей можно отнести к числу тех российских ученых, которые закладывали фундамент для дальнейшего развития кавказоведения. Они внесли значительный вклад в «формулирование научно-организационных условий и концептуальных основ решения проблем интеграции народов Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство» [3, С. 23]. Н.И. Воронов стал автором многочисленных очерков и статей, его имя вошло в список русских писателей XIX века. Этот человек, обладающий незаурядными способностями, сумел проявить себя во многих сферах науки, культуры, просвещения и литературы, он понимал, что в основе безграмотности народов региона лежит отсутствие письменности многочисленных горских языков, сотрудничал с горскими просветителями, оказывая благотворное влияние на формирование их мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекоева Т.А. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Н.И.Воронова в Северо-Кавказском регионе во второй половине XIX века. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. 64 с.
2. Библиографическая заметка (Воронов Н.И.) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Вып. I. – С. 67 – 72.
3. Бунькова Ю.В. Проблемы изучения и просвещения народов Северного Кавказа во взглядах и деятельности П.К. Услара и Н.И. Воронова. Автореф. дис… канд. пед. наук. – Нальчик, 2007. – 23 с.
4. Воронов Н. Вести с Кубани (письма в редакцию) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Серия КЛИО. Раздел Этнография. Вып.7. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – Т.2. – С. 301 – 332.

5. Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. – Вып.I. – С.3 – 36.
6. Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. – Тифлис, 1870. – Вып.III. – С.1 – 40.
7. Воронов Н. Научное известие (Грамматические и филологические исследования Хюркилинского языка, П.К. Услара) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Вып. II. – С. 79 – 85.
8. Воронов Н. Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России (по поводу издания ИРГО «Географическо-статистического словаря Российской империи». Вып. 1 – 6. – СПб., 1862 – 1864) // Эпоха. – 1864. – №12. – С. 29 – 40.
9. Воронов Н. Предисловие // Сборник сведений о кавказских горцах / Сост. и издан под редакцией Н.И. Воронова. – Тифлис, 1869. – С. I – X.
10. Воронов Н.И. // Словарь кавказских деятелей. – Тифлис, 1890. – С. 24.
11. Гриценко Н.П. Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. – Грозный, 1981. – С.148 – 164.
12. Загурский Л.П. Николай Ильич Воронов. Некролог // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Тифлис, 1886 – 1888 гг. №2. Т. IX. – С. 494 – 495.
13. Лейберов И.П. «Ясочка» – почтовый ящик революции // Литературная Грузия. – 1976. – №2. – С.71 – 77.
14. Предисловие // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Вып. I. – С. I – VIII.
15. Старосельский Дмитрий Семёнович // Русский биографический словарь. – СПб., 1909. – С. 354.
16. Тютюнина Е.С. К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). – Нальчик, 1989. – С. 113 – 125.
17. Черняев П.Н. Из истории кавказоведения. II. Кавказский фольклор по исследованиям Л.Г. Лопатинского // Сборник статей по вопросам культуры. Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. №43. – Ростов-на-Дону, 1928. – С. 31 – 42.

УДК 37

МОЛОДЁЖНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Герлах И.В., Спирина В.И.

YOUTH VOLUNTEERING IN KRASNODAR REGION: MODERN STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Gerlach I.V., Spirina V.I.

Издание статьи « Молодёжное добровольчество в Краснодарском крае: современное состояние, проблемы и перспективы развития»» осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края, в рамках научного проекта № 16-16-23025 а(р) «Разработка модели подготовки менеджеров волонтѐрской деятельности на Кубани».

В статье представлены результаты анализа современного состояния молодёжного добровольчества в Краснодарском крае, его социально-педагогическая сущность, выделены актуальные проблемы и определены перспективы развития добровольческой деятельности молодёжи на Кубани. Определены основные принципы социального добровольчества и базовые потребности личности, которые оно удовлетворяет. Выявлена их значимость для решения насущных социальных задач современного общества. В статье рассматриваются условия, способствующие приобщению кубанской молодёжи к добровольческой деятельности. Обоснована необходимость объединения усилий органов государственной власти, образовательных учреждений и институтов гражданского общества с целью развития молодёжного добровольчества, показаны основные подходы к его осуществлению.

The article presents the results of the analysis of the current state of youth volunteering in the Krasnodar region, its socio-pedagogic nature, highlighted relevant issues and determined prospects of development of youth volunteering in the Kuban. The basic principles of social volunteering and the basic needs of the individual are defined that satisfies it. It is identified their significance for addressing the pressing social problems of modern society. The article discusses the conditions conducive to the introduction of the Kuban youth to volunteer. It is based the necessity of uniting the efforts of public authorities, educational institutions and civil society institutions with the aim of developing youth volunteering, the main approaches to its implementation are shown.

Ключевые слова: молодёжное добровольчество, задачи современного общества, системное добровольчество, органы государственной власти, образовательное учреждение, институт гражданского общества.

Keywords: youth volunteering, problems of modern society, the system volunteering, state authorities, educational institutions, the civil society Institute.

Рост гражданской активности является проявлением не только количественных, но и качественных изменений в гражданском самосознании населения России. Развитие гражданского самосознания как системы существующих у российских граждан социальных ценностей, идеалов и представлений об оптимальном государственном устройстве и самопозиционировании как активных политических субъектов в системе общественных отношениях, проявляется в определении собственной жизненной позиции и в поисках россиянами путей ее реализации.

Поиск условий для воплощения собственных отношений к жизни, для их действенной реализации обусловливают многообразие форм проявления, особенностей и традиций социальной практики добровольчества: появление новых форм добровольчества, наряду с существованием прежних. Такое развитие является вполне естественным процессом для добровольчества как культурного феномена. Добровольчество, с одной стороны, открывает возможности для действенной реализации молодежью и взрослым населением своей позиции, а с другой стороны – создает условия для ее выработки, формирования, становления.

Участвуя в добровольческой деятельности, человек не только продвигается к достижению собственной жизненной позиции, но и одновременно раскрывает новые возможности потенциала ее развития. Выступая в качестве субъекта, доброволец является творцом новой социальной ситуации (именно его потребности и являются исходной причиной организации внешних явлений в актуальную социально-психологическую ситуацию). При этом его индивидуальные и личностные характеристики выступают в качестве элемента условий и обстоятельств, формирующих ситуацию. Значимость потенциальной ситуации для субъекта придает определенный личностный смысл.

Добровольчество дает современному человеку уникальную возможность противостоять давлению социума, вырваться из бессмысленной гонки за социальными достижениями, наполнив свою жизнь экзистенциальными смыслами. Его можно рассматривать как социальный ресурс, который активно востребует и развивает личностные ресурсы самих добровольцев.

Основными принципами социального добровольчества являются:

- свободный выбор и добрая воля человека в проявлении личной активности в форме добровольческой деятельности и добровольного труда;

- личное ответственное участие в организованной работе на основе доверия, солидарности и сотрудничества;

- реальная определяемая польза от добровольческой деятельности и добровольного труда для других людей и общества в целом;

- ненасильственный, гуманитарный характер добровольческой деятельности и добровольного труда;

- отсутствие материальной компенсации за добровольческую деятельность и добровольный труд.

Если аксиологическую основу добровольчества, как социокультурного феномена, составляют философски осмысленные категории и принципы альтруизма, добра, свободы воли, бескорыстия, то среди личностных ресурсов можно выделить мировоззрение и верования человека, силу духа, интерес к миру, свойства личности, направленные на противостояние разрушительным воздействиям (жизнестойкость, оптимизм, локус контроля и т.п.), субъективное чувство психологического личности, поведенческую гибкость, терпимость к неопределенности и др.

Добровольчество в качестве психологических оснований, необходимых для осуществления деятельности, с одной стороны востребует определенные ценности, смыслы и личностные ресурсы, а с другой стороны – развивает их. Это позволяет рассматривать добровольчество как эффективную и гармоничную возможность повышения ресурсов жизнестойкости и формирования жизненной позиции [5, С. 55].

Добровольчество активизирует молодых людей для решения *социально значимых задач современного общества*:

− вовлечение молодежи в позитивные социальные практики;

− предоставление возможности молодым людям проявить себя и реализовать свой потенциал;

− создание условий для конструктивной созидательной активности;

− содействие профессионализации молодежи, построению индивидуальной траектории карьерного и личностного роста, создание предпосылок для осознанной трудовой занятости молодежи;

− замещение асоциального поведения просоциальным;

− преодоление психологии потребительства;

− решение актуальных проблем социально незащищённых членов общества;

− вовлечение молодежи в активное гражданское участие;

− укрепление социальных связей, повышение уровня социального доверия и ответственности, развитие позитивных социальных сетей;

− формирование социальной компетентности и развитие жизненно важных навыков, повышение уровня академической успеваемости, приобретение навыков исследовательской и проектной работы;

− гуманистическое, патриотическое воспитание, приобщение к традиционным, духовно-нравственным ценностям, идее социального служения.

Решение этих задач позволяет не только формировать инновационное пространство и развитие личного успеха, но и создать мощнейший ресурс для личностного формирования молодого поколения россиян, развития фундаментальных основ современного гражданского общества, берущего ответственность за себя и его членов. Ответственность за себя, за своих близких, за своих друзей, за общество в целом - это и есть одна из ведущих мотивационных сторон многоплановой добровольческой деятельности.

Молодёжное добровольчество сегодня выступает как одно из ключевых направлений развития человеческого потенциала, эффективного инструмента развития гражданского общества, важнейшего ресурса для организации некоммерческого сектора, процессов социального развития и модернизации страны. Задача активного включения молодого населения в реализацию целей социальной политики государства и общества является

одной из наиболее актуальных в социально ориентированном государстве.

В основе мотивов, побуждающих людей к добровольной работе в социальной сфере, лежит значительный спектр *индивидуальных и социальных потребностей*, присущих каждому человеку:

− потребность в общении и стремление быть общественно полезным другим людям,

− альтруизм - получение морального удовлетворения от заботы о благополучии окружающих,

− потребность применения профессионального и житейского опыта (молодые пенсионеры);

− потребность влиять и участвовать в социальных изменениях, желание реализовать себя, свои инициативы (люди с высшим образованием, специалисты в гуманитарных областях);

− потребность в общественном признании, общении «на равных»;

− потребность в милосердии, доброте, подвижничестве и стремление решать проблемы других людей и свои собственные.

− В последние годы среди мотивов добровольцев стали преобладать более прагматичные, такие как:

− проба себя на пути к профессии, повышение профессиональных навыков;

− потребность в дополнительной информации, контактах, навыках, возможностях (молодежь, студенты гуманитарных и иных средних и высших учебных заведений);

− профессиональный интерес для карьерного роста (молодые специалисты);

− потребность получения специальных знаний и навыков, необходимых в семье, в составе которой есть граждане пожилого возраста, инвалиды, дети, больные заболеваниями, требующими специфического лечения, и пр.

Разнообразию мотивов добровольцев соответствуют разнообразные виды добровольческих работ и услуг. Современная добровольческая деятельность и добровольный труд жителей Краснодарского края в социальной сфере направлены как на помощь людям в трудной жизненной ситуации (инвалидность, особые индивидуальные потребности, связанные с преклонным возрастом или тяжелой хронической болезнью, сиротство, безнадзорность, вынужденное переселение, безработица, депрессия и др.), так и на реализацию социальных и индивидуальных потребностей и интересов граждан (просвещение, развитие личности, укрепление семьи, досуг, духовное развитие, профилактика и охрана здоровья, пропаганда здорового образа жизни, улучшение морально-психологического состояния граждан и др.).

В Краснодарском крае проведение Олимпиады создало условия для реализации гражданского потенциала молодёжи. В Краснодаре и Сочи на базе вузов созданы волонтёрские центры, в отделах по делам молодёжи есть координаторы добровольческой деятельности. Но их работа имеет ряд существенных недостатков, взаимосвязанных с несовершенством самой региональной системы организации добровольчества:

− деятельность координаторов в полной мере не охватывает территории Краснодарского края;

− деятельность координаторов не включает в себя имеющиеся на местах добровольческие инициативы и потребности людей, нуждающихся в помощи;

− нет профессионального управления развитием добровольческого движения;

− осуществляемая работа зачастую носит разрозненный, непостоянный, и даже формальный характер;

− работа с добровольцами не включается в трудовой договор работников, осуществляющих воспитательный процесс в образовательных учреждениях;

− добровольчество не является приоритетным направлением воспитательной работы в образовательных учреждениях;

− на начальном этапе развития находится система подготовки менеджеров добровольческой (волонтерской) деятельности;

− слабо изучены региональные особенности добровольчества;

− депутаты Законодательного собрания Краснодарского края не принимают участия в поддержке добровольчества;

− работоспособность и содержательная специфика деятельности первичных добровольческих организаций во многом определяется конфигурацией личностных и социальных ресурсов лидера;

− системное добровольчество не практикуется: работают отдельные люди и группы людей, деятельность которых поощряется на ежегодных мероприятиях, организуемых с участием краевой администрации.

При организации молодёжного добровольчества допускаются следующие грубые ошибки:

1) предпочтение принуждения добровольности,

2) слабое информирование о целях мероприятия, отсутствие заботы о том, чтобы информация до участников дошла и была воспринята,

3) отсутствие индивидуального подхода,

4) отсутствие благодарности за участие — вместо взаимного обмена, несимметричное использование [5, С. 13-14].

В тоже время анализ практического опыта, нормативно-правовых документов, электронных и печатных источников показал, что на сегодняшний день в Краснодарском крае сформировался ряд условий, способствующих приобщению молодёжи к добровольческой деятельности:

1. Наличие нормативно-правовой базы добровольческой деятельности, сформированной региональными органами власти (Законы Краснодарского края «О государственной молодежной политике в Краснодарском крае», «О благотворительной деятельности в Краснодарском крае», Приказ Министерства образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края «Об организации молодёжной добровольческой (волонтёрской) деятельности в Краснодарском крае» [6], Положение об организации молодежной добровольческой (волонтерской) деятельности в Краснодарском крае, Положение о молодежной добровольческой (волонтерской) деятельности на территории муниципальных образований Краснодарского и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и краснодарского края, регулирующими вопросы развития социальной сферы и институтов гражданского общества и т.п.), что позволяет говорить о наличии методических основ организации работы добровольцев в крае.

1. Активное участие кубанской молодёжи в федеральных добровольческих программах (проект «Технология Добра», включение в работу Союза добровольцев России, участие в крупном всероссийском проекте «Весенняя неделя добра», и т.п.).

2. Добровольческая деятельность лежит в основе функционирования некоммерческого сектора Краснодарского края, который включает в себя более 150 детских и молодёжных общественных организаций. Согласно Отчету о ходе реализации в 2013 году Программы социально-экономического развития Краснодарского края на 2013-2017 годы в каждом из 44 муниципальных образований края организована деятельность волонтерских групп и объединений [2].

3. Взаимодействие общественных организаций, бизнеса и власти в сфере развития благотворительности и добровольчества (создана Общественная палата Краснодарского края, которая вносит большой вклад в поддержку добровольческих инициатив на Кубани, консолидируя усилия представителей различных социальных институтов для решения проблем развития волонтёрского движения, в первую очередь, в молодёжной среде [3], развивает молодёжное добровольчество Фонд «Край Добра», ежегодно в крае реализуются программы по развитию добровольчества, разработанные общественными организациями при финансовой поддержке администрации Краснодарского края, с 2014 года по

инициативе администрации Краснодарского края ежегодно проводится Южный форум социального служения).

4. Поощрение благотворительных и добровольческих инициатив граждан, укрепление мотивации добровольчества (активизация работы отделов по делам молодёжи муниципальных образований Краснодарского края, создание краевого реестра общественных молодежных объединений Краснодарского края в направлении «Добровольчество», организация тематических добровольческих смен и лагерей для подростков и молодёжи края, введение на территории края «Личной книжки волонтёра», создание Молодёжного кадрового центра, проведение ежегодных краевых конкурсов на лучший добровольческий (волонтерский) проект социальной направленности «Я - Доброволец!» [4] и на лучшего добровольца (волонтера) Кубани «Доброволец года» и др.).

5. Финансовая поддержка добровольческой деятельности молодёжи. Администрация Краснодарского края ежегодно производит выделение грантов на реализацию проектов общественных организаций, направленных на развитие добровольчества. Примерами могут служить проекты и программы армавирских и краснодарских общественных организаций: «Создание добровольческих служб правового просвещения молодежи «Гражданский курс», «Свет добрых сердец», «Воспитание игрой», «Духовность, здоровье и нравственность детям» и др. Сферы приложения молодёжных добровольческих усилий и содержание волонтёрской деятельности в проектах, получивших поддержку администрации Краснодарского края, в большинстве случаев связаны с будущей профессиональной деятельностью студентов: педагогика, юриспруденция, социальная работа.

6. Развитие социального служения православной молодёжи (при отделе социального служения Екатеринодарской епархии по благословению митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора в 2011 году создано добровольческое движение «Доброе сердце. Кубань», большая работа проводится священнослужителями на уровне приходов, примером могут служить православные молодёжные добровольчестве центры в Новороссийске, Усть-Лабинске).

7. Инициирование властью Краснодарского края создания добровольческих (волонтёрских) центров, в том числе на базе образовательных учреждений (сегодня практически в каждом образовательном учреждении Краснодарского края – школе, техникуме, колледже, вузе – есть добровольческий отряд. Волонтерство стало альтернативной формой практического обучения студентов, осваивающих социально значимые профессии: врача, педагога, психолога, социального работника).

8. Широкое освещение деятельности добровольцев в региональных печатных и электронных СМИ (так, например, значительный объём материалов, освещающих добровольчество кубанской молодёжи, расположен на сайте «Гражданский форум Кубани»).

С 2007 года в ежегодных докладах уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае уделяется внимание развитию добровольческого движения на Кубани. Он отмечает, что сегодня благотворительность и добровольчество должны восприниматься как ресурс социального развития региона, а добровольцем может считаться любое физическое лицо независимо от наличия гражданства, бесплатно выполняющее работы (оказывающее услуги) для благотворительных целей, вне зависимости от наличия конкретных благополучателей [1]. Уполномоченный подчёркивает, что необходимо поощрять и стимулировать развитие добровольчества, которое, наряду с поддержкой молодых лидеров и гражданским просвещением, может выступать средством противодействия коррупции.

Резюмируя вышесказанное, мы пришли к выводу о том, что к 2016 году в Краснодарском крае наличествуют не просто отдельные добровольческие инициативы граждан, а сформировалась определённая структура, поддерживающая волонтёрское

движение. Она имеет тенденцию к консолидации усилий, но, на сегодняшний день, они все ещё носят разрозненный характер.

Оценивая перспективы развития молодёжного добровольчества в регионе, мы считаем, что необходимо объединить усилия органов государственной власти, образовательных учреждений и институтов гражданского общества в сфере развития молодёжного добровольчества. Целью данного взаимодействия является создание условий для максимально возможной реализации социальных потребностей, повышение уровня и качества жизни населения Кубани. Для достижения цели необходимо осуществить комплекс организационных, законодательных и экономических мер, направленных на развитие системного молодёжного добровольчества в Краснодарском крае.

Основами такого взаимодействия являются:

− формирование партнерских отношений между органами государственной власти Краснодарского края, образовательных учреждений и институтов гражданского общества в процессе реализации общих социальных задач;

− развитие инфраструктуры поддержки молодёжного добровольчества в Краснодарском крае на муниципальных уровнях, обеспечивающей полный комплекс услуг в сфере добровольчества с учетом опыта и возможностей образовательных учреждений;

− создание системы профессиональной подготовки специалистов и организаторов добровольной работы (менеджеров добровольческой деятельности);

− проведение современной исследовательской работы в сфере добровольчества, мониторинг и анализ условий и тенденций развития молодежного добровольчества;

− обеспечение системы поддержки и развития молодежного добровольчества;

− содействие информационному обеспечению добровольческой деятельности в средствах массовой информации в целях позитивного освещения добровольчества;

− проведение круглых столов, дискуссий, конференций;

− организация курсов обучения для лидеров молодёжного добровольчества;

− организация курсов, направленных на подготовку молодежи к определенной социальной деятельности;

− активное использование возможностей межнациональных, национальных объединений, религиозных конфессий в области молодёжного добровольчества;

− создание условий для реализации потенциала добровольческой деятельности молодежи в образовательной среде средних, специальных и высших учебных заведений,

− создание систематической базы актуальных направлений и общественно востребованных мест добровольческой занятости молодежи. В т.ч. с использованием возможностей государственных учреждений и организаций, реализующих социальную политику в Краснодарском крае, социально ориентированных общественных организаций (далее - СО НКО) и образовательных учреждений.

Необходимо создание системы профессиональной подготовки кадров. В настоящее время квалификация руководителей СО НКО в области добровольной работы в социальной сфере явно недостаточна, вследствие чего имеющиеся добровольческие трудовые ресурсы далеко не всегда используются эффективно. При этом и в государственных учреждениях социальной сферы практически отсутствуют подготовленные специалисты по организации добровольной работы, вследствие чего эти учреждения не получают добровольческих ресурсов общества.

Однако как в некоммерческом секторе, так и в государственных учреждениях социальной сферы уже сформировано понимание того, что координаторы и организаторы добровольцев должны иметь специальную подготовку. Подобная деятельность требует знаний технологий организации добровольной работы и навыков в области социальной работы, социального и некоммерческого менеджмента, специальной подготовки в области организации досуговой деятельности и клубной работы, организации массовых мероприятий, связей с общественностью и т.п.

В некоммерческом секторе существует опыт разработки и реализации обучающих программ для руководителей некоммерческих организаций и организаторов добровольной работы, который целесообразно использовать. Однако для создания системы профессиональной подготовки кадров в области социального добровольчества этого явно недостаточно.

Анализ развития социального добровольчества в Краснодарском крае подтверждает необходимость создания обучающих программ, обеспечивающих проведение данной деятельности на профессиональной основе, системной базе знаний и практического опыта.

Деятельность по преодолению проблемы подготовки кадров следует начать с разработки первичной, оптимальной на сегодняшний день, модели программы обучения и методического обеспечения организации добровольной работы в социальной сфере.

К началу практической реализации системы поддержки социального добровольчества на муниципальном уровне ее учреждения должны быть укомплектованы квалифицированными кадрами в области организации добровольной работы граждан. Для этого необходимо разработать и поэтапно реализовать программу подготовки и переподготовки кадров в области привлечения и управления добровольческими ресурсами. Такую работу необходимо провести совместно с высшими учебными заведениями, центрами повышения квалификации кадров Краснодарского края и общественными организациями, реализующими подобные обучающие программы для некоммерческих организаций.

В дальнейшем разработка такой программы может быть включена в состав программ вузовской подготовки специалистов по социальной работе, специалистов в области государственного и муниципального управления, в области общественной, благотворительной, некоммерческой деятельности.

Важнейшим аспектом при создании системы стимулирования, поддержки и развития молодежного добровольчества должно стать внедрение в практику учебных заведений и молодежных организаций Краснодарского края специальных разноуровневых просветительских и прикладных программ, направленных на вовлечение молодежи в общественную жизнь и участие в деятельности организаций социальной сферы. Такие программы должны предусматривать разработку и реализацию конкретных действий, стимулирующих интерес молодежи к добровольчеству.

В целях использования добровольческого потенциала молодежи для развития социальной сферы Краснодарского края необходимо:

− разработать и осуществить среднесрочную информационно-просветительскую программу для молодежи Краснодарского края, ориентированную на информирование и мотивирование молодых людей к добровольческой деятельности в социальной сфере. Реализация программы возможна в форме факультативного курса в учебных заведениях, молодежных организациях и подростковых клубах;

− создать организационные условия для обеспечения возможности проведения практик учащихся средних специальных учебных заведений и студентов высших учебных заведений Краснодарского края на базе организаций и учреждений социальной сферы. Рабочими механизмами для этого должны служить структурные элементы системы поддержки социального добровольчества муниципального уровня;

− выявлять лучший практический опыт организации молодежного добровольчества в социальной сфере, содействовать его распространению и стимулировать повышение качества организации молодежной добровольной работы в социальной сфере, например посредством проведения районных и общегородских конкурсов;

− учитывать при разработке программы обучения и методического обеспечения по организации добровольной работы в социальной сфере опыт подготовки специалистов по организации добровольной работы молодежи в социальной сфере;

− осуществлять поддержку массовых молодежных добровольческих акций муниципального уровня, направленных на социально полезную деятельность;

− разработать механизм, позволяющий использовать добровольный труд молодежи в учреждениях социальной сферы.

Использование молодежного добровольного труда в организациях и учреждениях социальной сферы Краснодарского края позволит расширить их ресурсные и сервисные возможности. При этом участие молодежи в добровольном труде будет влиять на процесс ее воспитания, в частности: способствовать получению информации о социальной жизни Краснодарского края, проблемах и нуждах населения, развитию жизненного опыта и повышению ответственности молодежи за будущее Кубани; пробуждать чувства сострадания, милосердия, заботы, воспитывать интернационализм; развивать гражданское самосознание и предоставлять возможность получения навыков самореализации и самоорганизации для решения социальных задач; стимулировать профессиональную ориентацию и профессиональное развитие, тем самым способствовать личностной устойчивости и социализации молодежи.

Взаимодействие органов государственной власти, образовательных учреждений и институтов гражданского общества в сфере развития молодёжного добровольчества позволит достичь следующих *результатов*:

− вовлечение молодежи в активное гражданское и патриотическое участие, реализацию социальной ответственности (повышение численности молодежи реализующей индивидуальные и групповые социальные проекты, вовлеченных в общественные объединения, реализующих гражданские инициативы);

− вовлечение молодежи в позитивные социальные сети, направленные на конструирование и проектирование общественной жизни (численность молодежи вовлеченной в организованное социальное добровольчество);

− содействие профессионализации молодежи (повышение численности молодежи вовлеченных в профессиональные пробы, получающих первичный профессиональный опыт в добровольческой деятельности, включенных в различные профессиональные среды);

− формирование социальной компетентности молодежи (численность молодежи приобретающей жизненно важные социальные компетенции, прошедшие специальную добровольческую и лидерскую подготовку, передающих приобретенные навыки и опыт сверстникам);

− создание условий для молодежи, в том числе групп риска, для включение в позитивные социальные практики (численность молодежи, в том числе из групп риска, вовлеченных в позитивные социальные практики);

− совершенствование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и форм их взаимодействия с органами государственной власти в интересах социально-экономического развития и укрепления гражданского общества (численность СО НКО, организующих добровольческую деятельность молодежи).

Таким образом, будут созданы условия для активизации молодежи посредством вовлечения в общественную и профессиональную занятость в социальной и общественно-полезной сфере на основе добровольчества, формирования и реализации личностного и гражданского потенциала молодежи в реальной результативной социальной деятельности, направленной на усиление общественной консолидации, повышения гражданской субъектности населения, развития зрелого гражданского общества и создание доброжелательной, социально ответственной и чуткой, конструктивной и созидательной среды проживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ежегодные доклады уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kubanombudsman.org/

2. Отчет о ходе реализации в 2013 году Программы социально-экономического развития Краснодарского края на 2013-2017 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfinkubani.ru/budget_isp/detail.php?ID=5626&IBLOCK_ID=69&str_date=11.06.2014 (дата обращения 25.02.2017).

3. Общественная палата Краснодарского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.op-kk.ru/company/licenses/doklad.php (дата обращения 25.02.2017).

4. Приказ №77 Департамента молодёжной политики Краснодарского края «Об организации и проведении краевого конкурса на лучший добровольческий (волонтерский) проект социальной направленности» от 17 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--80abadiixnhydbbz5c6b.xn--p1ai/documents_section/ya%20dodr.pdf (дата обращения 25.02.2017).

5. Потенциал развития добровольческого движения в молодежной среде как элемент антикризисного развития: сравнительное изучение Самарской области и Краснодарского края. - Краснодар, 2010. – 269 с.

6. Приказ №2557 Министерства образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края «Об организации молодёжной добровольческой (волонтёрской) деятельности в Краснодарском крае» от 16.05.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rabotakuban.info/ officially/detail.php?ID=7926 (дата обращения 25.02.2017).

7. Шарапановская Е.В., Забалова А.В. Информационная экология как содержание добровольческого проекта // Психология добровольческой деятельности: сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 25 марта 2013 г. / под ред. И.Р. Лазаренко, Е.В. Четошниковой. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – 163 с. - С. 155-157.

УДК 37

СТАНОВЛЕНИЕ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ-ХОРЕОГРАФА В НАЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Жуйкова Н.А.

THE FORMATION OF THE DANCE CULTURE OF THE FUTURE TEACHER-CHOREOGRAPHER IN THE NATIONAL EDUCATIONAL SPACE OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

Zhujkova N.A.

В статье рассматривается как происходит плодотворная интеграция народных традиций в современной хореографической культуре. Интерес к искусству носит общечеловеческий характер, доступное без какого-либо перевода людям всех рас и континентов, танец всегда несет в себе определенную национальную окраску, а хореография, как высшая форма танцевального искусства, вобрала в себя черты национальной специфики, но степень соотношения в ней национального и общечеловеческого имеет свои особые закономерности, особую форму преломления.

The article discusses how the productive integration of folk traditions in the contemporary choreographic culture. Interest in art is human nature, accessible without any transfer of people of all races and continents, dance always carries a specific national coloring, and choreography, as the highest form of dance, has absorbed features of national specificities, but the degree of correlation of national and universal in it has its own special laws, a special form of refraction.

Ключевые слова: интеграция, традиций, хореография, культура, деятельность, музыка, драматургия, педагогический актив, художественный образ, ансамбль народного танца.

Keywords: integration, traditions, culture, activities, choreography, music, drama, pedagogical, artistic image, folk dance ensemble.

Освоение и плодотворная интеграция народных традиций в современную хореографическую культуру возможно при соблюдении двух взаимосвязанных условий. Во-первых, необходимы серьезные теоретические и полевые исследования в области самобытного танцевального искусства с точки зрения его генезиса и современного состояния, которые будут способствовать сохранению этого вида народного творчества и культурного наследия. Во-вторых, за теоретическими исследованиями должна следовать практическая деятельность по освоению фольклорного танца в рамках профессиональных хореографических коллективов, без чего их деятельность на современном этапе носит характер более или менее успешных опытов показа отдельных танцев, очень далеких от своей самобытной народной сути [7].

Качественно новый музыкально-хореографический синтез к концу XIX века в балетах Чайковского, Глазунова, Петипа-Иванова заставил пересмотреть не только цели, задачи хореографического искусства, но и всю его поэтику. Образность танца, рожденная на основе органического синтеза музыки и хореографии, обладает новыми достоинствами, качественно отличными от достоинств отдельно входящих в нее компонентов [8].

В середине XX столетия в СССР отмечается рост детского хореографического творчества и её преподавание. Этому способствовали такие факторы, как:

- формирование сети культурно-досуговых центров и внешкольных учреждений;
- проведение смотров, олимпиад, фестивалей детского творчества;
- обращение в обучении к профессиональной школе и ее основе – классическому танцу;
- организация системы государственных учреждений и методических служб по руководству детским самодеятельным творчеством. В частности, в Научно-Исследовательском Институте Художественного Воспитания АПН РСФСР образовался педагогический актив, разрабатывающий учебные программы, репертуарные сборники;
- создание детских студий, возглавляемых высококвалифицированными специалистами;
- научно-исследовательская и экспериментальная работа в области обучения и воспитания детей средствами танцевального искусства, завершившаяся разработкой теории эстетического воспитания средствами танцевального искусства;
- поощрение деятельности детских танцевальных коллективов, а также отдельных исполнителей: освещение в средствах массовой информации, выступления на профессиональных площадках.

Регулярное проведение фестивалей, конкурсов и смотров хореографических коллективов привёл к созданию коллективов народного танца, поразивших мир красотой и разнообразием русских танцев. Это Государственный ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева (1937), ансамбль «Берёзка» (1948) под руководством Надежды Надеждиной [5].

Интерес к искусству носит общечеловеческий характер, доступное без какого-либо перевода людям всех рас и континентов, танец всегда несет в себе определенную национальную окраску, а хореография, как высшая форма танцевального искусства, вобрала в себя черты национальной специфики, но степень соотношения в ней национального и общечеловеческого имеет свои особые закономерности, особую форму преломления. Если в народном танце национальное проявляется более выпукло и наглядно, то академический танец отмечен печатью национального своеобразия уже в значительно меньшей степени. Язык классического танца интернационален, несмотря на национальную окраску, которую он всякий раз приобретает в той или иной стране [4].

Процесс пополнения хореографической лексики происходит в танце за счет обогащения классического танца пластическими мотивами национальной характерности, рационального использования пантомимических выразительных средств, элементов спорта, художественной гимнастики, акробатики, творческого восстановления и использования

обширного арсенала академического танца [1].

Анализ архивной информации НИИ им. З.Н. Ванеева г. Цхинвал по формированию художественного творчества национального региона Республики Южная Осетия показал, что рамки художественного синтеза в нем обнаруживают тенденцию к своему постоянному расширению. Многовековой опыт соединения в единую художественную целостность таких явлений, как традиции и обряды, связаны в первую очередь именно с синтезом искусств, что усиливает их эстетическое и нравственное воздействие и ведет к качественно новому художественному образу [6].

Начало 20 столетия явилось самым важным и существенным этапом в истории формирования педагогики осетинской хореографии. В этот период ее становление как самостоятельной структуры добилось наиболее значительных успехов. Происходит глубокое проникновение и внедрение хореографической культуры в повседневную жизнь населения, что, несомненно, отразилось на развитии ее педагогики. Это был период исканий и экспериментов.

Низкий уровень развития экономики, культуры и науки, а также наличие всевозможных предрассудков, суеверий и запретов желаемый темп развития педагогики шел медленно [2].

В эти годы не были достаточно разработаны основы методики обучения национальным танцам, не были закреплены на практике основные принципы и формы хореографического воспитания. Массовое развитие хореографической культуры было связано с установлением советской власти в Осетии и сменой социально-экономической структуры, с поддержкой и постоянным вниманием со стороны политических и общественных организаций развитию национальной культуры. Большое внимание уделялось возникновению очагов культуры. Шла активная работа по разъяснению воспитательного, духовно-оздоровительного значения творческих организаций и учреждений культуры, их места в жизни общества. Начали появляться первые энтузиасты-любители: Хадо и Беса Плиевы, Филуш Цховребов, Александр (Соско) Джадтиев, Ясон Тотоев, Борис Андиев, Цуцукк Гаглоев, Николай Каркусов. Почетное место занимали занятия по осетинским народным танцам в школах города и районах Южной Осетии, где закладывались основы гармоничного развития детей. Людей отдавших свой талант, творческую энергию и формированию педагогики осетинской хореографии было не мало, но информация о них сохранились скудные и обрывочные сведения, поэтому полнота их деятельности не предоставляется возможным. Профессиональные коллективы, одним из которых являлся «Горные орлы Кавказа» оказали большую пропаганду в популяризации танцевального искусства и массовой заинтересованности населения. Репертуар детских коллективов в основном был выстроен на осетинских народных танцах: «Танец джигита», «Танец с кинжалами», «Кинтаури», «Рог кафт», «Симд», «Хонга», «Зилга» и т.д. Танцы сопровождались кавказской музыкой с характерным шумовым оформлением и выкриками. Событием огромной важности в культурной жизни республики в конце 30-х годов, стало открытие Государственного ансамбля песни и танца Южной Осетии «Симд». Организации государственного ансамбля предшествовала большая подготовительная работа многих самодеятельных танцевальных коллективов. Зарождение профессионального хореографического искусства знаменовало собой творчество З.Н. Бирагова, которое способствовало значимым изменениям во внедрении практики преподавательской деятельности. Составив свою систему тренажерных упражнений, он выработал свою самостоятельную систему обучения: воспитать полноценно грамотных танцоров, владеющих необходимыми актерскими и техническими средствами выразительности – цель, которую ставил перед собой З.Н Бирагов. В этот период значительные сдвиги в педагогике детской хореографии произошли и в Северной Осетии. Большую роль в развитии детской танцевальной культуры Северной Осетии сыграли хореографические ансамбли: «Дети гор» (художественный руководитель Б. Тотров), «Маленький джигит» (художественный руководитель Т. Кокаев).

В народных танцах осетин отражается героическая история народа, раскрываются лучшие черты национального характера. Национальный танец для осетин – это больше чем искусство.

В 50-е годы создание новых хореографических коллективов в Южной Осетии стало естественной потребностью населения. Роль танцевального творчества в жизни детей и подростков не ограничивалось только приобщением их к искусству танца. Появляются программа по приобщению детей к национальному танцевальному искусству, расширяется диапазон новых танцевальных постановок. В народную танцевальную канву начали органично проникать и элементы стилизации – новые красочные рисунки, новые разработки народных движений.

В послевоенный период, вплоть до конца 60-х годов идет углубление содержания танцевального искусства. Большой вклад в системе дополнительного образования детей и подростков в области осетинской хореографии внесли учителя Х. Гаглоев, Г.С. Тедеев, В. Чибиров, В.Д. Еналдиев, М. Шавлохов, З. Хачирова, К. Гучмазов, В. Касрадзе и др. [3].

Хореографическое искусство всегда привлекало к себе внимание детей. Оно приобрело широкое распространение в дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах. Хореографические отделения в школах искусств и хореографические школы показали себя на практике как перспективная форма эстетического воспитания детей и подростков, в основе, которой лежит приобщение их к хореографическому искусству. Оно обеспечивает более полное развитие индивидуальных способностей детей, и поэтому обучение в хореографических коллективах должно быть доступно значительно большему кругу детей и подростков. Они любят искусство танца и посещают занятия в течение достаточно длительного времени, проявляют настойчивость и усердие в приобретении танцевальных знаний и умений. Используя специфические средства искусства танца, заинтересованность детей, преподаватели хореографии имеют возможность проводить большую воспитательную работу. По мнению опытных учителей хореографии танцу должны обучать детей с дошкольного возраста. Обосновывают они это тем, что, во-первых, дети готовы уже физически к занятиям, а во-вторых, данный возраст характеризуется основами развития психических процессов и, в-третьих, дошкольный возраст – это период, в котором начинает развиваться творческое воображение. Последнее является важнейшим условием овладения основами актерского мастерства, которое, в свою очередь, является составляющей первого этапа обучения хореографии.

Учитывая возможности хореографического искусства в формирование личностных характеристик ребенка, проанализировав опыт зарубежных, отечественных хореографов и заслуги учителей-энтузиастов национального региона Южной Осетии в становление осетинской хореографии мы, на добровольной основе, организовали *детский театр эстрады* на базе дополнительного образовательного учреждения «Дом пионеров», ныне «Дом детского творчества» г. Цхинвал. Мы понимали, что ребенок – индивидуальная личность, к каждому нужен определенный подход, одни гиперактивные, другие чрезмерно спокойные, управляемые и неуправляемые и только овладев искусством воздействия, влияния и, конечно же, требовательностью к дисциплине можно достичь желаемого результата воздействия. Слова и предложения, сказанные в надлежащем тоне и с определенной интенсивностью, являются незаменимыми педагогическими методами воздействия.

Ядром учебной подготовки явилась классический танец, который закладывает основы всей хореографической школы. Параллельно с классическим танцем воспитанники изучают народно-сценический, бальный, историко-бытовой, эстрадный и детский танец. Изучение танцев различного жанра и различных народов мира оказывает влияние на формирование хореографической техники и художественного вкуса.

Вместе с изучением основ хореографического искусства воспитанники учатся нормам поведения как в пределах коллектива, так в учреждении дополнительного образования, где проводят свободное от школы время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А.Ф. Духовная жизнь первобытного общества. М. - Л.: Наука,1966. – 243 с. Джагаева Т.Е Формирование экономической культуры личности в условиях национального региона (на примере Республики Южная Осетия). – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. – 407 с.

2. Журнал «Известия», НИИ им. З.Н. Ванеева, 2011. – №39. – С. 27-30.

3. Калашникова Т.И. Становление готовности студентов-хореографов к развитию художественно-творческого потенциала учащихся: Дис. канд. пед. наук. – Курск, 2002. – 201 с.

4. Традиции и современность в фольклоре / Отв. Ред. В.К.Соколова. М.: Наука, 1988. – 212 с.

5. Шавлохов М.М. «Об осетинской хореографии». – Цхинвал, 2010. – 232 с.

6. Юрьева М.Н. Профессионально творческое становление личности студента-хореографа в вузах культуры и искусств : дисс. док. пед. наук : 13.00.08 -Тамбов, 2010. – 569 с.

7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://oballet.ru/category/skomorohi-poteshniki (Балет – искусство танца).

УДК. 37

ПОЗИТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Козаева Г.Р.

POSITIVE CHANGES IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

Kozaeva G.R.

В системе среднего профессионального образования Республики Южная Осетия происходят позитивные преобразования в педагогической технологии, связанные с индивидуальным развитием личности будущего специалиста, формированием у него общих и профессиональных компетенций в соответствии с новыми образовательными стандартами. Анализ результатов исследования инновационных преобразований в ссузах Республики Южная Осетия выявил то, что уровень состояния психолого-педагогического климата как в студенческом, так и в педагогическом коллективе повысился (от состояния «средний» до состояния «высокий»).

in secondary vocational education of the Republic of South Ossetia positive changes occur in pedagogical technologies associated with individual personality development, formation of the future specialist he General and professional competencies in accordance with the new educational standards. Analysis of the results of research of innovative change in the institutions of the Republic of South Ossetia has revealed that the level of pedagogic-psychological climate in both the student and the teacher training team (from the State of "medium" to "high" status).

Ключевые слова: Республика Южная Осетия, ссуз, позитив, инновация, преобразования, образование, пространство, система, профессионал, внедрение, компетенции, психолого-педагогический климат, коллектив.

Keywords: Republic of South Ossetia, College, positive, innovation, transformation, education, space, system, installation, professional competence, psychological-pedagogical climate team

Инновационная направленность деятельности ссуза предполагает включение всех участников образовательной деятельности в процесс создания, освоения и использования

педагогических новшеств в практике обучения и воспитания, создание в ссузе определенной инновационной среды и пространства. Среднее профессиональное образование является образовательным уровнем, способным обеспечить подъем национальной экономики государства, удовлетворить запросы рынка труда [6].

В настоящее время в системе среднего профессионального образования Республики Южная Осетия происходят позитивные преобразования в педагогической технологии, связанные с индивидуальным развитием личности будущего специалиста, формированием у него общих и профессиональных компетенций в соответствии с новыми образовательными стандартами [2]. Вместе с тем появляются проблемы при попытке внедрения в образовательную систему альтернативных форм, способов и методов обучения студентов и педагогических коллективов, предполагающих упорядоченность дидактических и воспитательных задач в условиях формирующегося инновационного образовательного пространства. Это потребовало от нас исследования существующего положения в ссузах как на начальном этапе инновационного развития системы среднего профессионального образования, так и на этапе внедрения инноваций [1].

Положительный психолого-педагогический климат в коллективе образовательного учреждения играет немалую роль при подготовке специалистов. Было проведено исследование по оценке уровня развитости системы специфических отношений в коллективе [3]. Для этого респондентам был предложен список качеств, которые характерны для высокоразвитого коллектива. Ориентируясь на заданный образец, респонденты должны были оценить отношения в своем коллективе, пользуясь шкалой: 6 баллов – все члены коллектива обладают соответствующим качеством; 5 баллов – почти все члены коллектива; 4 балла – большинство; 3 балла – половина; 2 балла – малая часть; 1 балл – почти никто; 0 баллов – никто.

Качества: ответственность – сознательное, добросовестное отношение к работе; коллективизм – стремление решать все вопросы сообща, руководствуясь интересами коллектива; сплоченность – единство мнений по важнейшим вопросам жизни коллектива; организованность – благоприятные личные взаимоотношения в педагогическом коллективе; контактность – отношение к новым членам коллектива; открытость – умение налаживать оптимальные взаимодействия; информированность – хорошее знание всеми состояния дел коллектива и друг друга [5].

При помощи критерий оценки результативности методической работы образовательного учреждения, разработанными В.М. Лизинским, мы провели анализ существующего положения в ссузах, проведя анкетирование педагогических и руководящих работников [4, с. 59]. Были выбраны следующие критерии:

1. Присутствие положительного психолого-педагогического климата в коллективе;
2. Заинтересованность педагогов в творчестве и инновациях;
3. Знание современных методов обучения, педагогических технологий;
4. Внимание к деятельности педагогов, наличие системы стимулирования развития педагогической деятельности;
5. Эффективно организованная система повышения квалификации педагогов.

Далее мы определили уровень заинтересованности педагогов в творческой деятельности. Результаты распределились следующим образом (рис.1а, 1б)

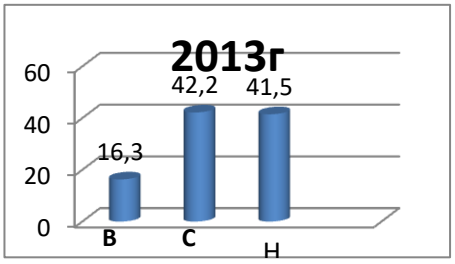

Рис. 1а. Усредненные данные показателей заинтересованности педагогов в творчестве, инновациях: В – высокий уровень; С – средний уровень; Н – низкий уровень

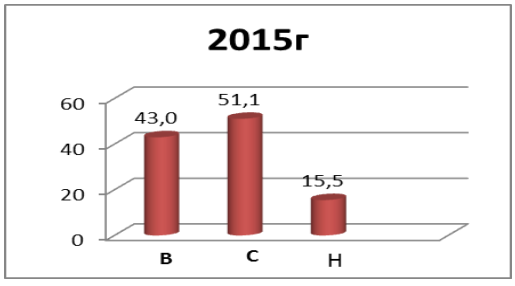

Рис. 1б. Усредненные данные показателей заинтересованности педагогов в творчестве, инновациях: В – высокий уровень; С – средний уровень; Н – низкий уровень

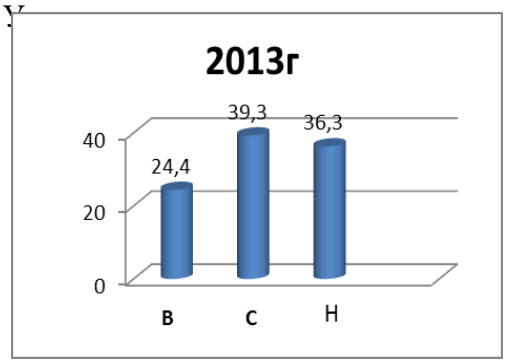

Рис. 2а. Усредненные данные показателей овладения современными методами обучения, педагогическими технологиями: В – высокий уровень; С – средний

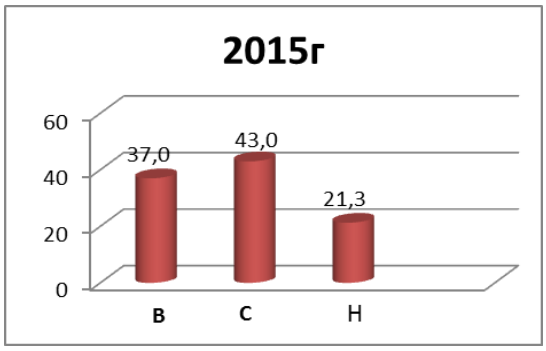

Рис. 2б. Усредненные данные показателей овладения современными методами обучения, педагогическими технологиями: В – высокий уровень; С – средний уровень; Н – низкий

Уровень владения современными методами обучения, педагогическими технологиями на основании изучения материалов документации, бесед показан в нижеследующей таблице (таблица 2). Изменение показателей овладения современными методами обучения, педагогическими технологиями представлено на рис. 2а, 2б.

Определение уровня участия педагогических работников в различных формах повышения квалификации стало следующим немаловажным шагом нашего исследования (таблица 2).

Таблица 2. Уровень участия педагогических работников в различных формах повышения квалификации

№ п/п	Формы повышения квалификации	Общее количество пед. работников, чел.	Количество педагогических работников, обучающихся в различных формах повышения квалификации			
			Чел., 2013г	Чел., 2015г	%, 2013г	%, 2015г
1	Очные курсы повышения квалификации, проводимые ЮОИПКРО	53	5	38	8,6	71, 6
2	Очно-заочные курсы	53	2	16	3,4	30,2
3	Проблемные курсы	53	-	7	-	13,2
4	Повышение квалификации по индивидуальному плану	53	18	53	31	100
	Итого		25	53	43	100

В 2015 году различными формами повышения квалификации было охвачено 100% педагогов; в 2013 году – 43,0%.

Анализируя результаты исследования инновационных преобразований в ссузах Республики Южная Осетия, необходимо отметить улучшение количественных и качественных показателей по сравнению с аналогичными показателями исследования на начальном этапе эксперимента. Количество педагогов, полностью удовлетворенных собственной профессиональной деятельностью, увеличилось на 28,5%, количество неудовлетворенных уменьшилось на 28,3%. Уровень состояния психолого-педагогического климата в коллективе повысился (от состояния «средний» до состояния «высокий»). Наблюдается рост заинтересованности педагогов в творчестве, инновациях: на 18,1% увеличилось количество преподавателей и мастеров производственного обучения, проявляющих высокую заинтересованность, и на 25,9% снизилось количество педагогов с

низкой заинтересованностью. На 12,1% выросла численность педагогических работников, хорошо владеющих современными методами обучения, педагогическими технологиями, на 15,5% уменьшилось количество тех, кто владеет ими недостаточно. Наметилась положительная динамика качества обучения: постепенно повышается количество студентов, получивших оценки «хорошо» и «отлично» по результатам выполнения выпускных квалификационных работ (с 55, 5% в 2013 году до 78,1 в 2015 году).

Улучшению показателей способствовала организация работы всех структурных подразделений ссузов в режиме развития, которая должна включать инновационные преобразования во всех ее подразделениях и включать направления: педагогическое – обучение методических и педагогических работников; технологическое – работа с педагогическим опытом; исследовательское – научно-методическая, экспериментальная работа; экспертное – проведение экспертизы педагогической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джагаева Т.Е., Козаева Г.Р Создание системы качества как разработка предложений к инновационному переходу развития образовательного учреждения среднего профессионального образования (на примере Цхинвальского многопрофильного колледжа) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки 2015, N2. С. 66-70.

2. Джагаева Т.Е. Основные факторы становления личности – будущего специалиста в условиях рынка Экономические и гуманитарные исследования регионов 1/2016 – С. 13-16.

3. Курманов А.В.Использование инновационных образовательных технологий как критерий развития личности педагога / Инновационное образование : теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск. – 2011. – С. 115.

4. Лизинский В.М. О методической работе в школе / В.М. Лизинский. М.: Центр «Педагогический поиск», 2001. – 59 с.

5. Морозова Т.В. Диагностика успешности учителя: сборник методических материалов для директоров и заместителей директоров учебных заведений, руководителей школ. Москва: Педагогический поиск. – 2000. – 19 с.

6. Самуйлова С.А. Инновационная деятельность школы как фактор повышения качества современного воспитательного процесса // А.С. Самуйлова / Инновационное образование: теория и практика: материалы Междунар. науч. - практ. конф., – Минск: АПО, 2011. – С. 481-483.

УДК 37

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Магамадов Н.С-Х.

DIVERSIFICATION OF PROFESSIONAL INFORMATION TECHNOLOGICAL TRAINING AS A PART OF THE SOCIAL ORDER OF INFORMATION SOCIETY

Magamadov NS-X.

Сегодня в условиях динамичного изменения инструментов профессиональной деятельности вузы призваны осуществлять социальный заказ общества по подготовке студентов. Однако связь между вузом и сферой деятельности выпускников не всегда надежна. Формирование специалиста высшей

квалификации осуществляется педагогической системой в процессе организуемого педагогическим коллективом целенаправленного, систематического и длительного процесса воздействия на личность будущего специалиста. Педагогический процесс вуза должен содействовать интенсивному формированию полноценного специалиста.

Today in the conditions of dynamic changes of the tools of the professional activities of universities are to carry out the social order of society for training of students. However, the relationship between the University and the field of activity of graduates is not always reliable. The formation of a specialist of higher qualification is carried out by the pedagogical system in the process organized by the teaching staff of the purposeful, systematic and long-term process of influence on the personality of the future specialist. Pedagogical process of the University should contribute to the intensive formation of full-fledged specialist.

Ключевые слова: диверсификация, профессиональная информационно-технологическая подготовка, социальный заказ, информационное общество, высшее образование.

Keywords: diversification, professional information technology training, social order, knowledge society, higher education.

Информатизация общества обусловливает изменение экономической, политической, социальной ситуации в стране, вследствие чего появляется проблема созданию новых подходов к улучшению качества подготовки специалистов. Выпускнику современного вуза нужны иные навыки и способности для адекватного вхождения в жизнь. В процессе обучения они должны не только овладеть суммой знаний и умений, но и приобрести способность к их применению в профессиональной деятельности. Возросшие требования к образовательной и профессиональной подготовке молодого поколения требуют быстрой адаптации к условиями информационной среды, уверенности в разнообразных практических ситуациях [1]. Поэтому при обучении в вузе необходимо уделять должное внимание подготовке студентов к будущей информационно-профессиональной деятельности (ИПД). В связи с этим возникает проблема формирования у специалистов не только фундаментальных знаний в какой-либо предметной области, но и навыков владения информационными технологиями (ИТ) и целенаправленного их применения в профессиональной деятельности.

Рассматривая вопросы совершенствования образовательного процесса студентов вуза в условиях информатизации общества, следует отметить, что данный процесс требует максимального использования достижений научно-технического прогресса и комплексного подхода к планированию учебного, научно-методического обеспечения, а также разработки методов и форм обучения в соответствии с запросами информационного общества.

Информационная поддержка профессиональной деятельности – это развитие и формирование определенной базы знаний (массив информации, приведенный в определенные формы и введенный в компьютер) в конкретной сфере деятельности [2].

Важнейшее значение придается подготовке будущих бакалавров к ИПД (процесс интеллектуализации деятельности) учреждений образования на основе современных информационных технологий [3], направленных на процесс формализации знаний в конкретной предметной области. В настоящее время сформированность профессиональных навыков в области информационно-технологических компетенций будущего бакалавра зависит от многих составляющих.

Следует отметить, что изучение проблем, связанных с влиянием новых информационных технологий, на развитие личности в социальной области только начинается, однако в настоящее время в следующих работах представлены результаты воздействия виртуального пространства на личность: С.В. Бондаренко, Е.П. Белинской, Т.А. Наумова, М.В. Хлебникова, В.С. Собкина. Эти данные позволяют заключить, что освоение виртуального пространства, включая образовательную среду, зависит от специфики процессов социализации личности, развитие социальной и личной идентичности, конструирования образа «Я», социального мира.

Сопоставление понятий виртуальной образовательной среды и социализации

позволяет выявить социализирующую функцию интеллектуальной образовательной среды и рассматривать её, с одной стороны, как предоставляющую возможность индивиду усваивать знания о социальном мире, с другой стороны, воспроизводить эти знания в профессиональной и учебной деятельности [4].

В связи с измененными требованиями рынка труда и трансформацией запросов мирового сообщества, выпускникам вузов необходимо не только приобретение базовых профессиональных знаний, но и навыков и умений эффективно использовать информационные ресурсы, непрерывно овладевать новыми умениями, знаниями и навыками в сфере компьютерных технологий. В связи с этим наблюдается смена набора компетенций и взаимосвязь базовых (традиционных) компетенций студента и тех, которые развиваются и формируются под воздействием компьютеризации и информатизации профессиональной сферы.

Безусловно, проблема подготовки будущих бакалавров неразрывно связана с проблемой развития и формирования информационно-технологических компетенций. Рассмотрение стандартов третьего поколения профессионального высшего образования показало, что компетенция обусловливается способностью применять умения, знания и практический опыт для эффективной деятельности в конкретной области.

Сегодня в условиях модернизации высшего образования наметились тенденции, которым придают большое значение врамках методики применения компетентностного подхода:

а) понятийная диверсификация информационно-технологических компетенций, направленная наобеспечение модификации компетентностей, дополнения ценностно-смыслового содержания, уточнениефункциональной переориентации и т.д.;

б) увеличение количества информационно-технологических компетенций, которые отражают основные факторы развития области управления;

в) усиление взаимосвязи многих компетенций менеджера (социальных, личностных, профессиональных и др. компетенций), что способствует целостности личностного развития будущего бакалавра;

г) установление взаимосвязи компетентности будущего бакалавра и его профессиональной квалификации, что приводит к видоизменениям организационной структуры учреждений и, как результат, к диверсификации должностных обязанностей будущих бакалавров и т.д.

В настоящее время значительно увеличилась ответственность лица, принимающего любые решения: условия, в которых решения принимаются, обстановка стали более непредсказуемыми, а неопределенность информации возрастает. Принимать решения приходится, чаще всего исходя из большего числа фактов, признаков, подробностей, иногда неприметных, на первый взгляд малозначащих, и тем не менее, от них зависит многое. Поэтому выдвигаются значительные требования к личностным интеллектуальным компетентностям будущего бакалавра, которые характеризуются обобщенностью и осознанностью мыслительных процессов, гибкостью мышления.

Специфика мышления выпускника вуза зависит от особенностей профессиональных задач. Будущий бакалавр должен быть готовым к выполнению профессиональных задач в следующих условиях:

− недостатком знаний при выполнении профессиональных задач из-за сложности в получении новой, современной и достоверной информации;

− многообразие управленческих задач и множество их решений;

− многофакторность аспектов и параметров, определяющие управленческие задачи;

− ограниченность во времени при принятии управленческого решения, в связи с тем, что может значительно и быстро измениться ситуация настолько, что принятое ранее решение не будет эффективным;

− взаимозависимость принимаемых решений в связи с взаимосвязью компонентов управленческой системы, в случае если изменения в одном структурном подразделении, определяют изменения в других.

В связи с вышесказанным, в процессе осуществления действия моделирования менеджеру постоянно приходится: оперировать и создавать и информационные объекты (модели) конкретных пространственных объектов, что является важнейшим качеством личности будущего бакалавра, его общего интеллектуального развития. Успешность выполнения управленческих задач зависит от умения свободно ориентироваться в пространстве, оперировать данными.

Термины «пространственные мышление», «ассоциативное мышление», «визуальное мышление», «образное мышление», «клиповое мышление» сегодня получили широкое распространение. Тем не менее, в психолого-педагогической литературе не существует единых определений данным психическим процессам. В связи с этим часто появляется непонимание, терминологическая путаница, так как различные авторы аналогичным процессам дают различные определения: наглядные представления (З.И. Моисеева, Е.Г. Глаголева, Б.В. Сорокин), пространственные представления (П.А. Сорокун, Ф.Н. Шемякин, Н.Д. Мацко), пространственное воображение (В.Н. Колбасовский, Б.М. Ребус, Б.Ф. Ломов); зрительное мышление (Н.Н. Нечаев, И.М. Ариевич), визуальное мышление (Н.Ю. Вергилес, В.П.Зинченко, В.В. Петухов, Р. Арнхейм,), пространственное мышление (Б.М. Теплов. И.С. Якиманская, Е.Н. Кабанова-Меллер).

Интерес к исследованию образного мышления вызвало открытие функциональной асимметрии полушарий головного мозга в нейрофизиологии.

Известный психолог В.П. Зинченко утверждает, что образное мышление – это один из видов человеческой деятельности, результатом которой является создание новых образов, которые несут смысловую нагрузку и делающие получаемые знания более видимым» [5]. И.С. Якиманская рассматривает образное мышление в качестве сложного процесса изменения чувственной информации. При неполном развитии образных элементов в структуре мышления индивида его образные представления создаются не только на основе конкретных объектов восприятия, но также под воздействием абстрактных понятий и идей [6]. Образное мышление является сложным психическим процессом, представляющий результаты наглядного изображения, чувственного восприятия мира, их мысленного преобразования и понятийной обработки этих результатов под воздействием требований задачи, особенностей прошлого опыта, субъективных установок личности, профессиональных интересов [7].

Если рассматривать понятие образного мышления в более узком смысле, то оно означает способность индивида создавать произвольные образы на основе заданного наглядного материала, воспроизводить и сохранить их в памяти без опоры на наглядность, преобразовывать мысленно в самостоятельно выбранном или заданном направлении под воздействием некоторых условий и на этой базе создавать новые образы, существенно отличающиеся от исходных.

Пространственное воображение является одним из видов образного мышления.

Главное содержание пространственного мышления составляют оперирование между обобщенными образами и отношениями между ними, так и между компонентами внутри их. И.С. Якиманская отмечает, что пространственное мышление представляет собой специфический вид мыслительного процесса, который происходит при решении задач, которые требуют ориентации в теоретическом и практическом пространстве (как воображаемом, так и видимом). Оперируя исходными образами, которые созданы на различной визуальной основе, мышление обеспечивает их трансформацию, видоизменение и создание новых пространственных образов, отличных от исходных [8].

В связи с тем, что пространственное мышление создается в первую очередь на наглядном материале, многие ученые относят его к «визуальному» типу мышления. Понятие «визуальное мышление» (наглядное, зрительное) предполагает мышление с помощью зрительных (визуальных) операций (Р. Арнхейм) [9].

В условиях виртуального образования следует учитывать все составляющие, но особого внимания заслуживает определение «клиповое мышление».

Клиповое мышление – это продукт современности. Новые технологии породили новую культуру восприятия информации, родовыми чертами которой являются: высокая фрагментарность информационного потока, полная разнородность поступающей информации, навык быстрого переключения между фрагментами [10]. Клиповое мышление психологи В.А. Соболев и Ю. Евстигнеева сегодня определяют у подростков. Применение виртуального образования они не рассматривают как негативный аспект современности.

В нынешний период изменений в психолого-педагогической науке развитие пространственного мышления и восприятия определяется как очень сложный процесс со множеством стадий развития. По мнению отечественных исследователей, процесс пространственного мышления индивида является одним из основ мышления в целом, а процесс развития и формирования его подструктур не останавливается на протяжении всей жизни человека – способность сознания анализировать и систематизировать поступающую информацию зависит от способности мыслить «пространственно».

На основании проведенного терминологического анализа сформулируем рабочее определение визуального (пространственного) мышления будущего бакалавра – это мыслительный процесс, который предполагает создание визуальных (пространственных) образов в процессе решения теоретических и практических управленческих задач.

В данном случае пространство – это характеристика визуальной информации, обуславливающая контекст, в котором находятся его визуальные объекты. В свою очередь, пространственные закономерности представляются различными способами: цифровыми, графическими, вербальными. Тем не менее, визуальное представление информации соответствует более точно реально существующим в управлении процессами, явлениями, объектами.

Мышление – это опережающее и активное отражение будущей и текущей деятельности на основе применения информации об окружении, опережающей адаптации деятельности к постоянно меняющимся условиям. В связи с тем, что деятельность распределена в пространстве и времени, ее пространственно-временная логика создается образным мышлением и основанной на ней интуицией.

Поэтому будущий бакалавр должен уметь анализировать визуальную информацию. Он должен быть готовым распознать конкретную стандартную ситуацию. В период визуального анализа образуется тактика обработки информации в зависимости от поставленных задач. Соответственно, необходимо не только задействовать природные способности зрительного аппарата, но и сформировать специальные умения и качества, которые у него развиваются зачастую непроизвольно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярычев Н.У. Взаимодействие поколений в контексте современных цивилизационных процессов (монография). - Кисловодск: Издательство: Учебный центр "Магистр", 2015. - С. 98.

2. Ярычев Н.У. развитие информационно-коммуникационной компетентности педагогов Чеченской Республики // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. - 2009. - № 1. - С. 25-29.

3. Грибан О.Н. Формирование информационной компетентности студентов исторического факультета педагогического вуза: диссер. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. - Екатеринбург, 2012.

4. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. - Ростов-н/Д., 2004.

5. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций: В 2 ч. Ч. 1.: учеб. пособие для вузов Текст. / В.П. Зинченко. -Самара: Самарский дом печати, 1998.

6. Якиманская И.С. Педагогическая психология / И.С. Якиманская. – М.: МПСИ, 2008.

7. Общая психология. Курс лекций: учеб. пособие / состав. Е.И. Рогов. – М.: Владос, 2003.

8. Якиманская И.С. Развитие пространственного мышления школьников Текст. / И.С. Якиманская. - М.: Педагогика, 1980.

9. Арнхейм Р. Зрительные образы: феноменология и эксперимент Текст. / Р. Арнхейм. - М., 1999.

10. Фрумкин К. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. - 2010. - № 9. Режим доступа: http:// www.topos.ru/article/7371

УДК 37

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Магамадов Н.С-Х.

FEATURES OF INTRODUCTION OF ELECTRONIC EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Magamadov NS-X.

В настоящей работе рассматриваются особенности внедрения образовательных технологий в информационно-образовательной среде вуза. В настоящее время создание и функционирование информационно-образовательной среды вуза является обязательным требованием федерального государственного образовательного стандарта высшего образования ФГОС ВО, так как именно такая среда способствует полноценному освоению учебного материала студентами и формированию в них будущих профессионалов.

In the present work considers the features of implementation of educational technologies in the information-educational environment of the University. Currently, the establishment and functioning of the information-educational environment of the University is a mandatory requirement of the Federal state educational standard of higher education IN the GEF, as it is the environment conducive to the total development of educational material by students and the formation of future professionals.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, информационно-образовательная среда, электронные образовательные технологии, подготовка компетентных специалистов.

Keywords: higher school information educational environment, electronic educational technologies, preparation of competent professionals.

В условиях становления информационного общества одной из важных предпосылок успешной профессиональной подготовки в Вузе является активизация образовательной и

познавательной деятельности студента. Важным моментом в создании учебно-научно-инновационного комплекса является создание единого информационного пространства распространения знаний, новых технологий, инновационной продукции. Наличие общих информационных ресурсов, взаимосвязь традиций и инноваций, сочетание сотрудничества и соперничества позволяют участникам реализовывать совместные проекты, укрепляющие положение каждого подразделения на рынке труда и услуг. Качество образовательного процесса во многом определяется разрешающими возможностями информационно-образовательной среды университета.

В связи с этим в последние годы одним из приоритетных ориентиров развития высших учебных заведений является создание единой информационной среды вуза. Эта стратегическая задача, решение которой поможет провести качественную модернизацию сложившихся процессов вуза, способствует эффективности использования научных и образовательных информационных ресурсов, обеспечить современные и комфортные условия для нравственного и интеллектуального развития личности. Создание соответствующих психолого-педагогических условий, когда учащийся сможет занять активную профессиональную позицию, проявить творческий подход к решению проблемных профессиональных задач, во многом зависит не только от содержания образования, но и от применяемой технологии обучения.

Следует отметить, что в настоящее время наряду с традиционными педагогическими технологиями успешно используются электронныеобразовательные технологии, которые представлены в исследованиях А.А. Андреева, М.В. Воронова, С.Л. Лобачёва, Л.И. Мироновой, Е.С. Полат,В.И. Солдаткина и др.

Подчеркнем еще раз, что в настоящее время наблюдается процесс перехода от инновационных образовательных технологий первого поколения (дневное обучение) и инновационных образовательных технологий второго поколения (дистанционное обучение на базе кейс-технологий) к инновационным образовательным технологиям третьего поколения на основе телекоммуникационных (сетевых, интернет) систем.

Ряд ученых указывают на то, что в современной системе высшего образования основным направлением развития является создание педагогических условий для самостоятельной работы обучающегося, с предоставлением свободного доступа к различным информационным ресурсам не только в интернете, на различных сайтах и порталах страны и других вузов, но и в результате внедрения новых сетевых технологий в своем вузе и на кафедре.

В настоящее время особое значение имеет решение задачи повышения уровня доступности учебного материала, т.е. формирования его таким образом, чтобы учебный материал был понятен обучаемым в условиях их самостоятельной работы (без непрерывного участия преподавателя в процессе обучения). Здесь необходимо обеспечить разделение функций между разными преподавателями в зависимости от их специализации в системе обучения на основе сетевых интерактивных технологий.

Рассматривая подходы к использованию электронных образовательных ресурсов в информационно-образовательной среде вуза, отметим, что в связи с непрерывным развитием общества существует необходимость постоянного приспособления системы высшего образования к новым условиям жизни. Поэтому в вузах осуществляется внедрение кредитно-рейтинговой системы, переход на многоступенчатую подготовку студентов, изменение образовательных стандартов, появление инноваций, новых учебных пособий, методик обучения. Это относится, в частности, и к педагогическим вузам. Так как их выпускники непременно столкнутся с необходимостью использования информационных технологий в своей будущей деятельности, то педагогический вуз должен обязательно познакомить студентов с современными информационными технологиями, научить разрабатывать электронные образовательные ресурсы (ЭОР) и использовать их в своей дальнейшей работе. Любой преподаватель должен не только использовать ЭОР, отвечающие требованиям науки, и оперативно передавать их учащимся, но и уметь создавать их.

Разрабатывая ЭОР, надо уметь выбирать наиболее современные источники новых знаний, отражающие уровень развития конкретной науки.

Современные образовательные технологии, используемые в педагогическом процессе вуза, рассматриваются как инструмент, с помощью которого может быть реализована новая образовательная парадигма. Идеи, тенденции и принципы развития непосредственно связаны с гуманизацией образования, содействующей самореализации и самоактуализации личности [1].

Развитие информационно-коммуникационных технологий способствует формированию электронного пространства, в условиях которого будет создаваться образовательная среда (в рамках электронного учебно-методического комплекса), устанавливающая основные направления работы будущих бакалавров с образовательными ресурсами и сетью Интернет: сбор, обработка, передача и обмен информации (работасо справочными системами и поисковыми серверами, электронными каталогами, электронными библиотеками, электронной рассылками и почтой и т.д.); обмен опытом и сообщениями (посещение Интернет-конференций, курсов, семинаров и т.д.); создание собственных информационно-коммуникационных ресурсов, справочных систем; активное участие в разнообразных Интернет-проектах.

Электронные обучающие технологии являются одним из основных элементов электронной системы образования, потому что они напрямую ориентированы на достижение основных целей – воспитания и обучения. Под электронными образовательными технологиями понимают как осуществление электронных учебных программ и электронных учебных планов, так и передачу будущим бакалаврам системы знаний, а также применение электронных средств и методов для создания, сбора, обработки, и хранения информации в определенной области. Сегодня наука накопила значительный опыт по передаче умений и знаний от преподавателя к студенту, создание электронных обучающих технологий, по построению их моделей. Информационно-коммуникационные технологии осуществляют активное воздействие на процесс обучения и воспитания студентов, поскольку изменяют схему передачи знаний и методы обучения.

Стоит выделить такие преимущества использования ИКТ как: интенсификация самостоятельной работы будущих бакалавров, индивидуализация обучения, рост объема выполненных заданий, расширение информационных потоков при использовании Internet, повышение мотивации и познавательной активности за счет разнообразия форм работы, возможности включения интеллектуального момента.

Если обращаться к зарубежному опыту, то на современном этапе американскими методистами на основе ресурсов Интернета выделены пять основных типов образовательных веб-заданий: тематический список ссылок или список Интернет-сайтов по изучаемой теме (Hotlist); мультимедийный альбом или своеобразная коллекция мультимедийных ресурсов (Multimedia Scrapbook); поиск «сокровищ», в конце которого может быть задан один более общий вопрос на целостное понимание темы (Treasure/Scavenger Hunt); коллекция примеров – образец постановки проблемы, когда предлагается не просто ознакомиться с материалом, но и выразить и аргументировать свое собственное мнение по изучаемому вопросу (Subject Sampler); сочетание существующей учебной программы и новых педагогических технологий (Web-Quest).

Сегодня информационно-технологическому обеспечению образовательного процесса отводится главная роль в повышении уровня качества образовательных услуг. Информационные и коммуникационные технологии облегчают взаимодействие всемирных потоков информации. Так, например, информационная политика ЕС основывается на доктрине Европейского информационного сообщества, которая была провозглашена в 1994 году в докладе М. Бангеманн «Европа и глобальное информационное сообщество: рекомендации для Европейского Союза». Основная идея документа – создание информационного общества на основе процесса европейской интеграции для обеспечения экономической стабильности стран, экономический рост традиционных и новых

(информационных) производств; решение социальных проблем–занятости населения путем создания новых рабочих мест, предоставление возможностей для свободного доступа к глобальным сетям с целью образования, здравоохранения и административного управления [2].

Согласно ежегодного отчета об итогах 2016 года для рынка мобильных технологий известной аналитической компании App Annie, как и год назад, Россия заняла 5-е место по загрузкам в App Store.

Анализ нынешнего состояния индустрии рынка информационно-коммуникационных технологий свидетельствует о том, что интеллектуальные ресурсы достигли рекордных результатов: абсолютный рост российского рынка ИКТ связан с расширением возможностей обращения мультимедийных продуктов, с развитием мобильной электронной коммерции, в частности контрактинга, консалтинга, интернет-маркетинга, интернет-банкинга, интернет-телефонии, PR-брендинга и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чупрасова, В.И. Современные технологии в образовании: учебное пособие / В.И. Чупрасова. Владивосток: ДГУ, Тихоокеанский институт дистанционного образования и технологий, 2000. - 52 с.

2. Бангеманн, А. Европа и мировое информационное сообщество. Рост, конкуренция, занятость. целн и пути в XXI век / А. Бангеманн // Бюллетень Европейской комиссии. Приложение. – 1993. – № 6. – С. 5–32.

УДК 37

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПЕРВОМ КЛАССЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Морозова Т. П.

FEATURES OF INTERPERSONAL COMMUNICATION OF CHILDREN OF THE ADVANCED PRESCHOOL AGE AND STUDENTS IN THE FIRST CLASS OF EDUCATIONAL INSTITUTION

Morozova T. P.

В статье утверждается, что потребность в общении возникает очень рано - к концу первого месяца жизни ребенка - и становится важнейшим фактором усвоения специфически человеческих форм поведения и деятельности. По мнению автора, старшие дошкольники и первоклассники стремятся к общению, мотивированно выбирая сверстника для совместной деятельности и реального общения.

In article it is claimed that the need for communication arises very much early - by the end of the first month of life of the child - and becomes the most important factor of assimilation of specifically human forms of behavior and activity. According to the author, the senior preschool children and first graders seek for communication, motivated choosing the peer for joint activity and real communication.

Ключевые слова: межличностные отношения, информационное взаимодействие, предметное взаимодействие, группа сверстников, проекционная методика, социализация

Keywords: interpersonal relations, information exchange, subject interaction, group of peers, projective technique, socialization

Потребность в общении заставляет ребенка искать контакта не только со взрослыми, но и со сверстниками. Уже на втором году жизни между детьми возникают разнообразные контакты и, как показали исследования, зарождаются личные отношения - симпатии и

антипатии. С возрастом потребность в общении расширяется и углубляется. Дети начинают ее осознавать, особенно потребность в общении со сверстниками. Все психологические и педагогические данные говорят о том, что изоляция от общества сверстников - тяжелая форма наказания для ребенка.

Дети постоянно вступают в самые разнообразные отношения. В каждой группе детского сада есть постоянные по составу объединения детей, возникающие в часы утреннего приема, на прогулках, во время игр. Ребята беседуют, высказывают свои суждения об услышанных рассказах, сказках, песнях, домашних разговорах, обсуждают поступки друг друга и окружающих взрослых; малышей часто объединяет новая игрушка, настольная или ролевая игра.

В таком информационном и предметном взаимодействии, в непосредственном общении реализуются, проявляются и формируются межличностные отношения, определяемые «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [1] «на основе… комплексного подхода с позиций разных наук» [2], который обеспечивает «единство взаимодействия всех подсистем» [4]. Взаимоотношения, сложившиеся в процессе общения в настоящее время, «обеспечивая максимальное взаимодействие социальных условий» [6], оказывают огромное влияние на формирование личности ребенка. «Особое внимание отводится анализу чувственной сферы человека» [3], что «дает возможность понимания глубинной необратимости развития, учитывая его многовариантность и альтернативность» [5]. Особый интерес представляет вопрос о мотивах, содержании и средствах общения у детей старшего дошкольного возраста и обучающихся первого класса общеобразовательного учреждения, об изменении средств и содержания общения при переходе ребенка из детского сада в общеобразовательное учреждение. Можно предположить, что многие трудности работы в первом классе связаны не только с изменением условий жизни ребенка, привыканием к новой деятельности, но и с тем, что нарушаются привычные формы общения, изменяются его средства и содержание.

В старших и подготовительных группах дошкольного образовательного учреждения и в первых классах общеобразовательного учреждения деятельность детей анализируется в разных ситуациях - в совместных играх, поздравлениях с праздником, приглашении на день рождения, совместном дежурстве (старшие дошкольники); у первоклассников совместная деятельность анализируется – в процессе совместных игр, приглашении на день рождения, при выборе соседа по парте. При этом использовался социометрический метод и экспериментальная беседа.

Общение со сверстниками проявляется только в совместной деятельности, когда возникает необходимость установления взаимоотношений. Большинство детей 5-7 лет проводят в общении со сверстниками. Каждый ребенок ежедневно вступает в непосредственное общение, свободно выбирает себе партнера, проявляя при этом избирательность, так как к одним сверстникам испытывает положительные чувства, к другим - отрицательные, а к остальным может быть безразличен. Дети выбирают для совместных игр и занятий ограниченное число товарищей, которые привлекают их определенными качествами характера, умением играть. Анализ полученного материала позволяет утверждать, что преобладающим мотивом выбора у старших дошкольников и первоклассников была совместная деятельность (игра, занятия). Причем, успехи в каком-либо виде деятельности, информативность ученики первого класса оценивают выше, чем дошкольники.

У дошкольников больше мотивов, в которых содержится эмоционально-положительная оценка сверстника, чем у первоклассников. Указания на моральные качества сверстника встречаются в ответах дошкольников и первоклассников почти в равной мере, причем у воспитанников старших групп преобладают мотивы утилитарного характера. Мотив хорошо себя ведет, который приводят дошкольники, у первоклассников звучит: дисциплинированный, организованный. Особенности внешности в качестве мотива выбора дошкольники приводят несколько чаще, чем первоклассники. Дети, прежде всего, осознают

качества и особенности поведения, которые чаще всего оценивают взрослые-педагоги и от которых в большей степени зависит положение ребенка в группе.

Мотивы выбора зависят от характера предстоящей деятельности. Часто это общая эмоционально-положительная оценка, в основе которой лежит неосознанная симпатия. Таким образом, изменение ведущей деятельности оказывает существенное влияние на мотивы межличностного выбора. Результаты межличностных выборов дают возможность выявить круг желаемого общения в совместной деятельности. Для выявления стремления к общению детей старшего дошкольного возраста и первоклассников используется проекционная методика. Суть ее в том, что испытуемым показывают картинки с изображением их сверстников в разных видах деятельности. Желание ребенка быть вместе с детьми является показателем его стремления к общению. Для этой цели служит также экспериментальное занятие по изобразительной деятельности у детей старшего дошкольного возраста. Первоклассникам показывали сюжетные картинки и каждому предлагали выбрать для прогулки и игры подгруппу из **1-8** человек.

Подавляющее большинство детей старшего дошкольного возраста и первоклассники проявляют стремление к общению со сверстниками. Наибольшее стремление быть со сверстниками обнаруживают первоклассники. Стремление быть со сверстниками во время игр сильнее у детей старших групп детского сада, чем подготовительных. Желание работать с детьми высказали воспитанников старших групп и подготовительных групп. Такое стремление первоклассников к общению свидетельствует о высоком уровне их социализации, желании участвовать в общественно значимой деятельности - учебе.

Воспитанникам подготовительных групп присуще более высокое стремление работать вместе, чем воспитанникам старших групп. Это служит показателем проявления у дошкольников деловых связей. О большой роли игры в жизни детей старшего дошкольного возраста и первоклассников говорит проявляемое ими стремление к общению в игре.

Изучение реального общения детей можно проводить при помощи предложенной Т. А. Репиной методики одномоментных срезов группы и хронометрированных наблюдений за свободной деятельностью (у дошкольников - за играми на участке и в группе, у первоклассников - на большой перемене и в группе продленного дня). Каждые 5-7 минут необходимо фиксировать группировки детей в процессе свободного общения.

Это подтверждает обнаруженное ранее детьми стремление к общению со сверстниками. Больше половины свободного времени испытуемые проводят в реальном общении с воспитанниками своей группы, одноклассниками. При этом деятельность детей самая разнообразная: они играют, трудятся, готовятся к урокам, обмениваются новостями и мнениями о полученных оценках, заданиях. Побудительной причиной общения часто служит новая вещь, игрушки, сладости.

Однако реальное общение детей старшего дошкольного возраста и первоклассников общеобразовательного учреждения имеет ряд особенностей. Не всегда круг желаемого общения совпадает с реальным общением ребенка. Только около трети детей удовлетворяют потребность в общении с избираемым сверстником. В силу различных причин ребенок не вступает в общение с тем, с кем бы хотел поддерживать отношения. Чаще всего желаемое общение с реальным совпадает у детей, пользующихся популярностью сверстников и имеющих навыки общения.

Дети малоактивные, с низким статусом, редко вступают в контакт с ровесниками, однако первые проявляют стремление к общению: подходят к товарищам, смотрят, как они играют или рисуют, обращаются с просьбой к ним, подают упавшую вещь или просто молча слушают разговаривающих. Как правило, такие дети не уверены во взаимном контакте.

Мало общаются со сверстниками дети, которые не знают правил игры, не имеют достаточной информированности или не умеют управлять своим поведением. Дети подвижные, импульсивные часто меняют контакты, своим поведением дезорганизуют деятельность других. Они пытаются привлечь внимание сверстников окриком или

действием, противоречащим порядку.

В проявлениях общения следует учитывать типологические черты нервной системы детей. Для инертных характерна медлительность установления контактов, что не устраивает сверстников. Особые трудности в общении складываются у детей, пришедших в старшую группу детского сада или в первый класс из семьи и не имеющих навыков общения в коллективе. Эти дети держатся неуверенно, редко участвует в играх. Их сверстники быстро определяют, что с ними неинтересно играть и избегают общения.

Недостатки речи, отсутствие некоторых культурно-гигиенических навыков также могут быть причиной нарушения нормального общения ребенка со сверстниками. Дети, не умеющие реализовать свои стремления к общению, замыкаются в себе, у них формируются отрицательные качества характера.

Следует отметить большую подвижность группировок первоклассников: они могут меняться через 1-3 минуты. Видимо, это происходит потому, что относительно большое число детей находятся на ограниченной площади школьного класса и за короткое время им необходимо удовлетворить потребность в движении.

Изменение ведущей деятельности оказывает влияние на возрастание стремления к общению, на мотивацию выбора сверстника для совместной деятельности, протекание реального общения детей старшего дошкольного возраста и первоклассников.

Среди старших дошкольников и первоклассников есть дети, которые не могут удовлетворить потребность в общении со сверстниками. Задача педагога - создать для каждого ребенка оптимальные условия для реализации этой потребности. В первую очередь необходимо изучить индивидуальные особенности таких детей, выявить их интересы, привязанности. Малоактивных, не владеющих игровыми знаниями детей воспитатель должен привлечь к участию в коллективных играх с захватывающим содержанием, в которых они имели бы возможность проявить инициативу, творчество. Для ребенка, недавно поступившего в коллектив, педагогу необходимо создать возможности для более активного контакта со сверстниками, помочь в затруднительных случаях, поднять авторитет новичка в глазах товарищей. У развитого, бойкого, активного ребенка воспитателю следует вырабатывать умение согласовывать свои действия с действиями товарищей, быть внимательным к ним.

Некоторые педагоги используют метод наделения ребенка дополнительной, неизвестной детям информацией. Такая субъективная информативность вызывает интерес детей к этому ребенку, заставляет их считаться с ним, что повышает его социометрический статус в группе сверстников. Важно, чтобы ребенок, поступив в общеобразовательное учреждение, испытывал потребность в общении с детьми, проявлял инициативу в установлении контактов с ними, владел положительными формами общения, мог найти друзей среди одноклассников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. – С. 95-100.

2. Гончаров В. Н. Исследование информационных процессов в контексте определения ценности информации // Социосфера. - 2011. - № 3. - С. 9-14.

3. Камалова О. Н. Становление и развитие неклассических подходов понимания интуиции в первой половине XX века // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. -№ 4. - С. 127-133.

4. Колосова О. Ю., Говердовская Е. В. Системный подход как принцип экологической направленности подготовки современного преподавателя // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 124-128.

5. Колосова О. Ю. Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 2. - С. 23-26.

6. Лобейко Ю. А., Говердовская Е. В. Психолого-педагогический аспект развития личности студента-спортсмена в контексте современных социальных условий // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 143-147.

УДК 37

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА: АСПЕКТ ГОТОВНОСТИ К КОНСТРУКТИВНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С КЛИЕНТАМИ

Сариева А.О.

MODERN TRENDS OF TRAININGOF BACHELOR IN TOURISM: THE ASPECT OF READINESS FOR CONSTRUCTIVE COOPERATION WITH PROFESSIONAL CUSTOMERS

Sarieva A.O.

В статье анализируются понятия взаимодействие, отношение, готовность к профессиональному взаимодействию. Описывается структура готовности бакалавров в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами. Дается характеристика системе потребностей туристской организации и потребителей туристических услуг. Предлагается авторская интерпретация готовности бакалавров в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами

The article analyzes the interaction of the concept, attitude, readiness for professional interaction. The article describes the structure of preparedness of bachelors in the field of tourism to professional interaction with clients. The article describes the system requirements of the tourist organizations and consumers of tourism services. In the article offered the author's interpretation of preparedness of bachelors in the field of tourism to professional interaction with clients.

Ключевые слова: взаимодействие, отношение, готовность бакалавр с сфере туризма, структура готовности к взаимодействию, потребитель туристических услуг

Keywords: teamwork, attitude, willingness Bachelor with the tourism sector, the structure of willingness to communicate, the consumer of tourist services

Социально-экономическое развитие современной России обусловливает значимость подготовки высококвалифицированных профессионалов в сфере туризма. Их квалификация во многом обусловлена необходимыми знаниями, умениями и навыками в области конструирования эффективного взаимодействия с клиентами – потребителями туристических услуг. Между тем, как полагают отечественные исследователи, подготовка бакалавров к конструктивному взаимодействию в рамках своей профессиональной деятельности является недостаточной. Отечественные авторы отмечают: профессиональному взаимодействию специалистов в сфере туризма недостаёт конструктивности и необходимого профессионализма [7]. «Такие исследования ведутся на основе применения все более широкого методологического и методического инструментария, комплексного подхода с позиций разных наук» [1].

В связи с этим рассмотрим понятие взаимодействие. В смысловом значении данное понятие соподчинено категории отношение. В социально-психологическом контексте данная категория рассматривается в следующих плоскостях: как взаимовлияние (общение) между отдельными людьми и социальными группами и в качестве социальной установки, индивидуальных и групповых ценностных ориентаций. Отношения так же обозначают выражение человеческого опыта, определяющего соответствующие действия и переживания в социальных контактах. «Важно обеспечивать максимальное взаимодействие социальных условий» [6].

Таким образом, отношения по своей сути всегда социальны. В общественном

значении специфика отношений проявляется во взаимодействии между людьми на основе их принадлежности к определенным социальным группам, в том числе профессионального характера, определяется «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [1]. При этом самым распространенным видом общественных отношений является социальное взаимодействие, в психологическом аспекте определяемое как: случайный или целенаправленный, длительный или кратковременный, вербальный или невербальный межличностный или межгрупповой человеческий контакт, следствием которого являются взаимные изменения поведения и деятельности людей; система взаимно обусловленных индивидуальных или групповых действий, обусловленных каузальной зависимостью, при которой поведение каждого из субъектов отношений является одновременно и стимулом, и реакцией на поведение всех их участников.

В первой трактовке взаимодействие означает непосредственную взаимосвязь воздействующих друг на друга людей. Во-второй, данное понятие характеризует процесс совместной деятельности на основе взаимного согласования, взаимопонимания, координации индивидуальных деятельностных вкладов, с целью удовлетворения совместных человеческих потребностей. Потребностную сущность социального взаимодействия подчеркивают практически все отечественные исследователи.

Обратимся теперь к анализу готовности бакалавров в сфере туризма к конструктивному профессиональному взаимодействию с клиентами. Рассмотрим сначала базовые категории готовность и готовность к профессиональной деятельности.

В научной литературе наиболее общее определение готовности является следующим: готовность представляет собой состояние личностной мобилизации человека, обеспечивающую эффективное выполнение определенной деятельности. В психологическом контексте готовность предполагает: 1) владение личностью необходимыми для успешного выполнения действий знаниями, умениями и навыками; 2) наличие необходимой мотивации к выполнению целенаправленной (в том числе профессиональной) деятельности.

В свою очередь в понятие готовность к профессиональной деятельности отечественные исследователи вносят следующие смысловые характеристики: готовность к профессиональной деятельности обусловлена личностным образованием, включающим: позитивное отношение к своей профессии, устойчивые мотивы профессиональной деятельности; черты характера, обусловленные требованиями, предъявляемыми профессией; профессиональные способности; устойчивые профессионально-важные особенности восприятия, памяти, внимания, мышления, эмоционально-волевых качеств личности.

В структурно-содержательном аспекте в готовности к профессиональной деятельности отечественные ученые выделяют следующие компоненты: мотивационно-ценностный компонент - осознание и личностное принятие ценности своей профессии и профессионального самосовершенствования; осуществление самооценки на предмет своего профессионального соответствия; интеллектуально-познавательный компонент – наличие знаний по теории, технологии, этике профессиональной деятельности, знаний профессионально этического характера; действенно-практический компонент – профессиональные умения и навыки: коммуникативные (профессиональное взаимодействие и общение); организаторские (организовывать, осуществлять, контролировать, оценивать и корректировать свою профессиональную деятельность); конструктивные (формулировать конкретные профессиональные цели и задачи, определять средства, формы и методы их достижения и решения); гностические (определять условия достижения профессиональных целей и решения профессиональных задач); эмоционально-волевой компонент - позитивное отношение к профессиональной деятельности, устойчивое желание работать в профессии, способность преодолевать возникающие профессиональные трудности [4].

Руководствуясь сказанным, обратимся к структуре готовности бакалавра в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами.

Ценностно-ориентационная готовность бакалавра в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами.

Нравственная готовность. Данный компонент обусловлен значением понятий нравственность и духовность Нравственность как смысл жизнедеятельности личности (в том числе в профессии), неизбежно актуализирует духовное развитие человека, при котором у личности формируется устойчивое конструктивное поведение и деятельность [5]. При этом духовность представляет собой личностную открытость миру, стремление человека понимать другого человека как самого себя, планировать и реализовывать свою деятельность на основе диалога, то есть уважения не только своих и интересов, но и интересов и потребностей других людей.

Поэтому нравственное бытие человека представлено двуединой системой отношений: его ценностным отношением к окружающим и самому себе. Такая система отношений в субъективном контексте представлена ценностными ориентациями личности, являющихся важнейшим системообразующим компонентом мировоззрения человека и актуализирующих жизненные взгляды, убеждения и соответствующие предпочтения, стремления личности к установлению тех или иных отношений с социокультурным и природным миром. «Можно утверждать, что проблема человека в окружающем мире всегда являлась ведущей, а в настоящее время она играет решающую роль в понимании современного мира в связи с глубокими преобразованиями, затрагивающими все сферы и стороны человеческого бытия» [3].

Ценностные ориентации структурированы общим нравственным идеалом, определяющим критерии соответствующего анализа человеческого поведения, тех или иных социальных явлений, с целью определения их позитивного или негативного общественного значения. В этом плане в широком смысле и в обычном определении слово идеал может иметь два значения. Этим словом, с одной стороны, называют высшую степень ценного или наилучшего, завершенное состояние какого-либо явления. С другой стороны, идеалом называют индивидуально принятый стандарт чего-либо, как правило, касающийся личных качеств или способностей человека идеального.

Что является ведущим ценностным идеалом в профессиональной деятельности в сфере туризма? Отечественные исследователи констатируют, что современная социальная ситуация актуализировала (пусть даже во временной перспективе) такую нравственную аксиому, как человек - высшая ценность. Обозначенная аксиома, по мнению Е. Н. Шиянова, детерминирует гуманистически ориентированную мотивацию поведения, специалиста, задает нормативную определенность социально-нравственным ценностям, которые в совокупности выражают и представляют соответствующие гуманистические ценностные ориентации профессионала. В свою очередь гуманизм обозначает мировоззренческий принцип, определяемый убеждением личности в безграничности своих возможностей и возможностей других людей в творческом самосовершенствовании, в том, что удовлетворение человеческих потребностей и интересов является конечной целью общества [9, с.27].

Обозначенный гуманистический ценностный идеал конкретизируется в принципе справедливости. Справедливость обозначает нравственную санкцию совместной жизни людей, которые взаимно нуждаются друг в друге и поэтому являются равными между собой. В этическом контексте справедливость выступает в качестве равенства людей в своем достоинстве и в обладании необходимыми для этого благами как источниками удовлетворения своих потребностей.

В контексте требований принципа справедливости деятельность туристкой организации в рамках нормативных требований принципа диалога должна быть ориентирована: 1) на удовлетворение потребностей клиентов; 2) на удовлетворение потребностей и интересов самой организации; 3) на удовлетворение потребностей и интересов бакалавра в сфере туризма. Поэтому в структурном плане потребностно-диалоговая основа профессионального взаимодействия бакалавра в

области туризма с клиентами должна быть представлена следующим образом (Таблица 1.)

Таблица 1. Система потребностей туристской организации и потребителей туристических услуг

Потребности (интересы) туристской организации, бакалавра в сфере туризма и клиента	Содержание потребностей (интересов) туристской организации, бакалавра в сфере туризма и клиента
Потребности (интересы) туристской организации	Потребность в прогрессивном развитии (офисные потребности, потребность в кадрах, в доходах)
Потребности бакалавра в сфере туризма	Потребность в профессиональном самоутверждении и развитии, информационные потребности, потребность в уважении своей личности со сторону руководства и коллег, потребность в материальном вознаграждении.
Потребности потребителя туристических услуг	Личностные потребности: физиологические – обусловленные необходимостью поддержания жизни клиента (чистый воздух, вода, еда, кров, тепло и пр.); социальные – потребности клиента в принадлежности к той или иной общественной группе (продукты, отражающие статус потребителя и его социальные связи); символические – потребности в самовыражении личности клиента (продукты, обусловливающие мнение клиента о себе, совокупность его ценностных представлений, самооценки, успешности); гедонические – потребности, обусловленные сенсорным удовольствием (вкус, аромат продукта, звучание музыки); когнитивные – потребности клиента в получении информации (книги, телевидение, газеты, Интернет); эмпирические – потребности, клиента в получении нового жизненного опыта (посещение концертов, театров, музеев). Сервисные потребности: (потребности, обусловленные покупательской ситуацией и выгодами, содержащимися в выбранном продукте или услуге): ситуационные потребности – специфические потребности, формирующиеся под влиянием случайных обстоятельств (например, незапланированный ремонт машины); функциональные потребности – запланированные потребности клиентов и средства их удовлетворения (например, запланированные транспорт, место проживания, питание).; социальные потребности включают потребность в принадлежности и общении с другими людьми, соучастниками совместного отдыха; психологические потребности отражают желание клиента обрести чувство уверенности и сократить возможный моральный и материальный рис при отдыхе; образовательные потребности обусловлены желанием клиента самосовершенствоваться, приобретать необходимые знания о новых явлениях, событиях.

Эмоциональная готовность бакалавра в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами. Духовно-нравственное отношение личности к

социокультурному и природному миру априори чувственно окрашено, так как человеческая оценка тех или иных явлений в качестве источника удовлетворения той или иной потребности обусловливает эмоциональное переживание личностью их ценности, значения и смысла.

Высшие эмоциональные переживания человека обусловлены его чувствами. Основываясь на исследованиях отечественных авторов, представим классификацию эмоционально-чувственных состояний, необходимых бакалавру в сфере туризма для конструктивного взаимодействия с клиентами (см. таблицу № 2) [9].

Таблица 2. Структура эмоциональной готовности бакалавра в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами

Эмоциональные состояния (чувства) бакалавра в сфере туризма	Характеристика эмоциональных состояний (чувств) бакалавра в сфере туризма
Эмоциональные состояния бакалавра в сфере туризма, связанные с отношением к делу	моральные чувства: переживание своего профессионального долга или несоответствия ему (переживания совести); интеллектуальные чувства: чувства, обусловленные познавательной активностью бакалавра и его стремлением к профессиональному самосовершенствованию; эстетические чувства обусловлены способностью профессионала переживать красоту природы, произведений искусства; его способность транслировать свои эстетические переживания клиентам; практические чувства. Данные чувства обусловлены способностью бакалавра в сфере туризма эмоционально переживать процесс профессиональной деятельности.
Эмоциональные состояния бакалавра в сфере туризма, связанные с отношением к клиентам	моральные чувства в отношении к клиентам проявляются в нравственном переживании бакалавром своего профессионального взаимодействия с ними. Способность к нравственному отношению к клиентам детерминирована нравственными качествами личности специалиста.
Эмоциональные состояния в контексте отношения бакалавра в сфере туризма к себе как личности и профессионалу	чувства самости: обусловлены ценностным отношением бакалавра в сфере туризма к своей личности и ценностным отношением к своей туристической организации.

Мотивационная и волевая готовность бакалавра в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами. Термин мотивация используется во всех областях психологии, изучающих причины и механизмы целенаправленного поведения личности. Конкретное мотивационное побуждение становятся для человека мотивом деятельности.

Важно понимать, что мотивированное поведение человека есть результат действия двух факторов: личностного и ситуационного. Под личностным фактором понимают мотивационные диспозиции личности, ее потребности, мотивы, установки, ценностные ориентации, а под ситуационным – объективные условия: поведение и деятельность других людей. В этом плане актуализируются два вида человеческой мотивации – внешняя и внутренняя. Внешняя мотивация и внешне мотивированное поведение и деятельность детерминированы объективными условиями, детерминирующими способность профессионала к адаптации к ним (в нашем случае к условиям профессионального

взаимодействия с клиентами). Внутренняя мотивация и внутренне мотивированное поведение вытекают из значимости самого профессионального взаимодействия как такового, то есть когда данное взаимодействие с клиентами является профессиональной самоцелью, а не средством достижения своих узкокорыстных интересов.

Как полагает И. А. Зимняя, в отечественной психологии мотивация трактуется в качестве сложного, многоуровневый регулятора поведения и деятельности человека. Высшим уровнем такой регуляции является сознательно-волевой. В свою очередь воля, с одной стороны, обусловлена сознательной целеустремленностью человека в его поступках и действиях, с другой, – преодолением трудностей, возникающих в деятельности, в том числе, профессиональной. В этом плане, отечественные исследователи выделяют такие волевые качества профессионала, как целеустремленность, настойчивость, упорство, решительность, смелость, выдержка и самообладание, самостоятельность и инициативность.

Когнитивная и действенно-практическая готовность бакалавра в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами. Данный компонент готовности представляет собой систему знаний, умений и навыков бакалавра в сфере туризма в области профессионального взаимодействия с клиентами.

В контексте современных образовательных подходов категория «знание» уточнена следующим образом: знания бакалавра в сфере туризма в области профессионального взаимодействия с клиентами должны иметь не столько теоретический абстрактный характер, но и активный деятельностный, то есть должны быть практико-ориентированными; значительная роль в приобретении, закреплении и расширении знаний бакалавров в сфере туризма на предмет профессионального взаимодействия с клиентами принадлежит самообразованию, самостоятельной работе профессионала.

В свою очередь, умения и навыки бакалавра в сфере туризма в области конструктивного взаимодействия с клиентами представляют собой интериоризированные способы успешного выполнения профессионально-коммуникативных действий, соответствующих целям и задачам соответствующей профессиональной деятельности. Умения всегда опираются на практико-ориентированные знания, а навыки представляют собой полностью автоматизированные компоненты профессионально-коммуникативных действий в процессе соответствующей деятельности [8].

Все сказанное позволяет дать определение готовности бакалавра в сфере туризма к профессиональному взаимодействию с клиентами следующим образом: данное взаимодействие представляет собой многочисленные целенаправленные, запланированные социально-психологические контакты специалиста с потребителями туристических услуг с целью взаимного удовлетворения соответствующих потребностей клиента, туристской организации а так же бакалавра в сфере туризма. В структурном плане данная готовность представлена ценностно-ориентационным, эмоциональным, мотивационно-волевым, когнитивным и действенно-практическим компонентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. – С. 95-100.

2. Гончаров В. Н. Исследование информационных процессов в контексте определения ценности информации // Социосфера. - 2011. - № 3. - С. 9-14.

3. Колосова О. Ю. Антропологическое измерение глобальных проблем современности // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2009. - № 1. - С. 126-131.

4. Клушина Н. П. Теоретические аспекты и практическая реализация компетентностного подхода в высшем образовании. - Ставрополь, 2014. - 240 с.

5. Клушина Н. П. Аксиологические основы работы с молодежью. – Ставрополь: СКФУ, 2014. - 128 с.

6. Лобейко Ю. А., Говердовская Е. В. Психолого-педагогический аспект развития личности студента-спортсмена в контексте современных социальных условий // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 143-147.

7. Скакун Л. В. Теория и практика подготовки специалистов сферы туризма в развитых странах мира. Монография. - К: МАУП, 2004. - 399 с.

8. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста. Инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. - 2004. - №8. - С. 26 – 31.

9. Шиянов Е. Н. Гуманизация педагогического образования: состояние и перспективы. - М.; Ставрополь, 1991. - 206 с.

УДК 37

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Устинова Л. Г., Султанова М. В.

PEDAGOGICAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Ustinova L. G., Sultanova M. V.

В статье обосновывается, что организация подготовки педагогических кадров в значительной степени определяет возможности культурного развития общества. По мнению авторов, социально-экономические отношения и культурные ценности, оказывают влияние на процесс формирования образовательных учреждений нового типа, теоретические и практические аспекты педагогического образования.

Is proved in article that the organization of preparation of pedagogical shots substantially defines possibilities of cultural development of society. According to authors, the social and economic relations and cultural values, exert impact on process of formation of educational institutions of new type, theoretical and practical aspects of pedagogical education.

Ключевые слова: индивидуализация обучения, эстетическое воспитание, индивидуальное мастерство, профессионально-ориентированное обучение, индивидуальный подход, научно-педагогический процесс

Keywords: training individualization, esthetic education, individual skill, the professional focused training, individual approach, scientific and pedagogical process

Педагогическое образование в нашей стране имеет свою историю, свои истоки развития. В дореволюционной России подготовка преподавателей осуществлялась практически лишь педагогическими институтами (отделениями) при университетах и учительскими семинариями. Эти учреждения не представляли научно обоснованную систему педагогического образования и практически не осуществляли специфической профессиональной педагогической подготовки. Количество и качество подготовки преподавателей были ориентированы на ту систему народного просвещения, при которой значительной части населения был закрыт путь к образованию.

В советское время был взят курс на максимальное развертывание подготовки и переподготовки преподавательских кадров. Проблема подготовки обострялась двумя обстоятельствами: во-первых, необходимо было привести в систему педагогического образования огромное число людей, которым требовалось дать преподавательскую подготовку, формируя у них общепрофессиональные знания и умения; во-вторых, для выполнения социального заказа необходимо было развернуть научно-педагогический эксперимент по организации индивидуальной профессионально-педагогической подготовки

преподавателей.

Количественная сторона подготовки педагогических работников образовательных учреждений сильно возросла. Курс на ликвидацию неграмотности предполагал принятие решения о всеобщем обязательном начальном образовании. По существу подготовка преподавателей осуществлялась по двум направлениям. С одной стороны - это средние и высшие педагогические учебные заведения, и с другой стороны - краткосрочные курсы. Курсов много больше чем институтов. Их характерная особенность - краткосрочность, случайность в подборе кадров и в наборе слушателей, прагматизм и эмпиричность в отборе содержания обучения. Особенности такого рода подготовки исключали как потребность, так и возможность индивидуализации профессионально-педагогической подготовки, по существу на таких курсах профессионально-педагогическая подготовка отсутствовала в принципе. Курсовое обучение было направлено в основном на выполнение трех задач: поднять общеобразовательный уровень; идеологизировать слушателей; сообщить слушателям минимально необходимый и возможный в эти сроки объем сведений по технологии организации обучения. Кратковременность курсовой подготовки в принципе исключала постановку вопроса о возможностях индивидуально-личностной коррекции в эти сроки. Массовый характер этой подготовки не позволял преподавателям погружаться в личностные проблемы слушателей. Максимально, что могли преподаватели - это демонстрировать в собственной работе некие профессиональные образцы. Неизбежное при этих условиях жесткое ограничение объема содержания обучения и его информативный характер также приводили к невозможности постановки задачи индивидуализации профессионально-педагогической подготовки. Реально значимые идеи и опыт в этом направлении могли сформироваться только там и тогда, где и когда могли возникнуть и существовать традиции разработки психолого-педагогической проблематики и наличие кадров достаточно высокой квалификации, работающих в этой сфере.

Краткосрочные курсы в момент своего возникновения и в период наиболее активного функционирования практически не переосмыслены наукой в теоретическом плане (в психологическом, в дидактическом, в частно-методическом). Их опыт набирается эмпирически и корректируется не столько исходя из соображений научной обоснованности, сколько с позиций прагматической целесообразности - конкретной, немедленной, пользы.

Педагогическое образование и в новых социально-экономических условиях, характеризующихся «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [1], ориентируется, прежде всего, на наращивание количественных показателей. В этом видна одна из существенных причин систематической нехватки педагогических кадров в образовательном учреждении: ориентированность педагогического образования на количественную, а не на качественную сторону подготовки преподавателей приводит к непрерывному оттоку подготовленных вузами специалистов из практической педагогической работы.

Наряду с массовой подготовкой преподавателей через систему курсов продолжала существовать и развиваться система педагогических институтов и иных стационарных педагогических учебных заведений, имевших традиции в разработке психолого-педагогической проблематики, высококвалифицированных специалистов в этой области и достаточно подготовленный контингент слушателей.

Работа в таких учебных заведениях была направлена на развитие системы педагогического образования. Здесь тоже, безусловно, нарабатывался эмпирический, социально детерминированный опыт, шла работа по идеологизации студентов. Но, что существенно, социальный эмпирический опыт подвергался теоретическому осмыслению и осознанному конструированию. Имела место интереснейшая практика глубокой индивидуализации обучения педагогов.

Это проявлялось в том, что профиль высшего учебного заведений объединял казалось бы не совсем совпадающие направления подготовки. В качестве примера - медико-

педагогическое заведение, состоящее из пяти факультетов и общего основного отделения. Основное отделение в течение двух лет готовило студентов к работе на одном из пяти специальных факультетов. Задачи специальных факультетов заключались в подготовке нескольких категорий квалифицированных работников просвещения, таких как педологи-воспитатели, учителя фазвоспитания, педологи дефектологи. Педагогические институты такого типа ставили своей задачей как разработку научных дисциплин по изучению и воспитанию детей, так и подготовку научных работников - преподавателей для высшей школы.

Наряду с другими задачами считалось необходимым: обратить особое внимание на знания эстетического воспитания, на постановку голоса и развитие выразительности речи у самого студента и развитие имеющихся у него художественных способностей; каждый слушатель института независимо от того, какую он избирает специальность, - должен получить подготовку педагога первой ступени, должен овладеть и теоретически и практически комплексной идеологией и методами лабораторных, экскурсионных, исследовательских, занятий.

Образовательное учреждение взяло на себя задачу организации почти всего времени обучающегося, то есть не только его труда (обучения), но и отдыха. Расширение влияния образовательного учреждения во времени требовало от педагога большого количества ответственной работы, большого разнообразия знаний и умений, большого индивидуального мастерства в подходе к детям и знания психологии детского коллектива.

Расширение сферы образовательного учреждения во времени выводит совместную деятельность педагога и детей из рамок школьных знаний наружу, вовлекая все большее пространство в сферу этой совместной деятельности. Теряется грань между образовательным учреждением и жизнью. Ребенку нужны педагоги, - руководители не только в образовательном учреждении, но и вне его. Расширение сферы школы в пространстве требовало от педагога знания современности и среды, окружающей ребенка, умения правильно оценивать как их влияние на ребенка, так и отношение ребенка к ним. В теоретических исследованиях и практическом опыте был найден ряд продуктивных подходов к решению проблемы индивидуализации профессионально-педагогической подготовки преподавателей. Была осуществлена попытка разработать по аналогии с педологией комплексную науку об преподавателе - дидаскологию. Дидаскология - дисциплина, изучающая проблему преподавателя. Перед дидаскологией ставились задачи выяснения структуры преподавательской личности, характеристики труда преподавателя, выяснения специфичности педагогического процесса, о влечении учить и воспитывать детей. Дидаскология должна была, по определению исследователей, решить проблему преподавателя во всей широте и глубине, дав об этой профессии исчерпывающую характеристику. Понять преподавателя можно только тогда, когда будут изучены мастера-педагоги и не только их миросозерцание и мотивы выбора профессии, но и их психофизическая конструкция чисто экспериментально-объективными методами.

Исследователи и практические работники системы педагогического образования утверждали, что проблематика дидаскологии будет расширяться и усложняться с ростом культуры. Ставился вопрос о создании специального института дидаскологии. Решение этих вопросов имело одну общую цель: выявить роль преподавателя и преподавательского коллектива как защитника детей и соучастника в создании детской культуры.

Большое значение в разработке этой проблематики имеет организация группового профессионально-ориентированного обучения. Множество социальных и, в частности, педагогических экспериментов, потребовало развертывания теоретической и экспериментальной работы в сфере профессиональной подготовки и переподготовки педагогов. Анализ подходов в обобщение накопленного практического опыта является необходимым условием повышения эффективности теоретических и организационно-

методических решений проблемы педагогического образования и индивидуализации профессионально-педагогической подготовки на современном этапе развития. Именно в нашей стране возникают два подхода в решении проблемы профессионально-педагогической подготовки, которая может рассматриваться и как обучение с особым содержанием, и как особый тип обучения.

При первом подходе мы имеем дело с обучением, хотя и характеризующимся определенной спецификой содержания, но которое традиционно отчуждено от личности обучающегося, то есть разворачивается в педагогическом процессе в своей собственной логике (в логике науки). В этом случае, говоря об индивидуализации психолого-педагогической подготовки, фактически можно иметь в виду только пути и средства приспособления этого содержания к индивидуальным способностям, потребностям и интересам обучающегося. В этом контексте понятия индивидуальный подход в обучении и индивидуализация обучения практически совпадают по смыслу.

Если же рассматривать профессионально-педагогическую подготовку как особый тип обучения, содержание которого имеет глубокую личностную направленность и целью которого является формирование профессионально значимых качеств личности студента (обучающегося), а не сообщение ему некоторой суммы знаний и одинаковых для всех умений, то содержание такого обучения должно разворачиваться в учебном процессе в логике формирования и развития потребностей самого обучающегося в тех или иных частях этого содержания.

В этих условиях индивидуализация профессионально-педагогической подготовки означает конструирование совместно с обучающимися его индивидуального пути и способа продвижения в содержаний обучения, что требует глубокой, непрерывной и совместной с обучающимся диагностики и параллельной коррекции профессионально значимых особенностей его сознания и поведения. При этом «важно обеспечивать максимальное взаимодействие социальных условий» [6].

В такой трактовке понятие индивидуализация содержательно отличается от понятия индивидуальный подход, включая индивидуальный подход как необходимый компонент системы, который обеспечивает «единство взаимодействия всех подсистем» [4]. Профессиональная подготовка как особый тип обучения в теоретических идеях и практическом опыте педагогического образования возникает в отечественной педагогике как один из результатов активного развития психологии личности. «Особое внимание отводится анализу чувственной сферы человека» [3]. Социальный контекст, с одной стороны, и включенность отечественных ученых в мировой культурный и, в частности, научно-педагогический процесс, с другой стороны, явились важными условиями развития такого подхода. «Такие исследования ведутся на основе применения всеболее широкого методологического и методического инструментария, комплексного подхода с позиций разных наук» [2].

Постепенно нараставшая идеологизация отечественной психолого-педагогической науки и ее изоляция помешали продуктивному развитию этой тенденции в теории и практике педагогического образования.

Социально-культурная и социально-политическая ситуация в дальнейшем не способствуют развитию психологии и в значительной степени - психолого-педагогической компоненты педагогического образования. Педагогическая деятельность рассматривается как внеположенная по отношению к субъекту, и это дает основания ограничить содержание профессионально-педагогической подготовки системно-структурным анализом школьной ситуации и, в частности, педагогической деятельности. Таким образом, нарушается один из основополагающих постулатов теории деятельности, утверждающий субъекта неотъемлемым системообразующим компонентом деятельности. В процессе обучения студента удерживают вне и как бы над общеобразовательным учреждением, представляя ее объектом его изучения, а не средой его существования, условием и продуктом его деятельности. Предполагается, что в результате такого обучения помещенный в школьную

ситуацию выпускник сможет успешно включиться в педагогический процесс общеобразовательного учреждения.

Изменение социально-политических установок в обществе приводит к актуализации потребности современного общеобразовательного учреждения в педагогах, прошедших индивидуальный путь профессиональной, в частности психолого-педагогической подготовки и способных поэтому в своей профессиональной деятельности выстраивать индивидуальный путь развития обучающегося, что «дает возможность понимания глубинной необратимости развития, учитывая его многовариантность и альтернативность» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. – С. 95-100.

2. Гончаров В. Н. Исследование информационных процессов в контексте определения ценности информации // Социосфера. - 2011. - № 3. - С. 9-14.

3. Камалова О. Н. Становление и развитие неклассических подходов понимания интуиции в первой половине XX века // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. -№ 4. - С. 127-133.

4. Колосова О. Ю., Говердовская Е. В. Системный подход как принцип экологической направленности подготовки современного преподавателя // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 124-128.

5. Колосова О. Ю. Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 2. - С. 23-26.

6. Лобейко Ю. А., Говердовская Е. В. Психолого-педагогический аспект развития личности студента-спортсмена в контексте современных социальных условий // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 143-147.

УДК 37

ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО ТВОРЧЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ДОШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федина Н.В., Пилипенко О.П.

MANIFESTATIONS OF VERBAL CREATIVITY IN DIFFERENT ACTIVITIES OF MODERN PRESCHOOL CHILDREN IN CONDITIONS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Fedina N.V., Pilipenko O.P.

В статье предпринята попытка установления на основе результатов экспериментального исследования корреляционных связей между проявлениями речевого творчества современных дошкольников и организуемыми в дошкольной образовательной организации видами деятельности детей.

The article attempted to set based on the results of an experimental study of correlations between the manifestations of verbal creativity of modern preschoolers and organized in pre-school educational institution the activities of children.

Ключевые слова: речевое творчество, федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) дошкольного образования, дошкольная образовательная организация (ДОО),

современный дошкольник, непосредственно образовательная деятельность, трудовая деятельность, коммуникативная деятельность, игровая деятельность.

Keywords: voice work, Federal state educational standard (FSES) of pre-school education, preschool education organization (DOO), modern preschooler, directly educational activities, employment activities, communicative activities, games activities.

В соответствии с ФГОС дошкольного образования содержание основной образовательной программы дошкольного образования должно обеспечивать развитие личности детей в различных видах деятельности. Оно представляет собой совокупность пяти образовательных областей(«Социально-коммуникативное развитие», «Познавательное развитие», «Речевое развитие», «Художественно-эстетическое развитие», «Физическое развитие»), каждая из которых является структурной единицей содержания дошкольного образования и включает ряд психолого-педагогических задач, направленных на развитие детей дошкольного возраста.

Одной из задач образовательной области «Речевое развитие» является развитие речевого творчества современных дошкольников.

Речевое творчество дошкольников всегда привлекало внимание психологов (Б.Д. Эльконин, А.Н. Леонтьев, А.Н. Гвоздев идр.), педагогов (М.И. Чермисина, Ф.А. Сохин, А.М. Шахнарович, Е.С. Кубрякова и др.), лингвистов (Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий и И.А. Бодуэн де Куртенэ,Г. Пауль, Ф. де Соссюр, Л.В.Щербаи др.), писателей (К.И. Чуковский).

Однако исследования этих авторов были актуальны в XX веке. В настоящее время принципиально изменились российское общество и государство, предметный и социальный мир, ожидания взрослых и детей, воспитательные модели в семье, педагогические требования в детском саду. Происходящие изменения не могли не повлечь за собой и изменения в развитии современных дошкольников, в том числе в развитии их речевого творчества.

Проблеме развития речи и отдельным аспектам развития речевого творчества современных дошкольников посвящены труды А.А. Абсалямовой, А.В., Соболевой, О.Н. Сомковой, Т.Н., Е.Б. Танниковой, Ушаковой, О.С. Ушаковой, Т.Б. Филичевой, С.Н. Цейтлин и др. Однако комплексных исследований *речевого творчества* детей дошкольного возраста в XXI в. в современной психолого-педагогической науке не предпринималось. Таким образом, необходимо отметить наличие следующего противоречия: между необходимостью развития речевого творчества детей в условиях ДОО и недостаточной изученностью того, как оно проявляется у современных дошкольников, каковы его особенности? Решение данной проблемы невозможно без комплексного изучения речевого творчества детей в условиях ДОО. Одной из задач предпринятого авторами экспериментального исследования являлось установление корреляционных связей между проявлениями речевого творчества современных дошкольников и организуемыми в дошкольной образовательной организации видами деятельности детей.

Для детей дошкольного возраста (3 года - 8 лет) согласно ФГОС дошкольного образования необходимо организовывать следующие виды деятельности (активности): игровую, включая в первую очередь сюжетно-ролевую, режиссерскую игру, игру с правилами; коммуникативную (общение и взаимодействие со взрослыми и сверстниками); познавательно-исследовательскую (исследования объектов окружающего мира и экспериментирования с ними); восприятие художественной литературы и фольклора; элементарную трудовую (самообслуживание, бытовой труд, труд в природе); конструирование из разного материала, включая конструкторы, модули, бумагу, природный и иной материал; изобразительную (рисование, лепку, аппликацию); музыкальную (восприятие и понимание смысла музыкальных произведений, пение, музыкально-ритмические движения, игры на детских музыкальных инструментах); двигательную (овладение основными движениями и формирование физических качеств детей).

Каждый из вышеназванных видов деятельности детей характеризуется специфическими целями, мотивами, действиями и результатами. «Детскими» их называют условно с учетом соответствия данных видов деятельности психолого-педагогическим особенностям ребенка дошкольного возраста, в отличие, например, от учебной деятельности, предпосылки которой формируются к концу дошкольного детства, а ведущей она становится уже в младшем школьном возрасте. Ведущим видом деятельности современных дошкольников, по мнению большинства ученых, является игра.

Данные виды деятельности в условиях детского сада организуются либо как совместная деятельность взрослых и детей, либо в качестве свободной самостоятельной детской деятельности. Каждый вид деятельности занимает определенной место в режиме пребывания дошкольников. Так, познавательно-исследовательская, продуктивная (изобразительная и конструирование), двигательная, музыкальная деятельность, восприятие художественной литературы и фольклора осуществляются в условиях дошкольной образовательной организации, как правило, в первой половине дня в рамках организации непосредственно образовательной деятельности. Элементарной трудовой деятельности также отводится специальное время (либо в рамках непосредственно образовательной деятельности, либо за ее пределами – на прогулке и в ходе режимных моментов). Коммуникативная деятельность «пронизывает» все виды детской деятельности, в течение всего дня. В основном, все вышеперечисленные виды деятельности - это *совместная деятельность воспитателя* (музыкального руководителя, инструктора по физической культуре) *и детей*. Сюжетно-ролевая и режиссерская игра в режиме ДОО организуется в качестве детской *самодеятельности*: у дошкольников есть возможность играть в утренние часы, на прогулке и во второй половине дня.

Экспериментальное исследование проводилось в течение 2015-2017 г.г. в следующих дошкольных образовательных организациях: МБДОУ «Детский сад комбинированного вида № 77 города Воронежа», МБДОУ «Детский сад комбинированного вида № 84 города Ельца «Радуга»», МБДОУ «Детский сад комбинированного вида № 46 города Ельца «Дружные ребята»», МБДОУ «Детский сад № 71 города Ельца «Румяные щёчки»», МАДОУ «Детский сад № 40 города Липецка», МБДОУ «Детский сад комбинированного вида №112 города Липецка».Всего в эксперименте приняли участие 293 ребёнка дошкольного возраста и 22 воспитателя групп общеразвивающей направленности: 3-4 года (80 детей); 4-5 лет (71 ребёнок); 5-6 лет (95 детей); 6-7 лет (47 детей).

Основным методом исследования являлось включенное наблюдение. В специально разработанных формах воспитателями ДОО фиксировались все проявления речевого творчества дошкольников в течение трех месяцев проведения эксперимента в каждой из указанных групп.

Анализ и интерпретация результатов эксперимента выявили следующее(см. таблица 1 и гистограмма 1). У дошкольников трёх – четырёх лет воспитатели отметили активное проявление речевого творчества в непосредственно образовательной деятельности – у 87% дошкольников, в коммуникативной – у 8,7%, в игровой деятельности – у 4, 3% детей и в трудовой – 0%.

У детей четырёх – пяти лет речевое творчество активно проявлялось в непосредственно образовательной деятельности – у 58% дошкольников, в игровой – у 34%, в коммуникативной - у 8%, в трудовой не проявлялось (0%).

В пяти - шестилетнем возрасте современные дошкольники проявляли речевое творчество в непосредственно образовательной деятельности (55%), игровой (34%), коммуникативной (11%) и трудовой (0%).

В возрасте шести-семи лет современные дошкольники проявляли речевое творчество в непосредственно образовательной деятельности, что составило 80%, также в игре, что составило 13,2%, в коммуникативной деятельности 6, 8% и трудовой деятельности 0%.

Таблица 1. Доля проявлений речевого творчества у современных дошкольников в детских видах деятельности

Возраст	**Вид деятельности**			
	ОД	***Игровая деятельность***	***Трудовая***	***Коммуникативная***
3-4 года	87%	4,3%	0%	8,7%
4-5 лет	58%	34%	0%	8%
5 – 6лет	55%	34%	0%	11%
6-7 лет	80%	13,2%	0%	6,8%

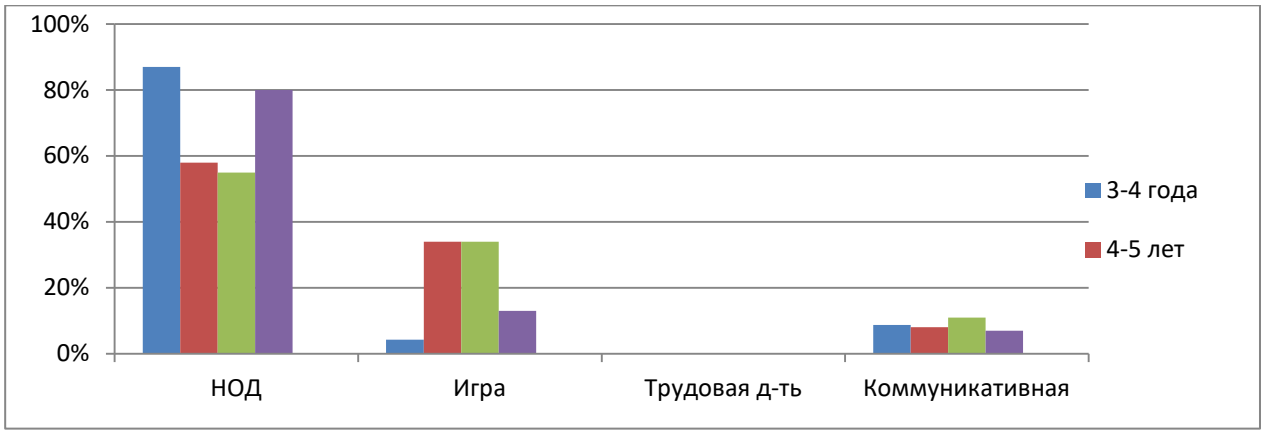

Рисунок 1. Показатели проявления речевого творчества современными дошкольниками в видах деятельности

Проанализировав результаты, можно сказать, что проявление речевого творчества происходит в различных видах деятельности: непосредственно образовательная деятельность, игровая деятельность, коммуникативная. По данным результатов наибольшее количество проявлений речевого творчества отмечается в непосредственно образовательной деятельности (3-4 года– 87%, 4-5 лет– 58%, 5-6 лет– 55%, 6-7 лет 80%). В игровой деятельности мы наблюдали меньшее количество проявлений речевого творчества, чем в непосредственно образовательной, «пик» проявлений приходится на возрастные группы дошкольников 4-5 лет и 5-6 лет (по 34%). В трудовой деятельности речевое творчество не проявлялось вообще.

Таким образом, современные дошкольники наиболее активно проявляют речевое творчество в непосредственно образовательной деятельности. Мы связываем это, в первую очередь, с организацией образовательного процесса – большая часть непосредственно образовательной деятельности (познавательно-исследовательской, конструктивной, изобразительной, двигательной, музыкальной, восприятия художественной литературы и фольклора) организуется как совместная деятельность взрослых и детей, воспитатель непосредственно взаимодействует с детьми, активно развивая все компоненты деятельности ребенка, а также с тем, что данный вид деятельности в ДОО занимает основное место (по значимости в образовательном процессе).

Несмотря на то, что именно игра является ведущим видом деятельности детей дошкольного возраста, дошкольники менее активно проявляют речевое творчество в игровой деятельности. Мы связываем это обстоятельство с недостатками организации игры в условиях современной ДОО: она носит характер только детской самодеятельности. Между тем, одно из сущностных положений культурно-исторической концепции Л.С. Выготского гласит о том, что всякая функция в культурном развитии ребенка первоначально возникает в процессе взаимодействия со взрослыми (социальный план), впоследствии она переходит во внутренний мир ребенка (интериоризируется), т.е. становится его

индивидуальным достоянием (психологический план).Иными словами, закономерностью образовательного процесса является следующий «порядок»: вначале развитие происходит в совместной деятельности ребенка со взрослым, и только после этого - в самостоятельной деятельности ребёнка. В качестве промежуточного звена, иногда выделяют совместную деятельность ребенка со сверстниками (уже без взрослого, но еще не вполне сам). Самодеятельность ребенка - это, своего рода, критерий его развития.

Достаточно низкие результаты проявлений речевого творчества в коммуникативной деятельности объясняются сложностью ее вычленения для воспитателя в образовательном процессе как самостоятельного вида деятельности. Дети общаются и взаимодействуют со взрослым и друг с другом в течение всего дня и в том числе в процессе организации других видов деятельности.

Отсутствие проявления речевого творчества в трудовой деятельности связано с ее спецификой. Этот вид деятельности требует запоминания отдельных трудовых операций их последовательности, многократного повторения отельного приёма, усиленного сосредоточения на своих действиях и способах выполнения. Главную роль здесь играет речь воспитателя, а действия детей направлены на выполнении указаний педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1.Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения/ Под ред. А.Г. Гогоберидзе, О.В. Соловьевой. СПб.: Питер, 2013, 464 с.

2. О разработке Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (приказ Минобрнауки России от 30.012013 №57). // Вестник образования России. – 2013. – №10. – С. 33.

3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N 1155 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования"[Электронный ресурс]// Российская газета. - 2013. - Федеральный выпуск № 30384. – 25 ноября 2013 г.- URL: http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html (дата обращения 3 марта 2017 г.)

УДК 37

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МВД РОССИИ

Халилуллин Ф.Ф., Рыбалкин Д.А.

HISTORICAL PREREQUISITES ORGANIZATIONS OF HEALTHY SAVING ENVIRONMENT IN THE LEGAL INSTITUTE OF THE MOI OF RUSSIA

Khalilullin F.F., Rybalkin D.A.

Выявлены исторические предпосылки (развитие идей формирования физической и гигиенической культуры обучаемых; формирование ценностного отношения к здоровью и воспитание культуры здоровья; разработка и реализация проектов по здравоохранительной деятельности обучаемых) и установлена взаимосвязь традиций и инноваций в процессе организации здоровьесберегающей среды в юридическом институте МВД России.

Historical prerequisites (the development of ideas for the formation of physical and hygienic culture of trainees, the formation of a value attitude to health and the development of a culture of health, the development

and implementation of projects for the health work of trainees), and the interconnection of traditions and innovations in the organization of a health-saving environment at the legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ключевые слова: культура здоровья, здравоохранительная деятельность, здоровьесберегающая среда.

Keywords: culture of health, health activity, health-saving environment.

Актуальность исследования обусловлена ухудшением здоровья молодежи, что влечет негативные последствия в виде снижения успеваемости, социальной активности [19]. Воспитание у курсантов сознательного отношения к ведению здорового образа жизни становится важнейшей задачей юридического института МВД России. Необходимы радикальные изменения в стратегии достижения здоровья курсантов. В основе такой стратегии может быть формирование «Я-концепции» здоровой личности, создание необходимых условий для ее самопознания, саморазвития и самореализации [24]. Речь идет о «здравотворческой» концепции образования, в основе которой адаптивная природа образования в контексте парадигмы: «здоровье человека - здоровье общества - здоровье природы» [1; 4]. Включение курсантов в процесс формирования здоровья, потребности в здоровом образе жизни, заинтересованности и активности в самопостроении и самосовершенствовании будет способствовать тому, что они научатся быть внимательными к своему здоровью, но и здоровью окружающих. Не воспитав осознанного отношения к своему здоровью, общество никогда не сохранит того потенциала здоровья, который заложен у человека при рождении.

Ведущим подходом к исследованию стал интегративный подход, позволяющий рассматривать здоровьесберегающую среду как совокупность обстоятельств и намеренно созданных педагогических условий, направленных на сохранение и укрепление физического, психического и социального благополучия преподавателей и курсантов [13]. Цель статьи – выявить исторические предпосылки организации здоровьесберегающей среды в юридическом институте МВД России.

Выяснено, что проблема здоровья обучаемых всегда была в центре внимания педагогов. В условиях первобытных отношений в процессе воспитания молодежи большое внимание внимание уделялось подготовке к жизни: умению переносить лишения, боль, проявлять храбрость и выносливость. Характерным был обряд «посвящения», когда юноши в состязаниях показывали свои физические способности. В Древней Греции выделялись две системы воспитания: спартанская и афинская. Воспитание в Спарте носило ярко выраженный военно-физический характер. Идеалом был выносливый и мужественный воин. Яркую картину спартанского воспитания описал Плутарх [23]. Воспитание в Афинах предполагало интеллектуальное развитие и развитие культуры тела. В трудах греческих мыслителей содержатся воззрения на необходимость формирования физической культуры тела [17; 7].

В соответствии с античным идеалом человека педагоги эпохи Возрождения проявляли заботу о здоровье обучаемых, разрабатывали методику физического воспитания. Джон Локк предлагает тщательно разработанную систему физического воспитания будущего джентльмена, провозглашая правило: «Здоровый дух в здоровом теле - вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире» [15]. Локк писал, что физическое воспитание должно начинаться с самого раннего возраста и осуществляться при помощи разнообразных физических упражнений и закаливания. Развитие и укрепление физических сил очень важно и для укрепления сил духовных. Локк подробно описывает приемы закаливания, обосновывает значение строгого режима в жизни человека, дает советы об одежде, пище, прогулках, занятиях спортом и т.д.

Жан Жак Руссо биологизирует процесс воспитания. Он подробно останавливается на приемах закаливания, укреплении физических сил. Отмечая важную роль природных

средств, указывает, что внутреннее развитие наших способностей и наших органов есть воспитание от природы [15]. Гельвеций в книге «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» определяет задачу физического воспитания в том, чтобы сделать человека более сильным, крепким, здоровым, следовательно, более счастливым, приносящим пользу своему отечеству [16]. Луи Мишель Лепелетье видел воспитание нового человека посредством организации «домов национального воспитания», где физическое воспитание связано с трудом. Шарль Фурье и Андрю де Сен-Симон стали теоретиками социентарного воспитания, цель которого - осуществление полного развития физических и умственных способностей детей с привлечением их к производительному труду. Роберт Оуэн реализовал эту идею на практике, организовав специальные общины в Англии и Америке. Физическое развитие он ставил на первый план [14].

Российский просветитель Н.И. Новиков в статье «О воспитании и наставлении детей» отмечал, что «первой главной частью воспитания является попечение о теле, поскольку образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места» [22]. Известный русский просветитель В.Г. Белинский задачами физического воспитания определял: охрану здоровья обучаемых, развитие их физических сил путем установления правильного образа жизни, организацию игр, гимнастических упражнений, соблюдение правил личной и общественной гигиены, усвоение естественнонаучных знаний о человеке. По его мнению, физическое воспитание должно осуществляться в тесной связи с нравственным [8]. П.Ф. Лесгафт, крупный ученый, организатор педагогического движения за введение физического воспитания в образовательных учреждениях, предлагает оригинальную систему физического воспитания на основе закона постепенности и последовательности развития [18].

Очень много внимания сбережению здоровья обучаемых уделил Н.И. Пирогов (25 ноября 1810 - 5 декабря 1881 г.): хирург и анатом, естествоиспытатель и педагог, создатель первого атласа топографической анатомии, основоположник русской военно-полевой хирургии, основатель русской школы анестезии [21]. Пирогов писал, что дети должны быть счастливыми людьми и полезными гражданами. Необходимое условием этого - здоровье и крепкое сложение тела. Образ жизни в молодости - основа как здоровья и крепости, так и слабости и болезней тела. Главная задача воспитания – это попечение о здоровье и крепком сложении тела.

Пирогов был убежден, что физический труд необходим для развития и поддержания в теле физических сил, здоровья и физических способностей. Это доказывать нет надобности, писал Пирогов. Всякий же умственный труд, приводя в действие нервную систему, действует благотворно на обращение крови и пищеварение. Сильное развитие нервной системы умственным трудом дает необыкновенную живучесть телу человека. Между учеными в особенности встречается много людей, доживающих до глубокой старости, отмечал Пирогов. И люди, привыкшие к умственному труду, выносят перемену климата, дурной воздух, недостаток пищи, отсутствие движения не хуже, а часто и лучше людей, у которых сильно развиты мускулы, но слабо и вяло действуют нервы. Причины этого надо искать в том важном значении, которое имеет нервная система в жизни остальных систем человеческого организма, и в том участии, которое принимает она во всех его функциях.

Конечно, писал Пирогов, всего полезнее для здоровья, если физический и умственный труд соединятся, но полное равновесие между ними едва ли необходимо. Человеческая природа так гибка, что способна к величайшему разнообразию образа жизни. Самый сильный перевес труда умственного над физическим, и наоборот, скоро переходит в привычку и не вредит организму человека: только совершенные крайности в этом отношении являются гибельными. Кроме того, при нынешнем состоянии общества трудно представить себе такой образ жизни, в котором труд физический и умственный уравновешивались: один из них будет только отдыхом.

Пироговым было разработано руководство по физическому образованию. В нем он отмечал, что умственный рост и развитие требуют соответствующего развития физического. Пирогов научно обосновал принцип гармонии умственной и физической деятельности: только при гармоническом развитии организм человека в состоянии совершенствоваться и производить наибольшую работу при наименьшей трате силы. Легко убедиться в необходимости смены физических и умственных упражнений. Чрезвычайно часто приходится слышать, что ребенок не желает заниматься, избегает занятий, ленив. Известно, что всякое однообразное действие непременно утомляет, даже доводит до гипноза и сна. В физиологии известно, что при усиленных упражнениях, работе на различных машинах и аппаратах необходимо следить, чтобы действовало возможно большее число мышц. Чем большее число мышц принимает участие в работе, тем медленнее наступает момент утомления. Когда трата сил до того увеличивается и накопление продуктов разложения доходит до такой степени, что мышцы становятся неспособными к деятельности. Общие основания, имеющие значение при изучении мышечной системы, могут быть применены и к умственной работе. Задачи физического образования будут состоять в освоении умений сознательно управлять движениями [21].

В 20-е годы XX века разрабатываются и внедряются в практику инструменты гигиенического воспитания обучаемых. В частности были разработаны система уроков здоровья, серия учебных пособий по личной и социальной гигиене, профилактике, сохранению работоспособности. В этот же период появились работы, где анализируется зависимость процесса формирования здорового образа жизни обучаемых от уровня развития их сознания, воли. Это рассматривается как условие формирования положительных целевых установок личности в области здорового образа жизни для совершенствования адаптационных возможностей организма.

В конце 1940-х - начале 1950-х годов активно исследовались показатели здоровья в учебной жизни. При этом анализировалась работоспособность, степень утомления, внимание, состояние зрительных функций, велось наблюдение за поведением обучаемых.

В 1970-1980-е годы ведутся исследования по вопросам гигиенического воспитания, охране здоровья обучающихся, соблюдению гигиенических требований к организации обучения. В 1980 году российским ученым, доктором медицинских наук И.И. Брехманом был предложен термин «валеология» [9]. Под валеологией (от одного из значений лат. valeo — «быть здоровым») предлагалось понимать общую теорию здоровья, претендующую на интегральный подход к физическому, нравственному и духовному здоровью человека. Валеологи стремились синтезировать многоплановую информацию о здоровье человека для формирования культуры здоровья. Это привело к включению в состав валеологии ненаучных, религиозных и оккультных концепций, а также нетрадиционной медицины. Валеология подвергалась критике со стороны академической науки и со стороны церкви.

В 1980-1990-е годы появляется большое количество научных работ, посвященных антиалкогольному и антинаркотическому просвещению; половому воспитанию и психогигиене пола; сохранению психического здоровья, методам коррекции психофизических отклонений. В конце 1990-ых годов появился термин «культура здоровья», представляющий собой единство потребности и способности индивида к максимальной самореализации на основе использования природного потенциала.

В современных публикациях здоровьесбережение рассматривается как педагогический процесс, направленный на формирование и развитие у всех субъектов позитивной, устойчивой ориентации на сохранение здоровья, как необходимого условия жизнеспособности [10; 11; 12]. В образовательной практике - это может проявляться в формировании у субъектов педагогического процесса: 1) способности к позитивному саморазвитию в различных жизненных обстоятельствах, уверенности в себе, развитию чувства компетентности и собственной ценности [11; 16]; 2) мотивации укрепления здоровья, посредством установки на ценность собственного здоровья; приобретения знаний о своем здоровье; овладения способами, охраняющими и умножающими здоровье; умения

применять формы накопления здоровья к особенностям своего организма [5; 25]; 3) культуры здоровья, направленной на ответственное отношение как к своему, так и здоровью окружающих, стремление сохранить и приумножить свой природный потенциал, гармонизацию личности, готовность поддержать свое душевное равновесие и окружающих, способность воспринимать и создавать прекрасное [2; 3; 6].

Обобщая изложенное, можно выделить следующие исторические предпосылки организации здоровьесберегающей среды в юридическом институте:

1) развитие идей формирования физической и гигиенической культуры обучаемых;

2) формирование ценностного отношения к здоровью и воспитание культуры здоровья;

3) разработка и реализация проектов по здравоохранительной деятельности обучаемых. Выявление исторических предпосылок в процессе организации здоровьесберегающей среды в учебной организации обеспечивает преемственности традиционных и инновационных идей [20]. Установлено, что эффективность организации здоровьесберегающей среды повышается при условии обеспечения преемственности традиционных и инновационных идей формирования ценностного отношения к здоровью и воспитания культуры здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ivanov V.G., Barabanova S.V., Shagieva R.V., Chikisheva N.M., Lunev A.N., Volkova N.V., Nabiullina K.R., Spirina E.V. The Essence and Content of State Regulation of Services Development in Conditions of Increasing Autonomy of Federal State Entitie // International Review of Management and Marketing, 2016, T. 6, № 2, c. 149-154.

2. Lunev A.N., Pugacheva N.B., Stukolova L.Z. Development strategies for professional educational services under the increasing autonomy of territories within the federal state // Актуальні проблеми економіки, 2014, Т. 10, № 160, с. 215.

3. Lunev A.N., Pugachova N.B., Stukolova L.Z. Socially oriented regional economic space as an instrument in managing the development of service sector // Актуальні проблеми економіки, 2014, Т. 155, № 5, с. 247.

4. Lunev A.N., Safin R.S., Korchagin E.A., Sharafutdinov D.K., Suchkova T.V., Kurzaeva L.V., Nikishina S.R., Kuznetsova N.A. The Mechanism of Industrial Educational Clusters Creation as Managerial Entities of Vocational Education // International Review of Management and Marketing, 2016, T. 6, № 2, c. 166-171.

5. Pugacheva N.B., Kashina S.G., Kirillova T.V., Ovchinnikova I.G., Kudyashev N.K., Lunev A.N., Pavlova O.A., Valeyev A.S. The Mechanism of State-Public Management of Vocational Education in the Region // International Review of Management and Marketing, 2016, T. 6, № 2, c. 6-11.

6. Terentyeva I.V., Starodubtsev M.P., Timonin A.I., Pugacheva N.B., Zykova N.N., Lunev A.N., Ezhov S.G., Starikova L.D. Assessment of state services quality and availability in the socio-cultural sphere // International Review of Management and Marketing, 2016, T. 6, № 1, c. 122-127.

7. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2011. 208 с.

8. Белинский В.Г., Герцен А.И., Чернышевский Н.Г., Добролюбов Н.А. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1988. 496 с.

9. Брехман И.И. Человек и биологически активные вещества. М.: Наука, 1980. 120 с.

10. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 352 с.

11. Гуваков В.И. Здравоохранительная деятельность: Социокультурные и методологические проблемы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. 184 с.

12. Казин Э.М., Блинова Н.Г., Литвинова Н.А. Основы индивидуального здоровья человека. М.: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
13. Калью П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: Обзорная информация. М.: Медицина, 1988. 240 с.
14. Князев Е.А. История педагогики и образования. М.: Юрайт, 2016. 506 с.
15. Коменский А.Я., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1989. 416 с.
16. Короткова О.В., Пугачёва Н.Б. Здоровьеформирующее образование: опыт, проблемы, прогнозы // Сборники конференций НИЦ Социосфера, 2011, № 18, с. 109-125.
17. Ксенофонт. Сократические сочинения. М.: Мир книги, 2007. 368 с.
18. Лесгафт П.Ф. Избранные труды. М.: Физкультура и спорт, 1987. 358 с.
19. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Стуколова Л.З. Стратегии и тенденции развития муниципальной системы образования // Научно-методический электронный журнал Концепт, 2014, № 03, с. 14060.
20. Лунев А.Н., Пугачева Н.Б., Терентьева И.В. Методологические основы опытно-экспериментальной работы как компонента исследований проблем профессионального образования // Современные проблемы науки и образования, 2015, № 1-2, с. 132.
21. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985. 496 с.
22. Пискунов А.И. История педагогики и образования. М.: Юрайт, 2015. 452 с.
23. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Олма Медиа Групп, 2015. 448 с.
24. Пугачева Н.Б., Лунев А.Н., Стуколова Л.З. Перспективные направления исследований профессионального образования как общественно значимого блага и достояния личности // Современные проблемы науки и образования, 2014, № 1, с. 91.
25. Терентьева И.В., Пугачева Н.Б., Лунев А.Н. Теоретические методы опытно-экспериментальной работы в педагогике профессионального образования //Современные проблемы науки и образования, 2015, № 1-2, с. 133.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

ПРЕДМЕТНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Абрамов М. А., Айрапетов А.В., Гришай В.Н.

SUBJECT DEFINITENESS OF A RESEARCH OF PATRIOTISM

Abramov M.A., Airapetov A.V., Gryshai V. N.

Попытка исчерпывающего исследования патриотизма неизбежно влечет за собой постановку вопроса о его дисциплинарной и предметной определенности. Последнее предполагает последовательное рассмотрение основных смысловых аспектов, связанных с проблемой патриотизма. В статье производится анализ предметности патриотизма, рассматриваются основные теоретические аспекты его изучения. Также ставится вопрос о необходимости систематического исследования патриотизма. На основании рассмотрения предметности патриотизма доказывается необходимость метатеоретического его рассмотрения.

The attempt of an exhaustive research of patriotism inevitably involves a formulation of the question about its disciplinary and subject definiteness. The last assumes consecutive consideration of the main semantic

aspects connected with a patriotism problem. In article the analysis of concreteness of patriotism is made, the main theoretical aspects of his studying are considered. Also the question of need of a systematic research of patriotism is raised. On the basis of consideration of concreteness of patriotism need of his metatheoretical consideration is proved.

Ключевые слова: патриотизм, предметность, социальные факторы, предметная определенность патриотизма.

Keywords: patriotism, concreteness, social factors, subject definiteness of patriotism.

Обзор представленности различных подходов к трактовке патриотизма свидетельствует о чрезвычайно сложном характере исследуемой проблемы. Попытка ее разностороннего рассмотрения предполагает построение первоначальной модели исследуемого явления с выделением различных типов связей, форм проявления, факторов и последствий существования патриотизма на уровне общества и культуры. Вместе с тем, очевидно, что тематика патриотизма не может быть исчерпана средствами какой-либо одной научной дисциплины и требует, соответственно, мультидисциплинарного исследования с объединением теоретических результатов из различных отраслей знания. Одна из основных проблем в данном отношении заключается в том, насколько возможно органичное соединение различных теоретических подходов в рамках исследования патриотизма. Действительно, различные теоретические дисциплины имеют самостоятельный набор исходных теоретических установок и методологических приемов. При этом даже такой процесс, как выделение предметной области, уже предполагает наличие определенных теоретических предпосылок. В этом отношении патриотизм, рассматриваемый в русле религиозной философии, существенно отличается, например, от патриотизма в рамках социоконструктивистского подхода. Несмотря на то, что позиционирование объекта исследования сохраняется (и в первом и во втором случае ставится вопрос о сущности патриотизма), на деле речь идет о рассмотрении различных прикладных аспектов проблемы патриотизма (богоданность власти, роль народов в истории, мессианское значение русского народа с одной стороны и предпосылки формирования конструктивно ориентированного мировоззрения с другой). По этой причине, во избежание возможной концептуальной неопределенности, имеет смысл произвести уточнение как первоначальной модели патриотизма, так и совокупности применяемых теоретических подходов (с выделением соответствующих им проблемных вопросов и предметных областей).

Патриотизм в различных своих аспектах является предметом изучения ряда дисциплин, непосредственным результатом чего является наличие множества узкоспециальных исследований патриотизма. Однако исследование отдельных аспектов патриотизма не может производиться в полной мере изолированно: так, например, рассмотрение проблемы роли социализации в формировании патриотических установок в конечном итоге затрагивает отдельные аспекты культурологического, социально-психологического и социоструктурного характера. В результате мы имеем дело с ситуацией, когда построение научной теории представляет собой не столько последовательное обращение к различным теоретическим позициям в ходе освещения конкретных теоретических вопросов, сколько их органичное переплетение в рамках построения теоретической модели исследуемого объекта, данной на уровне живой динамики его проявления. В этой связи вопрос о том, насколько сочетаемы различные методологические подходы, актуализируется в полной мере. На уровне отдельных дисциплин объектом изучения является патриотизм, взятый в различных формах своего приложения на уровне индивидуального бытия человека, существования общества и культуры в целом. Несмотря на то, что патриотизм, как объект изучения, является общим для всех применяемых теоретических подходов, каждый из них имеет собственную предметность. И в этом отношении рассмотрение различной дисциплинарной принадлежности отдельных аспектов патриотизма необходимо должно быть дополнено определением предметности отдельных

методологических подходов.

Первое, на что следует обратить внимание в данном отношении – это то, что существует несколько групп проблем, раскрытие которых необходимо для освещения основного круга вопросов, возникающих при рассмотрении тематики патриотизма. Первый ряд проблем связан непосредственно с сущностной определенностью патриотизма, как явления социального, культурного и политического характера. Здесь основной вопрос звучит следующим образом: что такое патриотизм и в какой форме он проявляется на уровне, например, общественного сознания, социального отношения, культурного кода и т. д. Здесь определяющую роль играет структура явления и основные его существенные признаки. Вместе с тем, как и всякое проявленное на уровне общества явление, патриотизм не может существовать обособленно от широкого круга социальных условий и факторов, которые как претерпевают воздействие носителей патриотического сознания, так и сами по себе оказывают влияние на процессы его формирования и распространения. Это позволяет судить о том, что второй ряд проблем связан с опосредованной представленностью патриотизма на уровне культуры и общества, связанной с его детерминирующей способностью.

Третий ряд вопросов связан с систематическим рассмотрением вопроса, при котором различные аспекты патриотизма (равно как и общественного устройства в целом) рассматриваются в своей взаимосвязи, с выходом на уровень определения динамических закономерностей развития общественной структуры, а также постановкой вопроса о «точках воздействия» на складывающуюся ситуацию. Построение системной модели общества, в опоре на которую возможно определение текущего состояния проблемы, а также ее дальнейших перспектив, позволяет проследить множество чрезвычайно важных закономерностей и взаимосвязей, выход на которые на уровне частного знания был бы невозможен. На основании системного рассмотрения патриотизма возможно не только определение основных характеристик текущей ситуации, но также и проведение прогностической деятельности. Вместе с тем, в объектив исследования на данном уровне попадает не только специфика патриотизма и уровень его представленности в обществе, но также и совокупность основных позиций, определяющих состояние общества в целом и взятых в своем динамическом аспекте.

Рассмотрим по порядку, что представляет собой патриотизм, как объект исследования. Первый из обозначенных уровней разработки проблемы связан с рассмотрением патриотизма на идеальном уровне, что предполагает формирование его логико-категориальной определенности, определение сущностного аспекта патриотизма и выделение его инвариантных аспектов. На понятийном уровне патриотизм может быть определен как форма отношения отдельного человека к окружающей его социально-политической общности, при которой субъект патриотического отношения соотносит личные интересы с интересами общества в целом и признает личную значимость последних. Иными словами, на уровне патриотизма реализуется момент единства индивидуального и общесоциального, при этом существует патриотизм, в первую очередь, на уровне сознания конкретного человека. В этом смысле патриотизм представляет собой, фактически, конструктивное осознание социального контекста индивидуального существования [1]. Данный срез рассмотрения патриотизма свидетельствует о значимости теоретической разработки проблемы взаимосвязи индивида с обществом, что получает свою разработку на уровне основных социально-философских концепций, отражающих структуру и смысл социального устройства.

Очевидно, что, в зависимости от того, какую структуру имеет окружающая человека социокультурная ситуация, проявления патриотизма могут иметь различный характер [3]. В этом отношении вариативность проявления патриотизма определяется многообразием форм общественной структуры а также характером социальной рефлексии. В этой связи

целесообразным является обращение к исторической методологии, на уровне которой реализуется отражение как различных форм общественной организации, так и различных исторических форм социального дискурса. Ценность исторического подхода состоит не только в том, что с опорой на результаты его применения возможно проведение сопоставительного анализа различных форм проявления патриотизма в обществе. Определение динамики социальной структуры и изменения характера патриотизма, как явления, позволяет выделить основные аспекты его проявления, изменяющиеся в ходе социальной динамики. Проведение корреляции между состоянием общественной структуры и характером представленности в ней патриотических установок является значимым шагом на пути к пониманию перспектив развития современного общества, а также наиболее существенных угроз его благополучию. Исторический подход позволяет рассмотреть исследуемое явление в его динамике, и именно благодаря динамическому его рассмотрению возможно определение широкого ряда значимых закономерностей развития патриотизма, как явления.

Детализируя данное положение отметим, что, поскольку патриотизм представляет собой форму мировоззрения, выражающего момент осознания человеком личной социальной включенности, историческим изменениям в данном случае может подвергаться либо общественная структура, как объект осознания, либо теоретические позиции члена общественных отношений (что отражает момент динамики социальных парадигм), либо формы проявления существующих мировоззренческих установок на уровне внешней активности субъекта общественных отношений. Последнее находится в непосредственной связи с проблемой структуры социального действия (а также ее ценностными детерминантами), поскольку одни и те же ценностные установки, в зависимости от норм поведения в конкретном обществе, могут находить совершенно различные формы проявленности.

Раскрытие момента динамики изменения структуры общества и наиболее значимых ее трансформаций производится на уровне основных гуманитарных дисциплин, ведущее значение среди которых имеют история, социальная философия, теоретическая социология, теория и история культуры.

Отдельного внимания при анализе патриотического мировоззрения заслуживает парадигмальная теория. Сущность ее заключается в том, что процесс осознания окружающей эмпирической данности связан с существованием устойчивой модели ее рассмотрения, определяющей направленность поисков, характер и форму постановки проблем, а также способ трактовки приобретаемого опыта. Данная концепция, сформированная в рамках теории и методологии науки, находит свое отражение и в приложении к социальному знанию, поскольку на его уровне также имеет место наличие устойчивых концептуальных оснований, определяющих общий характер социального мировоззрения. При рассмотрении динамического аспекта изменения характера проявления патриотизма в обществе в ходе его развития был рассмотрен вариант, связанный с историческим изменением распространенного в обществе способа социального мировоззрения. Фактически речь идет об устойчивых парадигмах мышления, транслируемых на уровне культуры и подвергаемых в ряде случаев деактуализации и замене. Исследование парадигмальной теории в данном случае имеет существенную ценность, поскольку, фактически, патриотизм также представляет собой одну из многих возможных парадигм мышления. Таким образом, анализируя патриотическое сознание, на мировоззренческом уровне можно судить, с одной стороны, о существовании патриотизма, как результате процесса трансляции конструктивной парадигмы социального мировоззрения, с другой – о возможности его деконструкции и вытеснения альтернативными формами мировоззрения. При этом последнее возможно при условии несовпадения ожиданий, формируемых носителем социальной парадигмы, с приобретаемым им социальным опытом. Как отмечает основоположник парадигмальной теории Т. Кун, в результате накопления несоответствий теории опыту происходит

возникновение кризисных тенденций, результатом которых может стать смена парадигмы при условии наличия теоретических альтернатив [2]. Применительно к тематике патриотизма это означает, что патриотическое сознание (как социальная парадигма) может содержать в себе не только отношение к окружающей действительности, но также и определенный набор ожиданий, связанный с текущим способом осознания общества, его структуры и характера реализуемых в нем отношений и процессов. В случае, если эти ожидания столкнутся с социальным опытом, не вписывающимся в исходное мировоззрение, может развиться кризис мировоззрения, результатом которого является либо разрешение противоречия, либо смена мировоззренческих установок. Что существенно, это далеко не всегда означает утрату патриотических установок членом общества. Речь может идти о такой модификации его мировоззрения, при которой изменится характер объекта конструктивных установок, и, соответственно, его направленность.

Как показал проведенный обзор, в результате исторического анализа различных форм социального устройства возможно приобретение ценных знаний, способствующих возможности определения типологии возможных форм проявления патриотизма в зависимости от характера общественной структуры, принятых на уровне культуры форм социального мировоззрения, а также норм поведения, распространенных в конкретном обществе. При этом анализ динамических аспектов существования патриотизма, как формы социального мировоззрения, продемонстрировал применимость и эффективность парадигмальной теории.

Раскрытие системного аспекта наличия патриотизма в обществе предполагает выход на принципиально иной уровень рассмотрения, при котором патриотизм рассматривается синтетически – как совокупность факторов, вплетенных в ткань социальных отношений и одновременно – как объект воздействия внешних социальных условий, определяющих характер социальной позиции отдельных членов общества и социальных групп. Фактически, подобный подход предполагает рассмотрение, значительно превышающее предметность самого патриотизма, как явления. Вместе с тем, именно на уровне системного рассмотрения возможно исследование патриотизма в совокупном единстве его сущностных характеристик, факторов существования и развития, а также последствий для общественной структуры. Особый интерес в данном отношении представляет синергетическая теория, рассматривающая системы в их динамике.

Подводя итог проведенному обзору, отметим, что исчерпывающее исследование патриотизма по определению является метатеоретическим его рассмотрением, что предполагает последовательное вовлечение различных исследовательских подходов в раскрытие его специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карманова Д. А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т].- Иваново, 2007.- 159 с.: ил. РГБ ОД, 61 07-9/878

2. Кун Т. Структура научных революций. Перев. И. З. Налётова. М., 1975

3. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 352 с.

УДК 316

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О БАЛАНСЕ СЕТЕВЫХ И ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Боровик О.В.

TO A QUESTION OF BALANCE OF THE NET AND CENTRALIZED STRUCTURES IN MODERN SOCIETY

Borovik O.V.

Развитие общества включает в себя момент самоорганизации, реализуемой на различных уровнях общественной структуры. В силу сложности и полифункциональности общественной структуры исторически сложились две основные формы управления социальными процессами – сетевое и централизованное взаимодействие. В статье рассматриваются их основные характеристики, а также ставится вопрос о характере и перспективах развития современного общества с точки зрения введенного разделения.

Development of society includes the moment of the self-organization realized at various levels of public structure. Owing to complexity and polyfunctionality of public structure there were historically two main forms of government social processes – the net and centralized interaction. In article their main characteristics are considered, and also the question of character and the prospects of development of modern society from the point of view of the entered division is raised.

Ключевые слова: общество, централизованное управление, сетевые структуры, смешанные социальные структуры

Keywords: society, the centralized management, net structures, the mixed social structures.

Современный этап развития общества качественно отличается от всех предыдущих, что связано с чрезвычайно высоким уровнем взаимосвязи отдельных элементов общественной структуры, и, в частности, беспрецедентной динамикой социального взаимодействия, что выражает как общий показатель скорости протекания социальных взаимодействий, так и интенсивность трансформационных процессов. Все это в совокупности позволяет судить о высокой степени предрасположенности современного общества к различного рода кризисным тенденциям, а также актуализации проблемы эффективного регулирования социальных процессов, основанного не только на фактических данных по существующим социальным нарушениям, но также и на результатах прогностической деятельности, направленной на выявление негативных тенденций. Одной из характерных черт современного процесса социальной коммуникации является не только чрезвычайная плотность социальных контактов внутри локальных социальных структур, но также и высокий уровень внешней динамики, связанной с реализацией внешнеполитического взаимодействия, экономических операций международного уровня, а также процесса культурного взаимодействия [2]. Очевидно, что в таких условиях происходит существенное смещение функциональных процессов внутри локальных социальных структур, что связано, в первую очередь, с изменением набора факторов осуществления функциональной активности различного характера.

В обществе имеет место разделение на естественные и управляемые социальные процессы, что делает возможной классификацию социальных процессов, и, в частности, определение ряда значимых закономерностей социального развития. Вместе с тем, возникает резонный вопрос о том, до каких масштабов рассмотрения социальной структуры сохраняет свою актуальность обозначенное разделение? Причина данного вопроса заключается в том, что на высоком уровне общественной организации неизбежным является наличие управленческих структур, что, на первый взгляд, предполагает соотнесение всех крупномасштабных социальных процессов к числу управляемых, что приводит к перенесению на рассматриваемые социальные процессы основных характеристик, приписываемых процессуальной стороне существования централизованных

социальных структур. Однако подобный подход является не вполне корректным с учетом того, что сам по себе процесс управления также может быть реализован двояко: на уровне системы отношений, в основе которой лежит момент иерархичного подчинения отдельных элементов системы общему организующему принципу, реализованному в рамках центрального элемента управления и на уровне системы отношений, в основе которой лежит момент равноправия отдельных структурных элементов и их общей соотнесенности друг с другом.

Второе предполагает, что сам по себе характер протекания управленческих процессов имеет специфический характер. То, что может быть рассмотрено в качестве сетевых социальных структур, также имеет определенное разделение функциональных сфер, ввиду чего нельзя отрицать, в том числе, и момент властных отношений между структурными элементами различного порядка. Одновременно с этим сам характер отношения между равными по уровню организации элементами принципиально отличен. Речь идет не столько о соподчиненности более высокой форме социальной организации, сколько о конструктивном взаимодействии, в основе которого лежит стремление к достижению общих целей. Одной из особенностей такого типа взаимодействия является то, что первичным в данном случае является скорее частное, а именно отдельные элементы системы, а не общее, выступающее результатом их соединения. Это означает, что даже при условии выхода отдельного элемента системы из сетевой структуры, он может сохранить свое функциональное значение. В этом смысле принципиальное значение приобретает то, что, если централизованная социальная структура представляет собой систему, то сетевая структура представляет собой скорее пример метасистемы [6], что определяет ее уникальные характеристики. При этом не имеет принципиального значения, каков уровень организации сетевой структуры. В этом смысле, например, клуб, организованный в результате актуализации общих интересов, представляет собой такое же свободное объединение самостоятельных субъектов социальной активности, как, экономическая корпорация, образованная путем слияния множества частных предприятий.

Существует весомый довод в пользу того, что характер деятельности отдельных носителей социальной активности меняется в ходе их объединения. Он связан с тем, что осуществление функциональной деятельности приобретает характер координации усилий, что в ряде случаев позволяет достичь значительно более высоких показателей эффективности. Уже на этом уровне можно заключить о том, что существующие социальные структуры могут совмещать в себе элементы как сетевого, так и централизованного типа организации социальных процессов. Такие системы можно определить в качестве социальных структур смешанного типа.

Возвращаясь к проблеме естественных и управляемых процессов в современном обществе следует обратить внимание, что под естественными процессами в данном случае понимаются не столько процессы, в которых отсутствует элемент функциональной деятельности по целенаправленному воздействию на ситуацию, сколько процессы, в осуществлении которых первостепенное значение имеет не непосредственная внешняя регуляция, но момент актуализации общих условий возникновения конкретного типа отношений. Иными словами, основной отличительной чертой естественных социальных процессов является то, что источником социальной активности являются участники взаимодействия, действующие в условиях сочетания определенных факторов, побуждающих их к определенному типу деятельности, в то время как для управляемых социальных процессов характерно противопоставление управляющего элемента и объекта воздействия, которые не совпадают друг с другом. Примечательно, что с точки зрения теории самоорганизации, изменение общественной структуры реализуется именно на уровне процессов, формирование которых протекает естественным образом посредством соединения набора граничных условий трансформации системы отношений [3].

Даже на индивидуальном уровне реализация социальной активности предполагает момент приложения воли отдельных носителей социальной деятельности, что связано с

реализацией на уровне их действий сознательной направленности на достижение конкретного результата [1]. Так, например, возникновение семьи может стать результатом целенаправленной деятельности одного из потенциальных участников семейной группы по привлечению внимания другого. Несмотря на то, что в данном случае может быть отмечено наличие целенаправленной социальной активности, сам по себе процесс взаимодействия потенциальных участников семейных отношений не является управляемым, поскольку определяющее значение в данном случае имеет, в первую очередь, исходный набор условий, предопределивших возникновение интенций на формирование семейных отношений у конкретного человека. Кроме того, с учетом момента равноправия в определении возможности (или невозможности) построения конкретной формы отношений, результат взаимодействия определяется не только попытками воздействия на ситуацию одной из сторон, но также рядом объективных факторов (к числу которых может быть отнесен, в частности, набор предпочтений другой стороны). В этом смысле примером управляемого социального процесса является ситуация, когда формированию устойчивой семейной группы способствует наличие внешней социальной структуры, определяющей характер (и саму возможность) осуществления конкретной формы отношений. Таким образом, независимо от масштаба организации социальной структуры основанием проводимой классификации является то, каким образом происходит выделение источника текущей системы отношений.

Чтобы дать более полное концептуальное определение вводимому критерию отметим, что он имеет отношение к системе взаимодействия, характер которого может быть сведен к специфике взаимодействующих сторон и общему контексту их существования.

Существует, впрочем, одна сложность, связанная с введенным критерием разделения естественных и управляемых социальных процессов. Для любого развитого социального института, кроме государства, данное разделение является корректным в силу альтернативности самостоятельного регулирования внутренней системы отношений и внешнего регулирования со стороны политической власти [5]. Однако в ситуации, когда в объектив рассмотрения попадает, собственно, политическая деятельность, возникает неопределенность относительно статуса института политической власти и, в частности, протекающих в его рамках процессов. За исключением ситуации, когда конкретное государство находится в зависимом от других держав состоянии, управленческие процессы в нем формируются самостоятельно. Это не может быть оспорено даже с учетом того, что носители власти обладают ответственностью по отношению к населению, а властные отношения регулируются на правовом уровне. Таким образом, будучи высшим регулятивным принципом развития общества на институциональном уровне, государство представляет собой самостоятельную структурную единицу, которая, при условии ее функциональной адекватности, действует вне каких-либо регулятивных воздействий извне.

В современных условиях международного сотрудничества данный тезис требует одного значимого уточнения. Государство представляет собой самостоятельную социальную подсистему, свободную от внешнего регулирования в том случае, если его существование не ограничено системой договоренностей, за соблюдением которых надзирает какая-либо организация, наделенная полномочиями по воздействию на конкретные политические системы (от рекомендаций до введения различного рода санкций). Таким образом, имеет принципиальное значение, рассматривается ли государство, как самостоятельная социальная система, либо же речь идет о части международной структуры сетевого типа, в которой структурообразующими элементами выступают отдельные государства. Во втором случае утверждение о полной самостоятельности государства и, в частности, о естественном, свободном от внешнего регулирующего воздействия протекании различного рода процессов уже не вполне корректно. Анализ текущих тенденций протекания политических процессов свидетельствует о том, что все большую актуальность приобретает тенденция формирования сложных международных систем взаимодействия, в которых отдельные

государства выступают не только в качестве субъекта регулирования социальных процессов, но и в качестве внешне детерминированного элемента закрепленной на уровне системы договоренностей системы отношений [4]. На этом уровне мы приходим к постановке значимого вопроса: каковы основные тенденции развития отношений между самостоятельными и управляемыми процессами в современном обществе? Для того, чтобы проиллюстрировать, насколько сложной является поставленная проблема, обратимся к вопросу о теоретических основаниях исследования социальных систем смешанного типа.

Примером социальной системы смешанного типа является военный союз, представляющий объединение нескольких политических сил. Особенностью регуляции отношений в подобном политическом блоке является распределенность управляющих полномочий между представителями метагосударственного образования. Иными словами, будучи включенными в сетевую структуру, обладающую определенным набором функций, отдельные государства утрачивают свою самостоятельность, взамен приобретая возможность использования ресурсов всего объединения в случае, если это не противоречит интересам отдельных его участников [4]. Налицо одновременное ограничение и расширение возможностей, обусловленное совокупными интересами участников военно-политического блока. При этом сама по себе формируемая организация обладает основными признаками сетевой структуры, в то время как отдельные государства, входящие в нее, в ряде отношений сохраняют признаки централизованных социальных структур. Исключение составляет внешняя ограниченность спектра действий, допустимых с точки зрения участия в текущем политическом союзе. Таким образом, налицо наличие диалектической ситуации: с одной стороны, можно судить о наличии централизованных структур в обществе, что, соответственно, объясняет направленность ряда значимых социальных процессов. С другой стороны, имеет место сетевая организация социального взаимодействия, в ходе которой определяются ведущие векторы развития общественных процессов. Для того, чтобы исключить возможные теоретические противоречия, следует отметить, что рассматриваемые принципы не противоречат друг другу в полной мере в силу того, что находят реализацию на различных уровнях организации социальной структуры. Иными словами, во взаимодействии централизованных и сетевых структур в обществе может иметь место либо преобладание централизованных процессов (если сетевые структуры развиты недостаточно сильно), либо преобладание сетевых структур (в том случае, если централизованные социальные подсистемы выступают в качестве локальных элементов сетевого образования, либо конкуренция между обозначенными формами социальной организации и взаимодополнение их функциональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. - 703 с
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
3. Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М.: Наука, 1994. 207 с.
4. Кулаков А. В. Политическая и культурная глобализация: два измерения многомерного процесса часть 1. Политико-экономическое пространство глобализации // Пространство и Время. 2011. №1 С.8-18.
5. Парсонс Т. Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998.-270с
6. Шпара К. И. Сетевая структура современного общества: теоретико-методологический аспект: дисс. ... канд. социолог. наук : 22.00.01 / Шпара Кирилл Иванович; [Место защиты: Социологический институт РАН].- Санкт-Петербург, 2010.- 150 с.

УДК 316

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАГНОСТИКИ ПРОБЛЕМ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исламов Ф.И.

SOCIOLOGICAL RESEARCH PUBLIC OPINION AS A TOOL FOR DIAGNOSTICS OF PROBLEMS OF MUNICIPAL GOVERNANCE IN MODERN RUSSIA

Islamov F.I.

В современном российском обществе муниципальная власть находится в достаточно сложном положении, так как, с одной стороны, происходящие реформы требуют активизации управленческих действий и принятия грамотных, эффективных управленческих решений; с другой стороны, высокие скорости социальной динамики, частичная неопределенность в векторах развития социума диктуют необходимость обращения к первичной социологической информации. Однако подобного рода качественная, объективная информация может быть получена лишь в результате взаимодействия представителей системы управления с социологами, чего зачастую на практике не происходит. Сложившаяся ситуация представляет собой гносеологическую и предметную проблему, поиск которой необходимо осуществлять как в системе управления, так и в социологической науке.

In the modern Russian society the municipal authority is in a difficult position because, on the one hand, the ongoing reform calls for intensified managerial action and decision of competent, effective management decisions; on the other hand, high-speed social dynamics, fractional uncertainty in the development of society dictate the need for recourse to primary sociological information. However, this kind of high-quality, objective information can be obtained only as a result of interaction of representatives of the management system with sociologists, which often in practice does not occur. The current situation represents an epistemological and substantive problem, the search for which had to be implemented in the control system, and in social science.

Ключевые слова: общество, социологические исследования, первичная информация, общественное мнение, муниципальное управление, мониторинг, социальный институт.

Keywords: society, social research, primary information, public opinion, municipal management, monitoring, social institution.

Российское общество начала XXI в. находится в состоянии масштабных изменений, затрагивающих его макро- и микроуровни. Характер и направленность происходящих изменений не оставляют сомнений в поступательном и, в целом, прогрессивном характере развития российского социума. Несмотря на наличие некоторых дисфункциональных тенденций, в целом российское общество модернизируется, обновляется, все более соответствуя общемировым трендам глобального информационного развития.

Как полагают исследователи, изменение структуры общества и специфики протекающих в нем процессов находит отражение на уровне индивидуальной рефлексии отдельных людей, а также на уровне научных исследований различного масштаба. Полученные результаты вплетаются в ткань культуры и определяют характер социальной реальности. Это отражает существенный принцип – познание общества есть одновременно социальный процесс, определяющий структуру дальнейших отношений и взаимодействий. В частности, интенции деятельности отдельных людей, стратегия развития организаций и государственная политика определяются тем, какие основные актуальные принципы развития общества уже получили концептуальное отражение. Чем выше уровень социальной динамики, тем выше вероятность возникновения запаздывания в осознании общественных процессов, в результате чего осознанное регулирование социальной ситуации производится с использованием ее устаревшей модели [1].

Необходимо отметить, что происходящие в российском обществе реформы не всегда являются последовательными, логичными, вследствие чего нередко наблюдаются их

противоречивые эффекты – как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Государственные властные структуры, стремясь в большей мере соответствовать происходящим в мире модернизационным процессам, развивающимся на фоне глобализации, прогресса информационно-компьютерных, телекоммуникационных, микропроцессорных технологий, в общей мере следуют критериям постиндустриального «открытого общества», с развитыми гражданскими, демократическими институтами. Несмотря на определенные специфические черты, присущие развитию гражданского общества и демократии в нашей стране, в целом очевидны позитивные последствия перехода к принципиально новой модели взаимоотношений «власть-народ».

В условиях реформируемого российского социума начала XXI в. важное место занимает муниципальная власть. Именно на этом уровне системы властных отношений происходит активное взаимодействие власти и народа, а история генезиса и развития муниципальной власти убедительно доказывает то, что именно муниципалитеты стали воплощением идеи обретения власти народом, преодолению разрыва между властными элитами и населением.

Необходимо отметить, что проблематика социологического анализа системы социального управления, в том числе – муниципального уровня власти в условиях модернизации российского общества, с одной стороны, разработана весьма детально; с другой стороны, практически не представлены социологические труды, посвященные как теоретико-методологическому, так и эмпирическому анализу социально-экономические проблемы реформирования муниципальной власти в условиях современного российского общества – особенно применительно к специфики того или иного субъекта РФ, федерального округа и т.п.

По мнению А.М. Накипова, муниципальное управление выступает связующим элементом между государственным управлением и различными формами самоорганизации населения. С одной стороны, в системе социального управления органы муниципального управления (муниципального района, городского округа) являются нижним уровнем «вертикали власти», так как, они осуществляют отдельные государственные полномочия. С другой стороны, органы муниципального управления (городских и сельских поселений) государственные полномочия не осуществляют и, по сути, более приближены к самоуправлению [2].

Как замечают исследователи, значимость местного самоуправления заключается в том, что оно позволяет: обеспечивать учет интересов и социальное участие местных сообществ при проведении государственной политики, оптимально сочетать интересы и права человека с интересами государства, развивать демократические механизмы управления и формировать гражданское общество, обустраивать территорию проживания населения, создавать благоприятные условия жизни не только для себя, но и для будущих поколений [3].

По мнению Х.А. Халиловой, стоящие перед современной Россией вызовы детерминируют местное самоуправление как динамичную систему, способную адаптировать институты государственной власти и, прежде всего, исполнительной, к стремительно изменяющимся в процессе структурных реформ потребностям общества [4].

О.В. Загорская обращает внимание на возможности местного самоуправления в аспекте гарантий социальной коммуникации общества, когда вмешательство государства не возможно в условиях самостоятельности социальных групп, референтности социальных интересов на уровне взаимодействия, облеченного в форму социального диалога. Местное самоуправление основывается на местной социальной общности и здесь важно выявить не только социально-географическую близость, но и сформулировать социальные ценности и нормы, которые можно назвать "местным укладом" социальной жизни, "чувством" местной идентичности [5].

Стоит подчеркнуть, что в условиях современного российского общества, находящегося в состоянии экономического кризиса, муниципальные органы власти

находятся в весьма непростом положении. Зачастую многие проекты в социально-экономической сфере не получают должного финансирования, вследствие чего имеет место задержка в поступательном развитии регионов России. Данное обстоятельство предопределяет повышенный научный интерес к непосредственно к факторам, детерминирующим социально-экономические проблемы муниципальной власти, так и поиску оптимальных механизмов взаимодействия социологической науки и органов муниципальной власти, что позволило бы в непростой экономической ситуации находить максимально эффективные управленческие решения многих проблем.

Вместе с тем, по мнению исследователей, в современном российском обществе недостаточно используется потенциал социологической науки в практике социального управления. Особенные опасения вызывает крайне недостаточное обращение к возможностям эмпирической социологии. Вследствие этого не удается на сегодняшний день установить обратную связь с управляемым объектом на основе полной, научно обоснованной, объективной информации о сути социальных проблем [6].

Необходимо обратить внимание на то, что эмпирические и прикладные социологические исследования, выполненные как в количественной, так и в качественной парадигме научного анализа, позволяют получать уникальную первичную информацию, применение которой способно значительно увеличить эффективность системы муниципального управления. Это объясняется тем, что административный аппарат зачастую не обладает научным, объективным знанием о сути проблем, так как не имеет достаточной научно-исследовательской квалификации.

Эмпирические и прикладные исследования особенностей восприятия населением деятельности органов муниципального управления имеют большое значение. Прежде всего, следует учитывать, что основным критерием эффективности работы органов муниципального управления является именно уровень удовлетворенности, общего восприятия населением муниципальной власти, замеряемый в ходе социологических проектов, и свидетельствует о степени успешности работы муниципальной власти. Вряд ли можно рассуждать о том, что может иметь место эффективно функционирующая система муниципального управления, которая не удовлетворяет жизненно важные потребности и интересы людей, не решает основные проблемы населения подведомственных территорий.

Вместе с тем, было бы ошибочным полностью перекладывать критерии оценки эффективности работы муниципальной власти только на состояние общественного мнения об этой власти. Особенно с учетом несовершенства, нередко – противоречивости, – методик и процедур анализа общественного мнения. Данную проблему целесообразно осветить более подробно.

Очевидно, что в сложившейся ситуации необходим поиск оптимального, взвешенного решения, касающегося роли общественного мнения в процессе оценки системы органов муниципального управления, степени эффективности их работы, возможных дисфункций.

Рассматривая индустрию социологии общественного мнения, необходимо учитывать ее проблемы и ограничения. В частности, речь идет о серьезных ошибках в оценке общественного мнения в ключевые моменты развития государства и общества. Например, такая ситуация сложилась в 1993 г. во время парламентских выборов в России (победа вопреки прогнозам социологов партии ЛДПР В. Жириновского) и во время президентских выборов в США в 2016 г. (победа Д. Трампа, хотя большинство социологических служб прогнозировали победу Х. Клинтон). В упомянутых случаях социологи так и не смогли решить важнейшую методическую проблему противодействия неискренним ответам респондентов (в случае с политиками, партиями так зачастую происходит потому, что людям вслух стыдно, что они поддерживают радикальных, несистемных и пр. экстраординарных кандидатов).

Следует отметить, что в социологии общественного мнения наличествует и проблема так называемых «поллингов», или распространения вульгаризаторской прикладной

социологии общественного мнения. В частности, серьезным недостатком такого рода социологических методик выступает то, что в них трактовка термина «мнение» приобретает противоречивые, порой взаимоисключающие значения, что существенно затрудняет операциональную интерпретацию и поиск адекватных индикаторов анализа. Как указывал П. Лазарсфельд [7], некоторые авторы объем понятия «мнение» сужают до такой степени, что оно применимо только к ответам на весьма простой вопрос о выборе чего-либо привлекательного. Вследствие такого истолкования общественного мнения сложилась существенная разница между социологическими исследованиями и исследованиями общественного мнения, поллингами. Это случилось потому, что крупные фирмы и политические партии заинтересованы в информации о состоянии потребительского либо политического рынка, о том, что нужно людям, что им можно «продать» [8].

Становится очевидным, что в целом ряде случаев исследователи общественного мнения вынуждены работать под прессингом заказчика и во временном «цейтноте». В таком случае, едва ли не в первую очередь, возникают нарушения процедуры опроса и технологии построения выборочной совокупности, а также различного рода процедурные нарушения. Среди способов противодействия данному положению дел следует обратить внимание на необходимость тщательной подготовки исследовательского коллектива задолго до наступления «активного» исследовательского периода.

И, безусловно, рассуждая о проблемах социологии общественного мнения, нельзя не коснуться существенных затруднений, возникающих перед исследователем, когда он работает с самым распространенным и востребованным социологическим методом – опросом (либо в форме анкетирования, либо в форме интервьюирования). В методической литературе чаще всего апеллируют к двум примерам: парадоксу Ла-Пьера и эффекту Хауторна.

Ла-Пьер в свое время разослал письма в гостиницы некоторых штатов Юга США, в которых интересовался, может ли он остановиться у них вместе со своими учениками-китайцами. В большинстве ответов было сказано, что постояльцами могут быть только белые. Однако когда автор писем вместе с ассистентами-азиатами приходил в каждую из гостинец, в большинстве из них постояльцы были приняты с «распростертыми объятиями».

В свою очередь, эффект Хауторна был зафиксирован в результате эксперимента, когда прохожих в крупном американском городе спрашивали, какую книгу они хотели бы прочитать. Наиболее распространенными ответами были: Библия, классика, познавательная литература. Затем перед человеком раскрывали кейс и просили выбрать себе любую книгу в подарок в качестве благодарности за сотрудничество. Большинство выбирали бульварные романы или детективы [9].

В том и другом случае социологи столкнулись с весьма существенными ограничениями, слабыми местами опросных методов, когда респонденты в силу различных причин сообщают неправду, искажая, таким образом, результаты исследований общественного мнения. Указанные недостатки опросных методов необходимо оперативно преодолевать, так как они могут существенно искажать итоговые результаты замера общественного мнения, в том числе и о муниципальной власти.

Таким образом, практические социологические исследования правомерно позиционировать в качестве инструмента диагностики проблем муниципального управления в современной России. В данном случае социолог-исследователь устанавливает и поддерживает обратную связь системы муниципального управления с населением, выявляет актуальные проблемы людей и позволяет властям найти эффективные средства их решения. Это особенно актуально в ситуации социально-экономического кризиса российского общества. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что отказ от сотрудничества с социологами-исследователями многократно повышает риски волюнтаризма, субъективности, непрофессионализма при принятии управленческих решений. Представители муниципальной власти должны учитывать тот факт, что сами по себе исследования общественного мнения о деятельности муниципальной власти

сопряжены с весьма серьезными трудностями, которые не имеют однозначного выигрышного решения в современной социологической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. №4. С.230-235.
2. Накипов А.М. Качество муниципального управления: социологический аспект: дис. … канд. соц. наук. СПб., 2007.
3. Накипов А.М. Качество муниципального управления: социологический аспект: дис. … канд. соц. наук. СПб., 2007.
4. Халилова Х.А. Государственное управление в современной России: эффективность его реформирования: дис. … канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
5. Загорская О.В. Местное самоуправление: система социальных коммуникаций: дис. … канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1999.
6. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. №4. С.230-235.
7. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. А.А. Васильева. М., 1994.
8. Капралова С.В. Методологические и методические аспекты эмпирического анализа общественного мнения о деятельности полиции в современной России // Общество и право. 2012. №5. С.276-279.
9. Эмпирические социологические исследования общественного мнения о деятельности полиции: методологические, методические и организационно-технические аспекты / Е.М. Куликов, Л.В. Карнаушенко, Е.О. Кубякин, Г.А. Городенцев. Краснодар, 2013. С.129-156.

УДК 316

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XXI В.: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Мацнев А.А.

COUNTERING CORRUPTION IN THE RUSSIAN SOCIETY IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY: SOCIOLOGICAL AND SOCIO-LEGAL ASPECTS

Matsnev A.A.

В статье отмечается, что противодействие коррупции в условиях современной России представляет собой сложную социально-управленческую проблему. Социологический анализ с необходимостью должен учитывать и социально-правовые аспекты проблемы, обладать необходимым инструментарием оценки эффективности норм права в аспекте противодействия коррупции.

The article notes that corruption in modern Russia is a complex social and management issue. A sociological analysis with the need to take into account the socio-legal aspects of the problem, have the necessary tools for evaluating the effectiveness of the law in the aspect of combating corruption.

Ключевые слова: общество, дисфункциональность, коррупция, противодействие коррупции, право, социально-правовая система, социологический анализ.

Keywords: society, dysfunctionality, corruption, anti-corruption, law, socio-legal system, sociological analysis.

Коррупция – один из мощных факторов дезорганизации социума; именно поэтому коррупцию необходимо позиционировать как угрозу социальному прогрессу, мощный инструмент дестабилизации общества. В настоящее время коррупция переживает «второе рождение», связанное с инерцией социально-экономического кризиса конца 1980 – 1990-х г., что свидетельствует о нарастающих тенденциях архаизации российского социума. Коррупция – это проявление архаики и социального регресса, так как об этом свидетельствуют ее основные атрибутивные характеристики. Именно коррупция разрушает не только социальную и экономическую подсистемы общества. Она ухудшает репутацию государства, снижает показатели международного сотрудничества, следовательно, оказывает влияние и на политическую подсистему. Люди, включенные в коррупционные практики, а также все те, кто толерантно воспринимают коррупцию, фактически попадают под влияние криминальной контркультуры; у них деформируется правовое сознание, разрушается нравственный, ценностный фундамент личности.

М.В. Артемьева указывает, что коррупция оказывает разлагающее влияние на все сферы жизни общества: экономику, социальную сферу, политику. Негативные последствия, порождаемые этим явлением, не только препятствуют прогрессивному, поступательному развитию общества, но и представляют серьезную угрозу интересам национальной безопасности страны [1].

В ситуации тотального проникновения коррупции в социальную жизнь перед каждым человеком встает нелегкий моральный выбор – идти наперекор большинству и не принимать коррупцию или интегрироваться в коррупционные практики. В первом случае человек рискует «в одиночку противостоять коррупции, втянув в это противостояние свою семью, без единого шанса на победу. В результате население все меньше возмущается колоссальными хищениями бюджетных средств – это стало нормой. И теперь для многих вопрос стоит в том, как к этой «кормушке» подключиться» [2].

Опасная ситуация в современном российском обществе, связанная с ростом влияния в социуме коррупционных практик, детерминировала необходимость сосредоточения усилий в аспекте противодействия коррупции. Однако данное противодействие, по определению, должно носить системный, целеполагающий характер. Такой эффект может быть достигнут лишь посредством социально-правового противодействия коррупции. Вместе с тем, кажущаяся простота и эффективность подобной стратегии опровергается сложившимся положением дел.

Исследователи указывают, что действующее законодательство, в котором закрепляется политика государства, в том числе экономическая и уголовная, создает благоприятную тенденцию для дальнейшего развития коррупции. Одним из факторов, благоприятствующим коррупции, является закон, который позволяет должностным лицам, применять его по собственному усмотрению, произвольно, с целью обогащения [3].

Социально-политические последствия коррупции проявляются в функциональной, политической и моральной деградации центральных и местных органов публичной власти, являющейся следствием распространения политической коррупции. Вместе с тем:

1. Отвлекаются колоссальные средства от целей общественного развития, тем самым обостряется бюджетный кризис, снижается способность власти решать социальные проблемы.
2. Закрепляются и увеличиваются резкое имущественное неравенство, бедность большой части населения. Коррупция подстегивает несправедливое и неправедное перераспределение средств в пользу узких олигархических групп за счет наиболее уязвимых слоев населения.
3. Дискредитируется право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества. В общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан и перед преступностью, и перед лицом власти.

4. Коррумпированность правоохранительных органов способствует укреплению организованной преступности. Последняя, сращиваясь с коррумпированными группами чиновников и предпринимателей, усиливается еще больше с помощью доступа к политической власти и возможностям для отмывания денег.

5. Увеличивается социальная напряженность, бьющая по экономике и угрожающая политической стабильности в стране [4].

С точки зрения М.О. Изотова, в юридической науке сложилась традиция толкования феномена коррупции как общественно опасного противоправного явления, характеризующегося подкупом-продажностью должностных лиц при корыстном использовании ими своих должностных полномочий. Например, Кушниренко определяет коррупцию как «социально-правовое явление, выражающееся в систематическом использовании государственными служащими своего служебного положения за материальное вознаграждение в интересах третьих лиц или групп, в результате чего подрывается авторитет государственной власти и государственной службы; прямом или косвенном использовании должностными лицами своих служебных возможностей и полномочий для личного обогащения» [5].

Современное российское общество характеризуется противоречивым развитием социально-правовой системы, в том числе и в аспекте противодействия коррупции. Работы многих исследователей направлены на поиск детерминант сложившейся ситуации.

К.В. Севрюгин в ряде своих работ обосновал недостаточную эффективность норм основных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» из-за его технических недостатков и содержательных противоречий, исключающих его реальное применение на практике.

По мнению исследователя, эффективность противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы предполагает строгую правовую регламентацию чиновников всех уровней с максимально возможным ограничением возможностей для субъективного усмотрения. Дальновидная, широкомасштабная антикоррупционная политика государства должна опираться на диверсифицированное антикоррупционное законодательство с широким спектром правовых норм с превентивным потенциалом. При выработке эффективного правового механизма противодействия коррупции необходимо исходить из широкого толкования и понимания этого явления, а не сводить суть проблемы только к взяточничеству [6].

М.А. Долгов обращает внимание на некоторые противоречия современных российских норм права касательно противодействия коррупции. Так, состав преступления по статье 291 УК РФ выглядит несколько узким; в него не включены «иные преимущества неправомерного характера». Кроме того диспозиция части 1 статьи 291 УК не включает в себя обещание дать взятку. Это деяние может рассматриваться как приготовление к преступлению, но не влечет правовых последствий. По УК РФ (часть 2 статьи 30) «дача взятки» не является тяжким преступлением, поэтому ответственность за приготовление не наступает. Аналогичным образом обстоит дело и с «пассивным подкупом». Нуждается в совершенствовании и существующий в России механизм возвращения активов, полученных в результате коррупции [7].

С.В. Алексеев убежден в том, что борьба с коррупцией должна вестись по нескольким направлениям, только тогда она будет приносить заметные результаты. В этой связи выделяется ряд приоритетных направлений:

– совершенствование законодательной базы;

– усиление общественного контроля за деятельностью органов власти и законотворческим процессом;

– широкомасштабная борьба со всеми видами преступности;

– повышение уровня заработной платы госслужащих;

– активное сотрудничество с международными организациями по вопросам борьбы с коррупцией [8].

Таким образом, противодействие коррупции – комплексная проблема, выходящая собственно за границы правового поля и затрагивающая сферу не только практики, но и научной теории. Вместе с представителями других наук, над решением данной проблемы трудятся и социологи. Однако в нашей стране основная трудность борьбы с коррупцией заключается в комплексном действии «помогающих» ее развитию факторов. Это и ментальные, социокультурные факторы (на протяжении столетий в России коррупция была «нормой жизни», и несколько десятилетий коммунистической диктатуры не переломили векторы коллективного бессознательного), существование «групп интересов» коррупционных практик, лоббирующих законодательные «лазейки» для коррупционеров, мощная организованная преступность, охватившая административные и силовые структуры России и др. Безусловно, далекой от оптимальной выглядит и социально-правовая система российского общества; в частности, много претензий ученых и практических работников связаны с российским законодательством.

В связи с изложенными проблемами коррупции в современном российском обществе вполне закономерным выглядит факт того, что существует множество разновидностей этого опасного социального явления, перспективы которого в ближайшее время вряд ли будут существенно ухудшаться.

На сегодняшний день учеными охарактеризовано множество разновидностей коррупции, однако едва ли не самыми опасными последствиями для общества отличается этническая коррупция. Особую роль этническая коррупция играет в России, на территории которой компактно проживают сотни этносов, что потенциально несет в себе опасность обострения межэтнических отношений.

Становится очевидным, что именно нерешенность проблемы коррупции, неэффективность социально-управленческих мероприятий в данном аспекте привели к тому, что стали активно развиваться опасные разновидности коррупционных практик, в том числе и этнически маркированные. Данное положение особенно опасно в условиях полиэтничного региона РФ.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что на протяжении веков проблема коррупции в российском обществе не нашла своего эффективного решения, несмотря на предпринимаемые меры как репрессивного, так и конструктивного, воспитательного, морального, гуманистического характера. Однако ни санкции, ни поощрения не прекращали коррупционные практики, которые лишь снижались в условиях тоталитарного советского строя, более того, даже в трагических условиях Великой Отечественной войны 1941-1945 г. не прекращались полностью (свидетельством тому воспоминания, дневники, свидетельства, например, ленинградских блокадников о махинациях с талонами на хлеб, злоупотреблениях служебным положением, откровенных спекуляциях продуктами питания).

В условиях противоречивого развития российского общества 1990-х г. проблема коррупции значительно обострилась и, в настоящее время мы продолжаем сталкиваться с его негативной инерцией, осложненной ускоренной модернизацией и трансформаций российского общества, интегрирующегося в глобальный информационный мир.

По-видимому, такая ситуация с коррупцией объясняется социально-биологической природой человека, «живущими» в его сознании страстями, низменными инстинктами, жаждой наживы, мнимого материального благополучия с одновременным духовно-нравственным вакуумом, аномией. Именно социокультурный, духовный кризис российского общества представляется нами в качестве одного из наиболее тревожных и, одновременно, мощных факторов коррупции в России.

Стоит отметить, что социологический подход к исследованию проблемы коррупции предполагает, прежде всего, комплексный, всесторонний анализ факторов, связанных с политической, экономической, социальной и духовной подсистемами общества.

Необходимо подчеркнуть, что социологический подход к проблеме коррупции акцентирует внимание на:

– факторах и условиях детерминации проблемы, социально-исторической специфике проявления коррупции в тот иной период развития общества;

– особенностях деформации духовной культуры акторов, включенных в коррупционные отношения, а также влиянии менталитета, ценностей, идеалов, норм на генезис и развитие коррупционных практик;

– социальных последствиях коррупции применительно к микро- и макросоциальной реальности;

– возможностях системы социологического знания в диагностике проблем коррупции, преодолении ее причин и социальных последствий.

Социологический подход в качестве одной из сильных сторон характеризуется оптимальным сочетанием фундаментальных и эмпирических инструментов познания актуальных проблем трансформирующейся социальной реальности. Именно эти атрибутивные характеристики социологического подхода оставляют надежду на эффективное изучение теоретических и эмпирических аспектов коррупции в условиях полиэтничного региона современной России.

Таким образом, коррупция в современном российском обществе обусловлена действием нескольких факторов, в своей совокупности создающих условия, когда коррупция принимает характер глубокого, системного противоречия, не имеющего очевидного решения. В качестве основных факторов, влияющих на обострение проблемы коррупции в российском обществе целесообразно рассматривать, во-первых, социокультурный, духовно-нравственный кризис, девальвирующий морально-нравственные, ценностные регулятивные механизмы, практически исключающий добровольный, осознанный отказ коррупционеров от совершения преступлений; во-вторых, дезорганизацией социально-правовой системы российского общества, призванной принуждать коррупционеров к социально приемлемому поведению. Нынешнее антикоррупционное законодательство не позволяет эффективно противостоять особенно опасным видам коррупции (организованной преступности, этническим преступных группировкам, клановости и т.п.). Сложившееся положение с проблемой коррупции не позволяет ожидать улучшения ситуации в ближайшей и среднесрочной временной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева М.В. Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука.2011. №1.
2. Дзуцев Х.В. Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Дагестан // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №1.
3. Коррупция как механизм социальной деградации. М., 2007. С.45.
4. Коррупция как механизм социальной деградации. М., 2007. С.45.
5. Изотов М.О. Определение коррупции: основные походы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №6.
6. Севрюгин К.В. Противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
7. Долгов М.А. Противодействие коррупции: соотношение международно-правового и государственного регулирования: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007.
8. Алексеев С.В. Бюрократия и коррупционная деятельность. Шахты, 2007. С.30-33.

УДК 316

МЕХАНИЗМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Некрасова Е. Г.

INSTITUTIONAL TRANSFORMATION MECHANISMS OF STATE SOCIAL SUPPORT FOR YOUTH IN MODERN RUSSIAN CONDITIONS

Nekrasova E. G.

В статье анализируются механизмы институциональной трансформации государственной социальной поддержки молодежи в современных российских условиях. Отмечается, что создание инновационных механизмов социальной поддержки является важнейшим фактором успешной функциональной трансформации ведущих социальных институтов. Делается вывод о том, что основная задача механизмов социальной поддержки предусматривает преодоление социального неравенства путем, как компенсации, так и лучшей интеграции молодёжи в экономическую, культурную и политико-правовую инфраструктуру пребывающего в трансформации российского общества

The article analyzes the mechanisms of institutional transformation of state social support for young people in modern Russian conditions. It is noted that the creation of innovative mechanisms of social support is the most important factor in the successful functional transformation of leading social institutions. The conclusion is drawn that the main task of social support mechanisms is to overcome social inequality through, both compensation and better integration of youth into the economic, cultural and political and legal infrastructure of the Russian society that is in transition.

Ключевые слова: молодежь, социальная поддержка, государство, общество, неравенство.
Keywords: youth, social support, state, society, inequality.

В научной литературе даны неоднозначные определения механизмов социальной поддержки, что связано с их функциональным разнообразием [14]. Кроме этого необходимо учитывать, что в ряде исследовательских программ происходит отождествление таких понятий как социальная защита и социальная поддержка, что также создаёт фон диффузных определений. В данной связи исследователи справедливо отмечают, что «до сих пор страдает и терминология нормативных актов, которые одну и ту же, по сути, социальную услугу определяют в одном случае как “социальная защита”, в другом как “социальная поддержка”, а в третьем как “социальная гарантия”. Соотношение этих, на первый взгляд, фактически равнозначных по содержанию терминов приводит в итоге к различным толкованиям» [10]. Сложившаяся ситуация в правовой сфере затрудняет оказание реальной помощи нуждающимся, демонстрируя низкие темпы реформирования отечественного законодательства.

Вместе с тем мы согласны с вполне оправдавшим себя теоретическим подходом, в котором предполагается, что механизм социальной поддержки должен включать в себя совокупность вполне определенных правовых, финансово-экономических и организационных (управленческих) мер [13]. Под социальными механизмами поддержки могут также пониматься сложившиеся институциональные практики, направленные на повышение эффективности молодёжной политики. Однако данная трактовка социальных механизмов не исключает применения совокупности институциональных воздействий на проблему правового, экономического и управленческого характера. Важно учитывать, что при дефиците необходимых ресурсов (финансовых, правовых, управленческих) социальный механизм не сможет эффективно решать проблемы социальной поддержки, стоящие перед институциональной системой.

Социальная поддержка молодежи и ее институциональная трансформация возможна на различных управленческих уровня. Одним из важных механизмов преодоления

молодёжного неравенства в сфере экономической деятельности на государственном уровне выступает социальный институт образования [5; 3; 4]. На муниципальном уровне государственная молодежная политика выражается в обеспечении выполнения нормативных правовых актов о молодежи; организации эффективной работы социальных служб по работе с молодежью; выполнении региональных программ и разработанных на их основе муниципальных программ; развитие досуговой сферы; мониторинг молодёжных проблем и социальной напряженности на местном уровне, реализация программ сохранения и развития локальных культур (традиционных промыслов, ремёсел), воспитание регионального патриотизма и т.д. Вместе с тем для российского общества характерным остаётся доминирование федерального центра над региональными и муниципальными субъектами социальной поддержки, что в первую очередь отражается на особенностях распределения финансовых ресурсов [6]. Практически федеральный центр довольно жестко контролирует источники финансирования программ молодёжной политики, что снижает креативность региональных и муниципальных органов власти и самой молодёжи, существенно подрывая их реальную инициативу в плане поддержки молодёжи.

Итак, создание инновационных механизмов социальной поддержки является важнейшим фактором успешной функциональной трансформации ведущих социальных институтов. Основная задача механизмов социальной поддержки предусматривает преодоление социального неравенства путем, как компенсации, так и лучшей интеграции молодёжи в экономическую, культурную и политико-правовую инфраструктуру пребывающего в трансформации российского общества. Подобные изменения должны произойти при налаживании механизмов информационной поддержки и консультирования молодёжи [7]. В данной связи трансформация социальных механизмов поддержки предполагает повышение активности гражданских институтов, роста субъектности молодежи, как на региональном, так и муниципальном уровне, а также большей самостоятельности, а главное финансовой свободы представителей региональных и муниципальных властей.

Социальные механизмы должны способствовать повышению качества жизни молодёжи на основе улучшения условий образования, труда и здравоохранения. В последнее время к прежним трём основным сферам социальной защиты добавляют поддержку в сфере информационной безопасности и политического участия. Однако если механизмы поддержки в сферах труда, образования и здоровья всё же функционируют, хотя и нуждаются в модернизации, то социальные механизмы поддержки в области информационной безопасности являются вполне инновационными. Что касается социальной поддержки политически активной молодёжи, то здесь ситуация ещё сложнее, поскольку власти требуются в первую очередь конформисты, а прежние институты комсомольского типа менее эффективны в условиях капитализма и воздействия рыночной экономики.

В деятельности институтов по реализации государственной молодежной политики главное, основное внимание должно быть направлено на координацию деятельности всех государственных структур и на взаимодействие с социально-политическими и общественными организациями по работе с молодежью, в реализации молодежной политики российского общества. Зачастую отсутствие должной комплексности не позволяет целенаправленно реализовывать государственную молодежную политику, направлять в единое русло усилия и возможности многочисленных как государственных, так и частных структур, способных совместно адекватно решать молодёжные проблемы.

Таким образом, механизмы государственной социальной поддержки молодёжи представляют собой конкретные меры, направленные на реализацию программ защиты и развития отечественной молодёжной генерации с учётом ее потребностей, а также национальных и региональных особенностей территорий, где молодёжь проживает или планирует жить в будущем. Данные механизмы способствуют поддержанию социальных

гарантий, которые служат целям строительства полноценного социального государства, что в определенной степени способствует легитимации действующей власти [15]. Однако потребности молодёжи также подвержены трансформации, что в свою очередь коррелируют и с классовым разделением молодых людей в структуре социальной стратификации.

При этом механизмы государственной поддержки должны быть скоординированы на основе принципа субсидиарности с тремя (макро, мезо и микро) уровнями социальной реальности. Макро-уровень в масштабах всей страны составляет основу социальной поддержки государства, затем следуют региональной и муниципальной поддержки, составляющие мезо-уровень. Интересно, что на микроуровне речь главным образом будет идти о поддержке, оказываемой членами семьи и близкими. Таким образом, феномен социальной поддержки молодёжи на микроуровне «изучается, в первую очередь, психологами, которые трактуют социальную поддержку как любой ресурс, предоставляемый человеку членами его социальной сети» [11]. Вместе с тем взаимосвязь уровней позволяет говорить о том, что функции социальной поддержки будут удовлетворены при условии координации всей социальной системы.

Инновационный потенциал молодежи при определенных условиях политической конъюнктуры может носить как конструктивный характер, так и деструктивный, направленный в ущерб государству и самой молодежи в целом. Поэтому рассмотренный нами выше принцип «субсидиарности не столько определяет норму, сколько указывает на тенденцию. Он оставляет открытым вопрос о конкретных условиях его применения, которое может варьироваться в зависимости от обстоятельств, времени и места. В то же время субсидиарность – это принцип социальной организации, согласно которому определенные задачи изымаются из сферы действия индивидуальных граждан или социальных групп только тогда, когда объединение высшего уровня может выполнить их с большей эффективностью» [9]. В данной связи важно отметить, что применение данного принципа на практике оставляет желать лучшего, зачастую он в большей степени декларируется, чем применяется в условиях, когда над регионами довлеет бюрократическая вертикаль власти, а региональные и муниципальные органы администрирования начинают активно действовать только после сигналов из федерального центра.

В контексте модернизации российского общества необходима организация мониторинга [8] обеспечения социальной поддержки молодежи с учётом её жизненных проектов, что будет способствовать выявлению приоритетных направлений региональной молодежной политики. Однако, несмотря на всю важность мониторинга представлений молодёжи о лучшем будущем государству также необходимо реализовывать собственный проект развития подрастающего поколения с учётом современных рисков и вызовов безопасности. Поэтому механизмы социальной поддержки должны быть протестированы на соответствие их требованиям концепции национальной безопасности [2]. Вместе с тем внедрение патриотизма в духе однобокой критики Запада зачастую не приводит к ожидаемым результатам всплеска патриотических настроений, особенно на фоне объективного падения жизненного уровня многих слоёв населения. К тому же развитие медийных средств и прежде всего интернета создаёт острую конкуренцию, в том числе на рынке информационно-пропагандистских ресурсов, не всегда подконтрольных власти.

В настоящее время уже приняты меры, направленные на исключение роли иностранных агентов (фондов, организаций) в формировании настроений и мнений в молодёжной среде. Государство продолжает принимать ограничительные меры в отношении институтов других стран, пытающихся формировать политическую повестку в среде российской молодёжи. Однако в данной связи М.А. Васьков отмечает, что «российские власти слишком расширенно трактуют даже собственное репрессивное законодательство, и, как показывает практика, эта трактовка идет исключительно не в пользу структур гражданского общества. Никто не спорит, что государственный

суверенитет нужно защищать от его постановки под иностранный контроль, но в данном случае речь идёт не о противодействии иностранному влиянию, а о попытках нагнетания массовой истерии и стремлении в связи с этим поставить под контроль власти весь независимый общественный сектор» [1, с. 147-148]. Очевидно, что распространение подобных тенденций может затормозить процессы вовлечения молодёжи в гражданские процессы, снизив их инициативу, а также желание оставаться к стране, к чему имеются серьезные предпосылки.

В связи с недостаточностью материально-технических и финансово-экономических ресурсов важно опираться на принцип разделения по механизмам в отношении разных источников (бюджеты комплексных программ, бюджеты органов по делам молодежи; бюджеты разных уровней, бюджеты отраслевых ведомств, бюджетные фонды, внебюджетные фонды, межмуниципальные целевые финансовые пулы и т.д.), принципов финансирования (конкурсный; целевой), объектов финансирования (обеспечение программ и мероприятий; обеспечение функционирования отраслевых институтов государственной молодежной политики; прямое финансовое обеспечение молодежи (кредиты, дотации, гранты и т. д.). Критерии эффективности реализации программ социальной поддержки зависят от измеримых итогов их деятельности. Поэтому в данной связи целесообразно ставить вопрос о соответствующей социальной экспертизе и анализе конкретных показателей эффективности реализации программ, которые более точно отразят итоги работы органов по делам молодежи.

В последней стратегической модели реализации молодёжной политики России предложены новые механизмы финансового обеспечения будущих проектов, ориентированных на последовательную концентрацию человеческого капитала. “Развитие молодежи России” становятся одним из основных ее элементов. Эта Программа - суть финансовое обеспечение Стратегии развития молодежи Российской Федерации до 2025 г. Если например, в настоящее время, Минспорт России финансирует развитие молодежного спорта, а МВД России - профилактику молодежной преступности, то в предлагаемой модели государственной молодежной политики реализация всех задач финансируется на основе Государственной программы «Развитие молодежи России», при этом все эти задачи связаны общей целью - повышением человеческого капитала молодежи [12, с. 153]. Концентрация ресурсов социальной поддержки, как полагают эксперты, приведёт к повышению уровня и конкретизации ответственности исполнителей данной программы.

Таким образом, в рамках реализации новой стратегии предполагается, что человеческий капитал молодёжи (ЧКМ) будет постоянно оцениваться (для чего будут созданы соответствующие механизмы). Подобные меры, в свою очередь, способны в оперативном режиме вносить коррективы в программу развития, что обеспечит её гибкость, способность адаптироваться к неожиданным вызовам. Если объем бюджетного финансирования (бюджетных субсидий и помощи) молодежных организаций определяется задачей обеспечения их деятельности, то объемы финансирования в рамках «программы» той или иной задачи должны определяться тем вкладом в рост человеческого капитала молодежи, которые эти расходы обеспечивают, или предотвращением потерь, которые могут произойти (произойдут) в том случае, если эти затраты не будут произведены. В инновационной программе молодёжного развития акцент делается не только на конкретной помощи, но и на отдаче от инвестиций, что предусматривает внедрение механизма контроля над деятельностью служб, проводящих в жизнь государственную молодёжную политику. Таким образом, речь идёт об усилении механизмов контроля в сфере социальной поддержки, которые включают в себя повышение уровня прозрачности данного вида работы с молодёжью.

Особый интерес представляет создание реальных механизмов социальной поддержки политического участия российской молодёжи, которое декларируется в качестве приоритетной социальной активности, направленной на стимулирование развития

гражданского общества. При этом акцент делался на создание патриотических и антифашистских движений, зачастую придерживающихся «антиамериканской» идеологии и «антизападной» риторики. Однако властные структуры по-прежнему стремятся довольно жёстко контролировать молодёжное движение, причём контроль ещё в большей степени усилился после совокупности всех «украинских» событий. Кроме этого важно отметить, что даже подконтрольные и вполне управляемые государственные организации (например «Наши», «Идущие вместе», ряд казачьих молодёжных организаций «Дона») примерно до событий на Болотной площади обладали большей внутренней свободой и политической субъектностью.

В целом здоровье молодёжи находится в числе первостепенных проблем притом, что медицинская помощь в последнее время стала во многом недоступной для ряда категорий населения. Несмотря на достаточно разработанные прогнозы, которые уже сейчас позволили выявить спектр ранее неизвестных молодёжных проблем, их решение уже осознанно в научной среде, но на уровне социальных механизмов практически не отработано. Например, молодые семьи, которым необходима особая медицинская помощь даже не рассматриваются в качестве специфической категории нуждающихся в государственной поддержке.

Проведенный нами анализ действующих механизмов государственной социальной поддержки молодежи помог выявить сегментарность трансформации ведущих институтов, которая порой свидетельствует о запаздывании реформ, проявляющейся в декларативности без конкретного подкрепления на уровне практической деятельности. Механизмы финансовой, правовой и управленческой поддержки действуют не в полном объёме, что обусловлено нехваткой финансовых средств, недостаточно разработанной правовой базой и сильной бюрократизацией управления. Доминирование федерального центра власти зачастую приводит к подавлению институтов гражданского общества, развитие которого в России имеет серьёзные трудности. Вместе с тем в проведенном анализе были выявлены положительные тенденции социальной поддержки инновационного характера, направленные на рост социального капитала молодёжи. Принцип субсидиарности применяется не полностью, поскольку региональные и муниципальные центры по-прежнему в большей степени действуют с оглядкой на федеральные органы власти и управления. Данные свидетельства трансформации государственной социальной поддержки, сигнализирующие о вполне реальном изменении вектора молодёжной политики в стране, можно обнаружить в «Стратегии развития молодежи Российской Федерации до 2025 г», которая предполагает усиление контроля над проектами молодёжного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васьков М.А. Гражданская идентичность в институциональном пространстве российского города. Ростов-на-Дону, 2013.
2. Верещагина А.В., Самыгин С.И. Военно-политическая безопасность в системе социальной безопасности России: социологический ракурс теоретической рефлексии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4.
3. Воденко К.В. Институциональные аспекты взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений и развитие системы современного высшего образования в России // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2. С. 66-77.
4. Воденко К.В. Перспективы государственного регулирования сферы высшего образования // Гуманитарий Юга России. 2016. № 6. С. 211-220.
5. Воденко К.В., Черных С.С. Диверсификация роли института высшего образования в процессе воспроизводства и концентрации социального капитала // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 165-172.

6. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений : науч. монография / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013.

7. Гребенникова А.В., Пархоменко А.Н. Современная молодёжь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования. 2013. № 30. Т.6.

8. Еремкин В.А., Сутырина Т.А. Инструменты инновационной политики: теория и практика: препринт. М., РАНХиГС, 2012.

9. Канифатов А.С. Социальные основания принципа субсидиарности в процессах управления: структурный аспект // Научная мысль Кавказа. 2009. № 3.

10. Карданова И.В. Правовой механизм защиты прав граждан на социальную поддержку в Российской Федерации // Психология. Экономика. Право. 2013. № 2.

11. Козырева Л.Д. Социальные связи в системе социальной поддержки // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. Том 5. Вып. 1(13).

12. Молодёжь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. М., 2013.

13. Морозова Е.А., Добрынина А.Ю. Механизмы социальной защиты населения региона // Экономика региона. 2012. №1.

14. Социологический словарь. / Отв. ред. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. М.: Изд-во «Норма», 2008.

15. Тарцан В.Н. Власть и молодёжь в современной России. Автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2010.

УДК 316

ПРОБЛЕМА РОСТА СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА СОВРЕМЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Попова Т.В.

THE PROBLEM OF THE GROWTH OF THE SOCIAL IMPACT OF THE GLOBAL COMPUTER NETWORK INTERNET ON MODERN TV

Popova T.V.

В современном российском обществе переход социальной системы от поздней индустриальной к постиндустриальной, информационной стадии развития привел к проявлению ряда значимых эффектов, одним из которых стал рост социального влияния глобальной компьютерной сети Интернет.

In the modern Russian society, the transition of the social system from the late industrial to post-industrial information stage of development led to the manifestation of a number of important effects, one of which was the growing social influence of the global computer network Internet.

Ключевые слова: телевидение, телевизионная аудитория, институциональные взаимодействия, российское общество.

Keywords: TV, television audience, institutional cooperation, Russian society

В последние годы быстрыми темпами растет численность интернет-аудитории, расширяется репертуар аудиовизуальных инструментов воздействия на сознание людей. Развитие микропроцессорной техники фактически приводит к складыванию ситуации, когда персональный компьютер настолько уменьшается в размерах, что его функционал присваивает мобильный телефон; это открывает новые, ранее не известные возможности интернет-вещания. В новых условиях общества начала XXI в. телевидение переживает непростой период, связанный с

сохранением собственной идентичности в острой конкурентной борьбе с сетью Интернет.

Стоит отметить, что телевидение и Интернет являются двумя мощнейшими каналами информационной трансляции и особыми социальными феноменами современного общества. Они находятся в постоянном взаимовлиянии, дополняют друг друга, вместе с тем между ними существуют и значимые различия. В отличие от телевидения, интернет не характеризуется односторонней коммуникацией, поэтому во всемирной глобальной сети индивид может избирательно относиться к размещенной информации, реагировать на нее, наполнять собственным контентом и комментариями сайты, форумы и социальные сети. Объем информации, которую люди могут получить с помощью интернета, существенно больше, чем получаемый по телевидению. Интернет также отличает интерактивный фактор, который позволяет пользователям, в отличие от телевидения, вступать в диалоги, дискуссии, принимать активное участие в коммуникационных процессах. Взаимозаменяемость отправителя и получателя информации – все это является содержанием феномена интерактивности, присущего всемирной глобальной сети Интернет. Исследователи Дж. Брайант и С. Томпсон говорят и еще об одном отличительном признаке Интернета. По их мнению, если для телевидения характерно «централизованное производство стандартизированной информации, поставляемой огромной аудитории по отдельным каналам», то для Интернета – отсутствие такого центрального источника и «предоставление особых услуг большому числу сравнительно малочисленных аудиторий» [1]. Современное общество, по мнению исследователей, это общество «транзактной медийной коммуникации». Отличительными чертами коммуникационной системы социума начала XXI в. выступает предельное расширение границ коммуникационной системы. Это происходит за счет включения различных структурных элементов, в том числе – интернет-среды и горизонтальных коммуникативных потоков [2].

На данном этапе в развитых странах мира компьютерная отрасль не подлежит государственному регулированию и развивается в условиях свободного рынка. Тем не менее, ввиду растущего влияния данного канала информации у власти не может не возникать соблазна использовать Интернет в своих целях. «Сейчас становится все более очевидной угроза полицейского и политического наблюдения за индивидами с использованием изощренной информационной техники», – убежден Д. Белл [3].

Постепенно феномен интерактивности, присущий Интернету, начинает реализовываться и в телевизионной сфере. Появилось интерактивное телевидение, которое предполагает активное участие потребителя телевизионного продукта в коммуникационном процессе. По мнению П.В. Ополева, проблемы функционирования и развития телевидения в информационном обществе, связаны с созданием телевидения нового типа, с революционным переходом от «вещательного» телевидения к телевидению «интерактивному». «Вещательное» телевидение оказывается линейным, можно сказать, что оно в большей степени повествует о прошлом времени («диахронное телевидение»), о том, что уже состоялось. «Интерактивное» телевидение нелинейно, оно повествует о настоящем (телемост, прямой эфир) и даже заглядывает в будущее (прогноз, модель), предоставляя аудитории самостоятельно проектировать и влиять на ситуацию («синхронное телевидение»). Это отражается не только на количественных характеристиках информации (увеличение скорости обмена данными), но и качественной составляющей информации (использование мультимедийных средств и формирование особой телевизионной эстетики). Кроме того «новое» телевидение требует качественно иной журналистики, журналиста нового типа. Появление новых коммуникативных каналов, позволяющих увеличить скорость обмена информацией, сращивание телевидения и интернета обуславливают новые черты присущие исключительно современному телевидению. Можно выделить несколько таких ключевых особенностей: нелинейность, гипертекстуальность,

интерактивность [4].

За годы своего прогрессивного развития телевизионная коммуникация значительно модернизировала свой функциональный репертуар. Появление в жизни общества информационно-компьютерных, микропроцессорных технологий нашло свое отражение в работе телевидения. Наиболее значимой чертой телевидения в информационном обществе, как полагают исследователи, является нелинейность. Нелинейный характер телевидения обусловлен его глобальным характером и скоростью обмена информацией. Гипертекстуальность телевидения оказывается связанной с его нелинейным характером и представляет собой особую форму организации телевизионного пространства, которая также характеризуется нарушением линейной последовательности повествования и наличием отсылок к другим материалам. Современное телевидение также отвечает признакам интерактивности (способность информационно-коммуникационной системы, активно и разнообразно реагировать на действия пользователя). Интерактивность позволяет создавать эффект присутствия, реального воздействия на ситуацию. Синтез телевидения и Интернета формирует единое, глобальное, информационное пространство. При всем при том, что содержание информации и форма её передачи (как в техническом, так и художественном аспекте) может обуславливаться социокультурной спецификой отдельно взятой страны, региона общая тенденция сохраняется [5].

По мнению А.Б. Макушина, новостные телевизионные форматы подвергаются серьезному воздействию процессам развития интернет-технологий. Это обусловило более эффективное использование методов и приемов, характерных для сферы традиционного производства телевизионного контента. Проявляются процессы интеграции в новостное телепроизводство элементов, присущих интернет-СМИ. Происходит процесс изменения конфигурация профессиональных знаний и навыков в сфере создания теленовостей, что имеет основанием два основных аспекта:

– адаптация знаний из области традиционной тележурналистики к условиям современного производства;

– получение новых знаний и навыков, связанных с использованием современных интернет-технологий.

Появление Интернета привело к избыточному наличию информации в медийном пространстве. Так, например, в Сети можно найти подробные стенограммы различных форумов, конференций, при этом часто полностью отсутствует анализ данного материала, т.е. аудитория не получает никаких. В связи с этим можно предположить, что у интернет-журналистики возникают принципиально новые задачи. Кроме традиционной процедуры отбора информации журналист должен в качестве посредника помочь аудитории сориентироваться в этом огромном потоке данных. Одна из его важных функций - подсказать, где и как найти гарантированно достоверную информацию о тех событиях, которые интересны пользователю.

В связи с тем, что Интернет дал возможность практически любому человеку стать журналистом (по сути, средством массовой информации), на принципиально новый уровень выносится вопрос об ответственности журналиста перед обществом. В первую очередь это относится к тем, кто работает в пользовательском сегменте.

В конце XX – начале XXI веков человеческий социум вступил в новую эпоху, связанную с коренными социальными и научно-техническими трансформациями общества, с переходом к информационной стадии. Такой этап развития социума можно характеризовать фактором участия множество его членов в производстве, хранении и переработке информации. Большинство социологических концепций информационного общества обращают свое внимание на такие его свойства, как возрастание роли информации, науки и знания в жизни людей и экономике, увеличение числа занятых в сферах, связанных с информационными технологиями, телевидением, коммуникацией, Интернет, традиционных и электронных СМИ, расширение процессов информатизации

общества, связанных с использование средств массовой коммуникации и т.д. По мнению ряда исследователей, современный социум можно определить, как глобальное информационное пространство («глобальная деревня»), что связано с проявлениями таких аспектов, как эффективное информационное взаимодействие людей, широкий и массовый доступ к информационным ресурсам, удовлетворение потребностей граждан в информационных услугах. Происходит развитие процессов электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей. Все эти индикаторы неизбежно влияют и на процессы социальных отношений в системе общества, так как происходит возникновение новых типов общностей и групп, в том числе и в виртуальном пространстве. С развитием и расширением влияния таким средств массовой коммуникации, как телевидение и сеть Интернет, происходит и расширение рисков девиантного поведения в этом пространстве, например преступления, связанные с деятельностью кибертеррористов и экстремистов. В этой связи необходимо обосновать значимость социологического изучения средств массовой коммуникации, таких как телевидение и Интернет. Глобальное информационное пространство формируется под влиянием интенсификации потоков информации и деятельности СМИ, поэтому фактор информации и коммуникации играет все более значимую роль в жизни социума. Информационно-коммуникационные технологии, такие как ТВ и Интернет, увеличивают свое влияние на массовое сознание, все глубже проникают в повседневную жизнь людей. Без них уже трудно представить большинство социокультурных феноменов в мире. На функционирование СМИ, в частности телевидения, оказывают влияние также глобализационные процессы, ускорение передачи информации. В мире начинает формироваться «глобальная деревня», которая предполагает ускорение и упрощение информационного взаимодействия, стирание границ и увеличение значимости информационного фактора в процессах развития социума. Выявление взаимосвязей между глобальным телевидением, создавшим уникальные возможности для функционирования общества в условиях «глобальной деревни», и непосредственно глобализациоными процессами позволит более конкретно определить формы и направления процесса глобализации. В связи с этим возникает необходимость социологического анализа еще недостаточно изученной роли телевидения в условиях глобализации.

Функционирование средств массовых коммуникаций, таких как Интернет и телевидение связано с воздействием на общественное сознание, и это порождает риски негативного воздействия на социум. Мы можем отметить, что существует ряд проблем, связанных с широким распространением глобальной сети Интернет, в частности распространение экстремизма и терроризма в виртуальном пространстве. Проблематика информационного экстремизма является актуальной как в целом для современного глобального социума, так и для российского общества. Коренные изменения социума, произошедшие за последние десятилетия в России, оказали влияние на общественные процессы, породили новые проблемы, связанные с возникновением проявлений новых видов девиаций в социальной среде, в том числе в информационной сфере. Можно отметить высокий уровень социальной напряженности в современном российском обществе, связанный с изменениями в различных сферах социальной жизни, и который проявляется в том числе в сети Интернет, в социальных сетях. Рост этнического и политического экстремизма, в том числе в сфере информационно-коммуникативных технологий является опасным социальным явлением, который отрицает основные, закрепленные конституцией права и свободы граждан, нарушает сформированный порядок общественных отношений. Информационный экстремизм зачастую приводит к социальной дезорганизации и расколу общества, разобщению и нарушению социальных связей, активируя процессы разделения индивидов по различным признакам, в том числе статусу (этническому, расовому и т.д.). Именно поэтому необходимо формирование эффективной государственной политики для

противодействия негативным тенденциям в Интернете, нормативно-правовое и научное обеспечение научно-технического развития общества, особенно в сфере информационно-коммуникационных технологий, в том числе связанной с использованием сети Интернет.

Необходимо отметить все более возрастающее взаимодействие и взаимовлияние двух актуальных феноменов современного социума – телевидения и Интернета. Телевидение постоянно развивается и постоянно расширяет пространство социальной коммуникации и вовлечения потребителей своих продуктов, использует интернет в качестве источника вторичной информации. В свою очередь интернет-контент содержит в себе телевизионные передачи, их фрагменты, на сайтах размещается различная телевизионная продукция, что направлено на достижение максимального охвата аудитории и интернет-пользователей. Все это оказывает непосредственное воздействие на социальные процессы, особенно в современном российском обществе. И в этой связи, возрастает роль социологических исследований в области телевизионного вещания, которые не менее значимы, чем такие же исследования, которые проводятся в мировой глобальной сети и ее сегментах. По нашему мнению, необходимо расширение использования телевизионной аудитории в качестве источников социологических данных, особенно в русле исследования социальных проблем региональной специфики. Аудитория современного российского телевидения представляет собой особый источник социологической информации, позволяющей отследить реакцию населения на те или иные события, а также действия государственной власти. Потребители телевизионных продуктов становятся важным аспектом социологической практики и это связано с ростом масштабов развития телевидения в России в последние годы, в том числе популярности современных телевизионных программ и телеканалов. Телевидение играет значимую роль в жизни современного российского социума. Анализ телевизионной аудитории, ее потребностей и ценностей становится неотъемлемым инструментом прикладной социологии, а сами телевизионные продукты – объектом эмпирических социологических исследований. Вместе с тем, на современном этапе развития социологической науки существует проблема недостаточного изучения проблематики телевизионной аудитории, следовательно, это обуславливает актуальность социологического исследования телевизионной сферы и телезрителей.

Таким образом, мы можем отметить, что, несмотря на ряд эмпирических и прикладных исследований, проведенных как за рубежом, так и в России, проблематика взаимодействия и взаимного влияния Интернета и телевидения в социологии еще недостаточно изучена. В современной России происходит бурное развитие информационных технологий и рост значимости Интернета и телевидения в жизни людей. Именно поэтому социологические исследования их функционирования и влияния на массовое сознание являются актуальными и злободневными. В настоящее время необходима разработка и проведение новых эмпирических исследований различных аспектов функционирования данных средств массовой информации, как позитивных, так и негативных, в том числе проблем информационного экстремизма, пропаганды, рекламы, манипуляции сознанием.

Телевидение в ситуации обострения медийной конкуренции с глобальной сетью, оказывается перед достаточно тревожной дилеммой: пытаться на равных вести конкурентную борьбу с инновационным медиа, которое, по ряду функциональных характеристик, превосходит телевидение в его классической форме, либо фактически устраниться от активной конкурентной борьбы, отдав инициативу Интернету. При отсутствии очевидной выигрышной стратегии телевидение зачастую копирует наиболее выигрышные элементы позиционирования Интернета (например, интерактивность, известную неформальность и др.), а также начинает осваивать «запретные», аморальные формы массовой коммуникации, такие как распространение слухов, сплетен, различной дезинформации.

Между тем, именно телевидение – намного более формализованная, упорядоченная система массово-коммуникативного воздействия, чем существенным образом диверсифицированный Интернет. Глобальная сеть в силу своей функциональной специфики так или иначе представляет собой угрозу информационной и национальной безопасности, принимаемые в последние годы юридические нормы, а также ужесточение риторики со стороны представителей государственной власти не способны поменять характер и направленность происходящих угрожающих социальных процессов. Проблема заключается в том, что именно глобальная сеть – гораздо менее контролируемая и управляемая коммуникационная система, чем телевидение. При этом развитие технико-технологического потенциала глобальной сети будет способствовать увеличению ее независимости, «автономности» от государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. - М., 2004.
2. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. - М, 2004. - С.397.
3. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. - М, 2004. - С.397.
4. Макушин А.Б. Влияние информационных интернет-технологий на развитие новостных телевизионных форматов: дис... кандидата филол. наук. - М., 2015.
5. Ополев П.В. Телевидение в информационном обществе // Альманах современной науки и образования. - 2012. - №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-v-informatsionnom-obschestve (дата обращения: 18.03.2016).

УДК 316

СТАТУСНО-РОЛЕВОЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Сыпачев С.В.

STATUS-ROLE ASPECT OF SOCIAL CERTAINTY SERVICEMEN

Sypachev S.V.

В современном российском обществе высокую степень остроты обнаруживает проблема организации деятельности вооруженных сил, что связано с такими проблемами, как неустроенность военнослужащих, высокий уровень коррупции, наличие неуставных отношений. Все это в совокупности задает негативное рассмотрение армии на уровне общественного сознания, превращая воинскую службу в один из очагов развития социальной напряженности. В статье рассматривается статусно-ролевой аспект социальной определенности военнослужащих, прослеживается динамика его изменения, определяются ключевые позиции, детерминирующие статусно-ролевой набор военнослужащих.

In the modern Russian society a high degree of sharpness detects the problem of organizing the activities of the armed forces, which is associated with such problems, as the disorder soldiers, the high level of corruption, the presence of hazing. All this together sets a negative review of the army at the level of public consciousness, transforming military service into one of the centers of development of social tension. The article discusses the status and role the social aspect of certainty the military, traced the dynamics of its change, there are key positions that determine the status and role of the soldiers.

Ключевые слова: армия, военнослужащие, статус военнослужащего, ролевой набор военнослужащего, общество, общественное мнение.

Keywords: army, soldiers, military status, role set soldier, society, and public opinion.

Рассмотрение военнослужащих, как социальной группы, а также их статусно-ролевого набора и моделей поведения предполагает последовательное определение двух аспектов. С одной стороны, когда речь идет о статусе военнослужащего, как представителя социальной категории, речь идет о комплексной характеристике данного статуса в системе общества, что измеряется такими параметрами как власть, престиж, финансовая обеспеченность, а также спецификой трудовых функций и наличием социальных гарантий, привилегий. В тех случаях, когда акцент смещен на статусно-ролевой набор, предметом рассмотрения выступает вариативность социальных ролей, по отношению к социальному статусу, где дополнительным аспектом выступает определение специфики характерных для данного статуса моделей поведения. Настоящее сообщение включает в себя обе задачи. Связующим звеном, в определенном смысле, выступает рассмотрение армии как социального института, что позволит выявить комплекс специфических для военной среды институциональных форм поведения, как нормативных, так и неформальных. Рассмотрение социально-экономической составляющей военной профессии, социальных прав и гарантий военнослужащих, а также общественная оценка армии и престижа военной службы, приведенные в первом параграфе, значительно характеризует статус военнослужащего в системе российского общества. Высокую актуальность в данном отношении имеет комплексная оценка статуса военнослужащего с учетом институциональных форм и моделей поведения, определяющих содержательный аспект социального статуса военнослужащего.

При таком подходе последовательно осуществляется переход от рассмотрения армии как социальной организации, обладающей собственным статусом, который позволяет соотносить ее с другими социальными организациями, к рассмотрению армии в качестве социального института, вырабатывающего воспроизводимую систему норм поведения и социальных ценностей, принципов солидарности и корпоративной морали. Институциональная, социально-ролевая характеристика статуса военнослужащего, на наш взгляд, является существенной предпосылкой теоретического анализа факторов криминализации обстановки в среде военнослужащих.

В рамках обозначенного вектора исследования, мы обращаемся к следующей содержательной зависимости: военнослужащий как представитель социальной группы определяется через армию, тогда как армия получает свое определение через государство, через общество в целом и через свои собственные институциональные основания. Понятие «военнослужащие, как социальная группа», соответственно, раскрывает свое содержание по отношению к государству, как политической силе, источнику нормативно-правового регулирования воинской службы и централизованной системе распределения материальных благ, по отношению к обществу, которое определяется в двух отношениях, в качестве ценности, нуждающейся в вооруженной защите и в качестве той инстанции, которая формирует оценку армии как социального института, а также, по отношению к собственному специфическому содержанию армии как социального института, включающего институциональные нормы, «модели неформальной коммуникации»[3] и институционально предписанные формы девиантного поведения, становящиеся частью статуса военнослужащего[6].

Социальный статус военнослужащего, набор характерных ролевых функций и моделей поведения, как теоретическая проблема обнаруживает ряд специфических аспектов, с точки зрения классических моделей социальной стратификации. Так, при постановке вопроса определения социального статуса военнослужащего в структуре российского общества О. Ю. Быстряков обращает внимание на следующий аспект. В стратификационной модели общества, разработанной академиком Т. И. Заславской выделяется четыре слоя: верхний (6% занятого населения), средний (18%), базовый (66%) и нижний (10%)[2]. Военнослужащие являются представителями всех четырех слоев общества, но «несмотря на это, военнослужащие являются отдельной социальной

категорией, социальным слоем»[2]. В этом смысле фиксируется особое положение военнослужащих в системе социальной стратификации общества. «На современном этапе положение военнослужащих, так называемое «страна в стране», осталось неизменным»[2]. Таким образом, институт армии фиксирует свое исключительное положение в системе общества.

Военнослужащий, как представитель социальной группы обнаруживает двойственную определенность собственного социального статуса. Важным параметром является как статус военнослужащего в принципе, как абстрактного представителя военной социальной среды в масштабах общества в целом, но не менее важным, а порой и определяющим является статус военнослужащего в системе армии. Частичный перенос армейской статусной иерархии в социум является дополнительным маркером особого положения армии в структуре современного российского общества.

Социальный статус конкретного военнослужащего определяется тем, каков общий социальный статус военнослужащего как социальной категории, и тем, какое место он сам занимает в системе армии. Подобная двойственность в той или иной степени характерна для любого профессионального сообщества, в котором выстроена внутренняя иерархия, например для врачей, ученых, менеджеров крупной компании, представителей органов внутренних дел, но в системе армии это проявляется наиболее отчетливо в силу группы факторов. Армейская субординационная модель является эталоном для всех остальных моделей субординации в силовых ведомствах (МЧС, полиция). В этом смысле военная субординация является прототипом упорядоченных командно-приказных взаимоотношений в социальной группе, также, следует отметить, что именно в армии данный принцип взаимодействия между индивидами доведен до своего предела[8]. Кроме того, армия является одним из самых устойчивых социальных институтов в обществе. В чрезвычайных ситуациях роль армии только усиливается, а в случае масштабной войны увеличивается военный контингент, перестраивается военная инфраструктура.

Еще одной особенностью армии как социальной организации является то, что большинство военнослужащих оказываются вырванными из гражданской жизни. Поэтому демаркация между гражданской и армейской (профессиональной) жизнью является не внутренней, психологической, а имеет вполне определенные хронологические очертания. Гражданские профессии редко требуют круглосуточного присутствия, в отличие от военных, где контингент оказывается на длительный срок практически изолированным от обычной гражданской жизни.

Социальная обособленность армии обуславливает, в свою очередь, специфические мотивационные основания военнослужащих, для которых служба в армии становится основной профессией в жизни. Как отмечает И. М. Суркова, «в настоящее время большая часть мотивационных критериев связана с реализацией социальной политики в армии, позволяющей военнослужащим претендовать на эксклюзивное социальное положение по сравнению с гражданским населением. Привлекательность военной службы обеспечивается «монополией на насилие», благодаря которой для профессиональных военнослужащих открывается доступ к материальным благам, власти и престижу»[7].

Армия как социальный институт содержит в себе сложную и разветвленную систему социальных ролей, определяющих поведение военнослужащих[5]. Наиболее общими ролевыми типами, предусмотренными военной организацией являются такие как новобранец, солдат, офицер, пленный, шпион. Один и тот же социальный статус военнослужащего обнаруживает многообразие социальных ролей, в зависимости от того, с кем именно он соотносится. Так, военнослужащий может реализовать роль начальника, по отношению к тем, кто находится в подчинении, подчиненного, по отношению к командованию, сослуживца, по отношению к товарищам, «военного», по отношению к «гражданским» (мирному населению), противника, по отношению к противникам и т. д. Социально-ролевая определенность поведения военнослужащих проявляется не только в мирное время, но и в случае наступления войны, или в ходе военной операции. Данный

факт подтверждается наличием международных норм ведения войны, правил отношения к мирным жителям, военнопленным, медицинскому контингенту со стороны противника, наличием запрета на использование определенных видов вооружения и т. д[3]. Таким образом, несмотря на то, что служба в армии в период участия в военных действиях различного масштаба сопряжена с риском для жизни, пребывание в армии продолжает оставаться институционально определенным, а действия военнослужащих продолжают подпадать под категорию социальных ролей, реализуемых в системе армии вплоть до момента гибели военнослужащих, или увольнения (в запас) из рядов вооруженных сил.

Таким образом, в зависимости от ситуации, занимаемого статуса и отношения к другим представителям вооруженных сил, индивид ведет себя в соответствие с приписываемой ему социальной ролью. Отдельно теоретической проблемой, в данном случае, является исследование механизмов возникновения ролевых конфликтов в армии.

Армия представляет собой достаточно структурированный социальный институт, где социально-ролевое взаимодействие индивидов, предполагает четкую иерархию, выстроенную на приказной основе. В связи с этим социально-ролевые противоречия на уровне институциональных оснований представляют собой редкое явление, если они возникают, то являются маркерами системного противоречия армии как социального института. Причиной высокой институциональной устойчивости армии является то, что основные ролевые функции, нормы поведения подробно прописаны в уставе, а их соблюдения является обязательным. Это касается неукоснительного соблюдения субординации, ритуальных форм обращения к старшим и младшим по званию, способов отдачи приказа и его выполнения, распорядка дня, организации быта, распределения ответственности, особенностей внешнего вида.

Специфика социального института армии заключается в том, что он является одним из первичных, из тех, которые определяют переход общества к государственной форме организации. Будучи одним из важнейших социальных институтов общества, армия способна превратиться в действенную политическую силу. Принципиально возможна различная степень милитаризации общества, вплоть до той степени, когда армия содержит в себе еще и политический институт[1].

Для гражданского типа общества важно чтобы армия подчинялась политической силе, но не наоборот [1]/ Подобное социальное ограничение института армии отражается и на общесоциальном определении статуса военнослужащего. В частности, определение статуса военнослужащего в системе общества и государства не должно отодвигаться на второй план в связи с самоопределением в системе армии. Военнослужащий не должен забывать, что он служит интересам своего общества и государства, в противном случае можно констатировать гиперфункцию армии как социального института, что может проявляться как на уровне отдельно взятого индивида, так и на уровне масштабного социального явления.

Гиперфункция армии как социального института с необходимостью становится причиной чрезмерного повышения статуса военнослужащего, что в конечном итоге приводит к выполнению военнослужащими нехарактерных для них социальных ролевых функций. Деструктивные потенциал гиперфункции армии как социального института, равно как и дисфункции ее институциональных оснований представляет собой отдельную теоретическую проблему и исследовательское направление. Мы остановимся на том, что оптимальным вариантом является такая форма гражданско-военных отношений, при которой институт армии не берет на себя функцию политического или какого-либо иного института (например, института экономики), но при этом сохраняет собственные институциональные основания. Основываясь на данной модели, аналитику статусно-ролевого набора военнослужащего целесообразно совершать в следующих направлениях: в системе государства (социальных прав, гарантий, ответственности), в системе общественного мнения (данный параметр определяет базовые ориентиры профессии военнослужащего, а также уровень престижа военной службы, как неотъемлемый

компонент статусной определенности), в системе армии, задающей собственные ценностные ориентиры и собственный уровень социальной стратификации в соответствие с системой внутренней иерархии, а также в системе армии, определяющей институциональные основания взаимодействия военнослужащих.

Роль армии в системе государства и социальный статус военнослужащего связаны между собой. Как отмечает О. Ю. Быстряков, «Государством предприняты все шаги, чтобы обособить военнослужащих в отдельный социальный слой для достижения целей государственных масштабов»[2]. В этом смысле наблюдается прямая корреляция между государственным реформированием армии как социальной структуры и статусным положением военнослужащих. Следует отметить, что обособление армии как государственной силовой структуры по отношению к гражданскому социуму еще не означает возрастание роли институциональных форм поведения в военной среде, как факторов, ответственных за формирование статуса военнослужащего. Решающим фактором статусной определенности является нормативно-правовое регулирование статуса военнослужащего, а также конкретная реализация мер, направленных на модернизацию и укрепление армии как социальной структуры.

Следует отметить, что статус военнослужащего как социальной категории не может быть высоким в случае дисфункции армии как социального института, а также в ситуации государственного обеспечения базовых потребностей армии по остаточному принципу. Так, например, в кризисный период новейшей истории России, в девяностые годы двадцатого века, на фоне острого социально-экономического кризиса и недофинансирования армии заметно снижается социальный статус военнослужащего[1]. Напротив, повышение государственного интереса в армии, выражающееся в оснащении современной техникой, обеспечением достойных условий ведения службы, обеспечением социальной поддержки (в том числе и с перспективой решения жилищного вопроса) военнослужащих, для которых служба в армии становится основной профессией, приводит к заметному повышению статуса военнослужащего.

ЛИТЕРАТУРА

6. Балашов А. И. Российская армия: смена модели // Мир России. Социология. Этнология. 2014. №4 С.148-177.

7. Быстряков О. Ю. Военнослужащие в социальной структуре современного российского общества // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. №1 С.42-45.

8. Ефимова Е. А., Захаров А. В. Правила и методы ведения войны: социально-нравственный аспект (на материалах Первой мировой войны) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №4 (53) С.136-140.

9. Макарова И. В. Конфликт и неформальная коммуникация // Теория и практика общественного развития. 2012. №12 С.87-89.

10. Образцов И. В. Армия как социальный институт государства: Российский опыт в контексте мировых тенденций // Вестник МГЛУ. 2013. №2 (662) С.151-171.

11. Панченко А. М. Институционально предписанные формы девиантного поведения как часть социального статуса военнослужащего // Вестник МИЭП. 2011. №2 (2) С.101-108.

12. Суркова И. Ю. «Есть такая профессия Родину защищать»: мотивационные предпочтения выбора карьеры военного // Мир России. Социология. Этнология. 2013. №2 С.107-125.

13. Туровская А. А. К вопросу об основных концепциях роли армии в государстве // Вестник МГИМО. 2012. №3 С.203-209.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Гончаров В.Н.

SOCIAL INFORMATION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF PUBLIC SYSTEM

Goncharov V.N.

В статье утверждается, что вся информация, функционирующая в обществе, является социальной, независимо от того, какие сведения она дает, каким образом она кодируется, хранится и используется. Общество рассматривается автором как целостная система, а социальные явления как системные, выполняющие определенные системные функции.

In article it is claimed that all information functioning in society is social irrespective of the fact which she supplies with the information how she is coded, stored and used. Society is considered by the author as complete system, and the social phenomena as the system, performing certain system functions.

Ключевые слова: информация, отражение, мышление, социальные отношения, общественное сознание, общественная память

Keywords: information, reflection, thinking, social relations, public consciousness, public memory

Информация в обществе есть системное явление, выполняющее системные функции. Но возникает вопрос: какова природа и сущность информации. Следует заметить, что в социальных учениях, при всех различиях в понимании природы информации, социальное смысловое наполнение понятия информация интуитивно связывается со сведениями. Тому имеется соответствующая причина. Она заключается в том, что сведения оказываются основным сущностным признаком информации. Этот признак обусловлен генетической связью информации с отражением. Как известно, отражение является всеобщим свойством, оно наблюдается в неживой, живой природе, обществе, в процессах мышления.

Сведения мы получаем на основе анализа производимого на нас воздействия явлений, их свойств и изменений. «Особое внимание отводится анализу чувственной сферы человека» [2], где эти воздействия фиксируются в его чувственных и абстрактных формах отражения действительности. В этой связи, вполне естественно возникает мысль о непосредственной и неразрывной связи информации с таким всеобщим свойством материи, как отражение. Отражение в самом простом виде представляет собой след от воздействия одного объекта на другой. Отражение в различных системах природы фиксируется на самых различных свойствах. И в общем можно сказать, что отражение есть свойство целостных систем специфически воспроизводить в своей организации те или иные черты, свойства, функции, структуры внешнего воздействия. Изменения, зафиксированные отражением, можно считывать, снимать. Считанные, снятые с полученного отражения изменения представляют собой сведения, на основе которых система координирует свои действия. Само по себе наличие отражения еще не сведения, не информация. В объектах неживой природы отражение всегда присутствует под воздействием других объектов, но сведений не образуется. Сведения формируются тогда, когда происходит оперирование результатами отражения. Это оказывается возможным только при наличии особых механизмов в структуре системы, которые могут считывать, снимать результаты отражения, формируя из них сведения. Если сказать проще, сведение - это считанное, снятое отражение. И тогда, в первом приближении, можно сказать, что информация - это считанные сведения.

Механизмы, считывающие отражение и формирующие сведения, эволюционно

появились в живой природе. В принципе, информация в живой природе начинает функционировать с появлением механизмов корреляции, регуляции и саморегуляции. На всех структурных уровнях организации живой природы происходит фиксирование, считывание и передача информации, начиная с молекулярного уровня. С образованием центральной нервной системы и органов чувств у более высокоразвитых животных появляются такие формы чувственного отражения, как ощущение, восприятие, представление. И соответственно появляется информация в чувственных образах. Это особый вид информации, отличающийся, например, от информации в генах.

Рассматривая в первом приближении информацию как снятые, считанные сведения, мы даем не вполне точное определение информации, а точнее мы даем определение через один-единственный общий признак. Но информация - это не просто сведения, сами по себе снятые с отражения. Сведения - это нечто, определенный феномен, результат отражения, их можно изменять количественно, передавать с определенной скоростью, выполнять другие операции. Сведение представляется как снимок, как «нечто» статичное. Именно такое понимание заложено в первоначальном смысле понятия информации. Но понятие информация не тождественно понятию сведения. Если в понятии сведения закрепляется статичность, то понятие информация закрепляет динамическую сторону сведений. Информация - это считываемый результат отражения, дающий сведения, что предполагает наличие и других признаков информации.

В качестве другого сущностного признака информации, также связанного с отражением, предстает форма ее существования - код информации. Информация существует в процессе ее кодирования, хранения и передачи в кодах. Кодирование - это выделение за некоторое время и сохранение изменений внешнего воздействия в структурных изменениях воспринимающей системы. Выделить - значит отразить в изменениях своей структуры внешние изменения. Процесс выделения, по существу, является моделированием. Полученная модель - это определенная структура, в которой отражено изменение физического воздействия во времени и пространстве. И, следовательно, код - это определенный комплекс изменений в принимающей среде, в котором отражен характер изменений воздействующего объекта; это определенная модель воздействующих изменений. Долговременное хранение кодов у животных стало возможным с появлением механизмов памяти. Коды, фиксирующие чувственно отраженные образы, составляют образную память. Это, фактически, первый, основной этаж памяти чувственных форм отражения действительности (ощущения, восприятия, представления).

Процесс раскодирования равносилен считыванию моделей в кодах образной памяти, снятию сведений с чувственно отраженных образов, то есть получению образной информации. Оперирование образными сведениями является не чем иным, как образным мышлением. Постоянное оперирование образными сведениями, кодирование и раскодирование образного отражения составляют процесс информационного движения на уровне отдельного индивида, для которого «важно обеспечивать максимальное взаимодействие социальных условий» [4].

Совершенно иной вид информации возникает с возникновением вещественного знакового кодирования, то есть кодирования в звуковых знаках, словах. Такой способ кодирования возник в процессе формирования первых социальных отношений; с ним связаны возникновение индивидуального и общественного сознания. К этому привели потребности коллективных координационных действий в становлении первых людей. Уже в стадной общности предлюдей индивиды не только коррелировали и согласовывали свои собственные действия в отношении окружающей природной среды, но им приходилось коррелировать и согласовывать свои действия с действиями индивидов стада; совершенствовался характер приспособляемости вида. Если на уровне индивида координационные изменения происходили с перестройками в коре головного мозга, в механизмах кодирования, хранения и выдачи образной информации, то на уровне стадной общности новые координационные процессы требовали дальнейших изменений в

совершенствовании механизмов координации. Новые механизмы общностной координации возникают с появлением знакового кодирования и формирования механизмов знаковой памяти у индивидов. Главными составляющими этих механизмов стали вещественные знаки в общении между индивидами, а затем знаковая и понятийная память индивидов. С полным основанием можно считать, что они же и являются основными элементами общностной памяти. Фактически, общностное сознание и общностная память возникают с появлением вещественных знаков кодирования в общении между индивидами и механизмов знаковой и понятийной памяти у индивидов общности.

Знаковое кодирование связано с передачей сигналов между индивидами. При коллективной деятельности формирующихся гоминидов участилось использование звуковых сигналов и сигналов-жестов, жестикуляции, и выкрикиваемые гортанные звуки, по всей вероятности, вначале использовались неупорядоченно, спонтанно, ситуационно. Но среди жестов и звуков выделялись такие, которые чаще всего использовались и однозначно понимались каждым индивидом стада. Эти жесты и звуки естественным образом отбирались и фиксировались на этаже знаковой памяти. Вместе с тем формировался одновременно и более высокий этаж памяти. Закладывались механизмы понятийной памяти. Каждый звуковой знак, фактически, являлся обозначением каких-либо объектов, их свойств и изменений, а также тех или иных часто употребляемых действий. По-видимому, вначале это были звуковые знаки, обозначающие опасность, призывы быть осторожными, затаиться или к активному действию, а также обозначающие животных, на которых охотились, орудия и действия, с помощью которых осуществлялась охота; знаками обозначали индивидов стада. Общепринятые и однозначно понимаемые в сообществе звуковые знаки становились звуковыми словами. Набор произносимых звуковых знаков-слов образовал звуковую членораздельную речь.

Использование звуковых знаков привело, таким образом, к появлению членораздельной речи, а вместе с этим к качественно новой форме отражения действительности - знаковой. Знаки, представленные звуковым словом, по своему воздействию на органы чувств аналогичны непосредственному воздействию объектов и их свойств. Знаки, в данном случае, являются заменителями объектов. При звуковом знаке-слове также возникает в сознании образ объекта, обозначаемого словом, но вместе с этим в сознании возникает такой процесс мысли, который выделяет существенное свойство объекта, обозначаемого знаком. Такой процесс мысли называют понятием. В понятии происходит абстрагирование от несущественных свойств и выделение существенного свойства, по которому объект выделяется из среды других объектов и относится к определенному классу объектов, обладающих этим свойством.

Через знаковое кодирование отражения проявляются такие формы абстрактного (рассудочного) отражения действительности, как понятия, суждения, умозаключения. Сведения с абстрактных форм отражения действительности снимаются через смысл понятий, суждений, умозаключений. Различия между членораздельной речью и языком можно выразить следующим образом. Членораздельная речь - это процесс передачи информации в звуковой форме. Письменная речь - передача информации в письменной знаковой форме. Язык же связан со смысловым значением знаков. Язык - это процесс смыслового отражения действительности и передачи смыслов в знаковой форме. Смысловая информация возникает на уровне абстрактных (рассудочных) форм отражения действительности. Информация в чувственных формах функционирует на уровне отдельного человека. Информация в абстрактных образах кодируется в памяти индивидов и функционирует как на уровне отдельного человека, так и на уровне межличностных отношений, на основе членораздельной речи и языка. Основу функционирования информации на уровне отдельного человека составляют механизмы индивидуальной памяти, влияющей на «всевозможные сферы жизнедеятельности человека» [6].

Знаковая информация возникла как межличностная форма общения. Ее появление привело к формированию одновременно индивидуального и общественного сознания. И

если основу функционирования индивидуального сознания составляет индивидуальная память, то основой функционирования общественного сознания является общественная память. Общественное сознание хотя и является надиндивидуальным, надличностным сознанием, но оно возникает с появлением первых механизмов общественной памяти, эволюционно одновременно, в неразрывной взаимосвязи, с индивидуальным личностным сознанием. Появление первых механизмов общественной памяти осуществляется одновременно с перестройкой механизмов индивидуальной памяти. К числу первых и основных механизмов общественной памяти относится звуковая членораздельная речь и механизмы знаковой и понятийной памяти индивидов.

В целом можно представить характер функционирования коллективной памяти можно следующим образом. Она функционирует только при постоянном общении индивидов. Память каждого индивида, по сути своей, является элементарной ячейкой коллективной памяти. Между ячейками памяти происходит информационный обмен, то есть формирование и выдача знаковых кодов и, соответственно, прием и расшифровка знаковых кодов. При этом во взаимосвязанных ячейках памяти происходят процессы оперирования образной и смысловой информацией. Мыслительный процесс, при котором осуществляется оперирование смысловой информацией, то есть смыслом понятий, суждений, умозаключений, является абстрактным (рассудочным) мышлением. В целом же в сознании человека мышление представляется как процесс оперирования и образной, и абстрактной смысловой информацией, в результате чего образуются знания.

В логической форме знание представляется как определенная совокупность взаимосвязанных суждений о чем-либо или о ком-либо. В ячейках коллективной памяти различные знания кодируются в виде последовательно фиксируемых суждений. Система таких последовательных суждений передает смысловой образ, смысловое содержание рассматриваемых явлений и происходящих с ними изменений, «обеспечивающих единство взаимодействия всех подсистем» [3].

Формирующаяся система суждений, одинаково понимаемая индивидами, составляет коллективное знание. Коллективные знания, получаемые через систему чувственных и рассудочных форм отражения действительности, составляют коллективное сознание. Коллективное сознание функционирует на основе постоянного обмена знаковой, образной и смысловой информацией. Поскольку исторически первой социальной формой общности являлась родоплеменная общность, то хранителем общностной информации рода, племени являлась память индивидов. Элементарные ячейки родоплеменной общностной памяти в закодированной форме хранили в себе родоплеменную информацию, общностное знание, умения, приобретенные предыдущими поколениями. Сформировавшиеся первые механизмы родоплеменной общностной памяти обеспечивали функционирование общностного сознания только на чувственно-эмпирическом уровне, включавшем в себя общностную социальную психологию и общностное обыденное сознание.

Материальным носителем общностной родоплеменной памяти является нейрофизиологический механизм индивидуальной памяти членов родоплеменной общности. Каждый индивид с рождения усваивал язык данного рода или племени, на основе которого формировались его индивидуальное сознание, индивидуальное мышление. Язык являлся средством приобщения индивидуального мышления к существующей форме родоплеменного общностного сознания, усвоению наработанной духовной культуры рода-племени, к сложившимся общим обычаям, нравам, традициям. Память каждого конкретного существующего индивида, являясь, в той или иной мере, элементарной ячейкой функционирующей общностной родоплеменной памяти, вмещала в себя не все знания, функционирующие в общностной памяти. Только у взрослых индивидов она приближалась к этому. И только некоторые из них, пожалуй, хранили в своей памяти всю полноту приобретенных знаний. Чаще всего это могли быть жрецы, вожди, старейшины, умудренные опытом старики-советники. Хранящиеся в общностной памяти знания, опыт, умения, приобретенные предыдущими и настоящими поколениями, передавались

непосредственно от индивида к индивиду, от поколения к поколению. Такой механизм передачи информации от индивидов старших поколений к индивидам младших поколений, от стареющих ячеек общностной памяти к новым, молодым происходит в общественном сознании на протяжении всей истории развития общества. Информация в нарастающем объеме перемещается во времени от угасающих ячеек общественной памяти к народившимся, развивающимся.

Но знаковая система кодирования информации таила в себе широкие возможности, которые исторически постепенно стали реализовываться. Прежде всего, оказалось возможным в качестве механизмов памяти использовать не только биологические клеточные структуры, но и природные вещественные элементы. Особую роль сыграл переход от знаков, воспринимаемых органами слуха, к знакам, воспринимаемым органами зрения. Толчком к этому послужило стремление изображать животных, растения, человека и другое в виде наскальных рисунков, а позднее – на глиняных плитах, горшках. Это, с одной стороны, вело к зарождению изобразительного искусства, которое стало особенно выразительным с позднего палеолита, когда в пещерах первобытные художники создавали многокрасочные изображения мчащихся или спокойно лежащих бизонов, скачущих коней, сцены охоты и другое. Эти рисунки давали зрительную информацию в чувственных образах. С другой стороны, явилось переходом к кодированию информации в письменных знаках, появлению письменной речи.

Центром концентрации коллективной информации фактически являются библиотеки - они выступают как место организации вещественной части общественной памяти, хранилище человеческих знаний, умений, навыков общественной деятельности во всех сферах общественной жизни. В результате научно-технического прогресса в XX столетии удалось кодировать и хранить информацию на другой вещественной основе, в основе которой современные ЭВМ, «информационные и коммуникационные технологии» [5], способствовавшие появлению такого вещественного механизма памяти, который по объему и скорости обработки информации оказался весьма эффективным, во многом превосходящим механизмы естественной памяти человеческого мозга.

На уровне личности действительность отражается не только в чувственных и рассудочных формах, но и в форме эмоций. Все эти формы социальной информации обладают свойством - побуждением к координирующим действиям. Благодаря сведениям у людей возникают мотивы, цели, координация действий. Побуждение к определенному поведению, к действиям является одним из важных признаком информации. Фактически понятие информация относится к системе аксиологических понятий. Таким образом, природа социальной информации определяется характером общественных форм отражения действительности, «сложным взаимодействием различных видов социальной коммуникации» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. – С. 95-100.

2. Камалова О. Н. Становление и развитие неклассических подходов понимания интуиции в первой половине XX века // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. -№ 4. - С. 127-133.

3. Колосова О. Ю., Говердовская Е. В. Системный подход как принцип экологической направленности подготовки современного преподавателя // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 124-128.

4. Лобейко Ю. А., Говердовская Е. В. Психолого-педагогический аспект развития личности студента-спортсмена в контексте современных социальных условий // Современные наукоемкие технологии. - 2016. - № 4-1. - С. 143-147.

5. Лобейко Ю. А. Качественное и доступное образование в контексте развития

информационных технологий // Проблемы и перспективы развития образования в России. - 2015. - № 34. - С. 76-80.

6. Несмеянов Е. Е., Колосова О. Ю. Информационная культура в контексте глобальных процессов // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2014. - № 3. - С. 5-7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВ МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат социологических наук, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»
Адрес: 357600, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2
АЙЛАРОВА СВЕТЛАНА АХСАРБЕКОВНА − доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
Адрес: 362040, г. Владикавказ, просп. Мира, 10
АЙРАПЕТОВ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ – соискатель, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»
Адрес: 357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2
БЕКОЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА − доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
Адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
БОРОВИК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА – кандидат юридических наук, начальник отдела организации дознания УТ МВД России по ЦФО
Адрес: 107140, г. Москва, ул. Леснорядская, 11/13
ГЕРЛАХ ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА - кандидат педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, город Армавир, улица Розы Люксембург, 159
ГОНЧАРОВ ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, Гуманитарный институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»
Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
ГРИШАЙ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор социологических наук, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»
Адрес: 357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2
ЖУЙКОВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА – аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
Адрес: 362025. г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
ИСЛАМОВ ФЕРЗИЛАХ ИСЛАМОВИЧ – соискатель, частное образовательное учреждение высшего образования «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»
Адрес: 357600, г. Ессентуки, ул. Ермолова, 2
КОЗАЕВА ГУЛЬНАРА РОЛЛАНДОВНА – аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
Адрес: 362025. г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
МАГАМАДОВ НУРИД САЙД-ХАСАНОВИЧ − старший преподаватель, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет»

Адрес: 364907, г. Грозный, ул. Шерипова, 32
МАЦНЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – соискатель, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»
Адрес: 357108, г. Невинномысск, бульвар Мира, 17
МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА − кандидат педагогических наук, государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»
Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417[а]
НЕКРАСОВА ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА − старший преподаватель, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»
Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
ПОПОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, Главное управления экономической безопасности и противодействия коррупции
Адрес: 107078, Москва, ул. Новорязанская, 8а, стр. 3
РЫБАЛКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ − кандидат педагогических наук, федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35
САРИЕВА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА – соискатель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»
Адрес: 369200, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29
СПИРИНА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159
СУЛТАНОВА МИЛАДА ВИКТОРОВНА − кандидат философских наук, Ставропольский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес: 355000, г. Ставрополь, просп. Кулакова, 43
СЫПАЧЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ − заместитель руководителя военного следственного управления по Центральному военному округу г. Екатеринбург
Адрес: 620137, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 5
УСТИНОВА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА − кандидат социологических наук, Ставропольский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес: 355000, г. Ставрополь, просп. Кулакова, 43
ФЕДИНА НИНА ВЛАДИМИРОВНА − кандидат педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
Адрес: 394000, г. Липецк, ул. Ленина, 42
ХАЛИЛУЛЛИН ФАИЛЬ ФАРГАТОВИЧ − кандидат психологических наук, федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABRAMOV MAKSIM ALEKSEEVICH – Candidate of Sociological Sciences, Private educational

institution of higher education «Essentuki Institute of Management, Business and Law»
Address: 2, Yermolova Str., Essentuki, 357600
AYAPETHOV ALEXANDER VITALEVICH - applicant, Private educational institution of higher education «Essentuki Institute of Management, Business and Law»
Address: 2, Yermolova Str., Essentuki, 357600
AYLAROVA SVETLANA AHSARBEKOVNA - Doctor of Historical Sciences, the Federal State Budget Institution of Science V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies
Address: 362040, Republic of North Ossetia-Alania Vladikavkaz, Mira, 10
BEKOEVA TATIANA ALEXANDROVNA – Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Khetagurov North Ossetian State University»
Address: 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025
BOROVIK OLGA VICTOROVNA – Candidate of Juridical Sciences, head of the organization department of investigation MOI of Russia for the Central Federal District
Address: 11/13, Lesnoryadskaya Str., Moscow, 107140
FEDINA NINA VLADIMIROVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Educational Institution of Higher Education «Lipetsk State Pedagogical University named after Semenov-Tyan-Shansky»
Address: 42, Lenina Str., Lipetsk, 394000
GERLAKH IRINA VITALEVNA - Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Armavir State Pedagogical University»
Address: 159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, 352900
GONCHAROV VADIM NICOLAEVICH – Doctor of Philosophical Sciences, Institute of Humanities of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «North-Caucasus Federal University»
Address: 1, Pushkin Str., Stavropol, 355009
GRISHAY VLADIMIR NIKOLAEVICH − Doctor of Sociological Sciences, Private educational institution of higher education «Essentuki Institute of Management, Business and Law»
Address: 2, Yermolova Str., Essentuki, 357600
ISLAMOV FERZILAH ISLAMOVICH - applicant, Private educational institution of higher education «Essentuki Institute of Management, Business and Law»
Address: 2, Yermolova Str., Essentuki, 357600
KHALILULLIN FAIL FARGATOVICH - candidate of psychological sciences, Federal State Educational Institution of Higher Education «Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»
Address: 35, Magistralnaya Str., Kazan, 420108
KOZAEVA GULNARA ROLLANDOVNA – postgraduate, Federal State – Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Khetagurov North Ossetian State University»
Address: 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025
MAGAMADOV NURID SAID-HASANOVIC − Senior Lecturer, Federal StateFunded Educational Institution of Higher Education "Chechen State University"
Address: 32, Str., Sheripova, Grozny, 364907
MATSNEV ALEXANDER ALEXANDROVICH – applicant, state autonomous educational institution of higher education "Nevinnomyssky State Humanitarian-Technical Institute"
Address: 17, Myra Blvd. Nevinnomyssk, 357108
MOROZOVA TATIANA PETROVNA - Candidate of Pedagogical Sciences, State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Stavropol State Pedagogical Institute»
Address: 417 a, Lenina Str., Stavropol, 355029
NEKRASOVA ELENA GENNAD'EVNA − senior lecturer, Federal state budgetary educational institution of higher education «South-Russian state Polytechnic University named after M.I. Platov»
Address: 132, Prosvescheniya Str., Novocherkassk, 346428
POPOVA TATYANA VLADIMIROVNA – Candidate of Juridical Sciences, Main management of economic security and anti-corruption
Address: 8, p. 3, Novoryazanskaya Str., Moscow, 107078
RYBALKIN DMITRY ALEKSANDROVICH - Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Educational Institution of Higher Education «Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»

Address: 35, Magistralnaya Str., Kazan, 420108
SARIEVA ANASTASIA IVANOVNA - applicant, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyeva»
Address: 29, Lenina Str., Karachaevsk, 369200
SPIRINA VALENTINA IVANOVNA - doctor of pedagogical sciences, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Armavir State Pedagogical University»
Address: 159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, 352900
SULTANOVA MILADA VIKTOROVNA − candidate of philosophical Sciences, Stavropol Branch of the Federal State Public Educational Institution of Higher Professional Education «Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"
Address: 43, Kulakova Ave., Stavropol, 355000
SYPACHEV SERGEY VLADIMIROVICH − deputy head of the military investigation Department for the Central military district Ekaterinburg
Address: 5, Danily Zvereva Str., Ekaterinburg, 620137
USTINOVA LARISA GENNADIEVNA - Candidate of Sociological Sciences, Stavropol Branch of the Federal State Public Educational Institution of Higher Professional Education «Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"
Address: 43, Kulakova Ave., Stavropol, 355000
ZHUYKOVA NATALYA ANDREEVNA - postgraduate, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Khetagurov North Ossetian State University»
Address: 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025

ТРЕБОВАНИЯКПУБЛИКУЕМЫММАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте *redsov@mail.ru.*

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см.сайт*www.cegr.ru*).

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: *www.teacode.com.* название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210х297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта–14 кегль, TimesRoman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc. и rtf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименования; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт TimesNewRoman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы. Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт TimesNewRoman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не

требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, С.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. rtf ». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, рис. 1.jpg», «Петров, рис. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

Научно-теоретический журнал
«Экономические и гуманитарные
исследования регионов» № 2 2017 г.

Учредитель: «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д.109. Подписано в печать 30.03.2017 г. Формат 340х245. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии ЗАО «Центр Универсальной Типографии». Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 201.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.